

M. Anderson

**ПОДПУСТИ
МЕНЯ БЛИЖЕ**

Раунд 2

После расставания Егора и Сони проходит 3 года. Герои вырастают, взрослеют и меняются. Школьная любовь испаряется под натиском реальности и старых обид. Или же всё-таки нет? Матвей, Егор, Соня и Маша. Четыре человека, чьи жизни изменились после трагичного случая в прошлом. Что заставит их снова встретиться? И кто тот таинственный незнакомец, который постоянно присылает им письма, утверждая, что знает их самые страшные тайны?

ПРОЛОГ.

Наадя — Псы с городских окраин

Две машины и один мотоцикл стоят посреди пустой дороги ночного города, образуя некое подобие круга. Улицы пустые и спокойные, и кажется, будто все жители испарились, словно по щелчку, не оставив ни малейшего шанса найти их.

Огни ночного города освещают пространство, вывеска круглосуточной аптеки на мгновение гаснет и меняет цвет с зелёного на синий, светофор возле поворота настойчиво мигает жёлтым.

Четыре человека стоят в центре и вглядываются в лица друг друга.

Что привело их сюда?

Девушка на каблуках в кожаной куртке со светлыми выкрашенными волосами, завязанными в пышный хвост. Её рука опущена, а пальцы сжимают мотоциклетный чёрный шлем. Позади неё стоит байк, на котором она совсем недавно сюда приехала.

Брюнетка в чёрных туго зашнурованных берцах, в армейских штанах и в распахнутой чёрной толстовке, за спиной которой в полуобороте стоит машина. За рулём сидит пятый человек и терпеливо ждёт возвращения своей спутницы.

Черноволосый парень в белой футболке, тщательно прятая пятна то ли грязи, то ли крови на своей груди за кофтой со сломанной змейкой. Его губы сухие и потрескавшиеся, под глазами синяки, а в боковом кармане рюкзака в пузырьке из-под обезболивающих припрятаны сильные транквилизаторы.

Последний парень — русский с пронзительными голубыми глазами. У него разбита губа и рассечена бровь. Толстовка застёгнута, капюшон накрывает голову, на ногах кроссовки и спортивные штаны.

Позади парней третий автомобиль — его двери распахнуты, двигатель не выключен.

Четыре человека. Дети из прошлого, связанные страшными тайнами и ошибками, не горящими никаким желанием, чтобы их секреты были раскрыты.

В этот переломный момент всё и начинается, а, может быть, просто заканчивается?

Так, что же привело их сюда?

Брюнетка достаёт из кармана небольшую карточку и показывает остальным. Те, в свою очередь, повторяют её движение и поднимают руки с точно такими же бумажками, на которых написаны дата, время и место.

Карточки, которые привели их сюда, которые вырвали из настоящего и заставили встретиться с прошлым. Карточки, заверяющие каждого из них, что знают его самые страшные тайны.

Они, не говоря ни слова, практически одновременно опускают руки, делают шаг назад, разворачиваются и направляются к своему транспорту. Блондинка к байку, парни к машине, брюнетка к своему спутнику. Она открывает переднее сидение и забирается в салон, захлопывая дверь чуть сильнее, чем это надо было.

— Поехали, — бросает брюнетка, наблюдая за тем, как вторая девушка надевает шлем и

седлает свой мотоцикл.

— Уверена? — спрашивает водитель.

Его спутница медлит, сжимая пальцами карточку, и отворачивается от окна.

— Да.

Он поворачивает ключ, заставляя двигатель очнуться, меняет передачу и рывком разворачивает машину. Бросив последний взгляд на мотоциклистку, брюнетка открывает форточку и выбрасывает скомканную бумажку с адресом, которую тут же подхватывает порыв ветра и уносит куда-то в сторону, надеясь, что вместе с этим мусором избавляется и от всего остального.

Но на вопрос так и не был получен ответ.

Что привело их ночью на улицы давно забытого города, вырвав из настоящего и вернув в прошлое?

Байкершу, военную, наркомана и бойцовского пса?

Кто стоит за этим? И какие цели преследует незнакомец, грозясь разоблачить каждого из них?

Игра ведь только начинается?

Brittany Davis — Idk

Соня.

Медленно и размеренно размешиваю сахар в кружке с крепким кофе, сидя за столиком в заведении, расположенном в нескольких кварталах от общежития, в которое я заселилась пару дней назад. Ложка противно скребётся о стенки керамической белоснежной кружки уже как минимум минут пять, и я не собираюсь останавливаться. Сахар давно уже растворился в постепенно остывающем напитке, но я даже не притронулась к нему.

В другой моей руке находится сотовый — я лениво листаю ленту инстаграма, периодически оценивая фотографии. В какой-то момент мне становится скучно — я перестаю размешивать сахар, ловко включаю камеру и делаю снимок кружки. Отправляю фотографию в приложение и ставлю хештег «новый_кофе_в_старом_городе».

Хватаюсь за кружку и делаю один глоток тёплого напитка. Как долго я здесь сидела, раз кофе уже успел остыть?

Откидываюсь на спинку диванчика — кожаная куртка скрипит из-за моих движения — и осматриваюсь. Заведение небольшое, но народу здесь достаточно. Пахнет пончиками и ванилью, на картине в дальнем углу прожжённый круг от сигареты, а у одного из официантов пятно, выступающее из-под фартука.

Забегаловка та ещё, но мне нравятся подобные места. Здесь можно не платить за невкусные напитки, если у тебя нет денег. Как? Сейчас узнаете.

Я выпиваю половину кружки, когда народ начинает суетиться. Они переговариваются и показывают в окно. Я усмехаюсь себе под нос, делаю последний глоток и осторожно ставлю кружку на столешницу. Хватаю мотоциклетный шлем, который всё это время лежал рядом на сидении, и надеваю его на голову.

— Чей это байк на улице? — вскрикивает кто-то.

Я вскакиваю на ноги и бегу в сторону выхода, ловко уклоняясь от посетителей, чтобы не сбить кого-нибудь с ног.

— Девушка, Вы не заплатили! — кричит мне вслед официант, но звонок над дверью уже бренчит.

Я выскакиваю на улицу: мой байк, припаркованный рядом с кафешкой, дымится. Нет, он не сломан и его не подожгли, просто за час до этого я прокатила на своём железном коне одного парнишку, а тот в ответ согласился в определённое время поджечь дымовую шашку. Мотоцикл обволакивает густой красный дым — я решительно запрыгиваю на байк, заставляю его взрывать, словно животное перед атакой, и на максимальной скорости уезжаю, прежде чем меня успевают остановить официанты, чтобы заставить меня заплатить за невкусный кофе, который я даже не допила.

Адреналин зашкаливает — я мчу по дороге, огибая машины, ветер врежется в моё тело, и я сильнее нагибаюсь, чтобы удержать равновесие. Руки в кожаных перчатках без пальцев немеют из-за холода, когда я подъезжаю к корпусу общежития. Паркуюсь среди отвратительных машин и, наконец, спрыгиваю с мотоцикла. Прячу ключи в карманах и снимаю шлем, который забираю с собой, потому что прекрасно знаю, что при любой возможности им захотят поживиться.

Взгляд скользит по шестиэтажному пошарпанному зданию студенческой общаги и не находит ничего привлекательного. Что ж, следующие два года мне нужно будет постараться, чтобы меня снова не выперли из универа и не выгнали из общаги, иначе жить мне будет точно негде.

Я поджимаю губы и направляюсь в сторону входа, чтобы уговорить комендантшу пустить меня без пропуска, потому что мне его ещё не выдали, а эта женщина уже третий раз орёт на меня, что я безответственная неудачница. Что, собственно, по её мнению, я должна сделать, если пропуск мне выдадут только на следующей недели? Мне кажется, что ей просто скучно, вот она и цепляется.

Я взбегаю по ступеням и врываюсь в холодное помещение общежития. Сейчас лето, учёба ещё не началась, так что студентов здесь мало. Мне это на руку, не люблю лишнее внимание.

Старухи на своём месте нет, и я поспешно проскакиваю мимо вахты и направляюсь к лестничной площадке, чтобы подняться на третий этаж. Сегодня мне на удивление везёт.

Повсюду пахнет хлоркой, куревом и ещё чем-то тошным. Я надеваю на голову шлем, чтобы избавиться от неприятного запаха, и поспешно поднимаюсь на нужный этаж. Коридор неприятный и обшарпанный, здесь тихо и до жути противно. Боюсь представить, что будет во время учёбы...

Нужная дверь находится справа пятой от лестничной клетки — я подхожу к ней и открываю, на ней чёрным маркером написано «шлюха». Это уже было до того, как я сюда въехала, но даже думать не хочу, кому и из-за чего адресована эта надпись.

Моя соседка, с которой мне придётся уживаться ближайшее время, сидит на кухне и курит. Я не хочу снимать шлем, потому что прекрасно знаю, что помещение пропахло дымом и тошным запахом дешёвых спагетти.

Не разуваясь, я захожу на кухню.

Лена Истомина затягивается, внимательно наблюдая за мной, словно я нахожусь только в её воображении, и шумно выдыхает густой дым. Форточка закрыта, на столешнице

пепельница с окурками и кружка, наверное, с чаем.

Девушка в домашнем халате и в тапочках, поджигает ноги под себя, сидя на диванчике. У неё чёрное каре и серо-зелёные глаза, кожа бледная, покрытая родинками на шее. Она старше меня на пару лет и учится на последнем курсе.

— Тебе письмо, — безразлично бросает она, пока я заглядываю в холодильник и с прискорбием замечаю, что мой йогурт уже съели.

Письмо? Да вы издеваетесь.

Выпрямляюсь и смотрю на девушку, потом снимаю шлем и морщусь из-за плотного запаха дыма. Я хоть и курю, но не настолько много.

— В комнате, — тянет Лена. — Я не открывала.

Снова делает затяжку. Истомина говорит медленно, растягивая каждое слово, словно с трудом соображает. По-моему, она перекурила...

— Ещё бы ты распечатала его, — грубо бросаю я. — Форточку открой.

Разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

— И хватит трогать мою еду!

Она не отвечает. Выхожу в коридор и открываю дверь комнаты. Наша общага устроена по типу квартир: общая кухня и три комнаты, в которой живут по двое. Мне придётся уживаться с Леной, потому что остальные места уже заняты. Не знаю, кем, но вскоре сюда должны перебраться ещё четверо девчонок. Мне кажется, что я свихнусь в таких условиях.

В комнате распахнуто окно, так что запах дыма сюда не добирается. Бросаю шлем на кровать и хватаю пальцами конверт, лежащий на тумбочке. Чёрт, и как они узнали, что я переехала? Я же никому не сказала, куда собираюсь поступать и где буду жить, как они нашли меня? Сраные письма без обратного адреса...

Открываю его и достаю новую карточку, на которой напечатано: «Конечный пункт определяешь не ты».

— Что за ересь? — фыркаю и бросаю бумаги на кровать.

В последнее время эти письма становятся всё бредовее и бредовее. В начале они имели хоть какой-то смысл, а теперь пустые слова. Конечный пункт определяю не я? Ну, естественно. Конечный пункт — это смерть. Угадать, какая она будет, невозможно, если, конечно, ты не суицидник.

Я разворачиваюсь и выхожу из комнаты, чтобы принять душ и расслабиться. Может быть, смогу подумать и разгадать странные послания незнакомца. Наверное, это какой-то маньяк, который преследует меня по пятам. Может, стоит обратиться в полицию? Но тогда...

Нет, копы — это не выход. Мне нужной самой выследить его и уничтожить. Я так просто это не оставлю.

КРЕСТ-НАКРЕСТ — Куда Приводят Мечты

Матвей.

Голова раскалывается. Я полностью кутаюсь в одеяло и утыкаюсь лицом в подушку, чтобы ни один луч света не проник в моё сознание. Хочется пить, но вылезать из постели у меня нет сил. Кости ломит, мышцы стонут так, словно я вчера пробежал несколько десятков километров, слабость придавливает меня к кровати невидимыми путами, не позволяя даже лишним мыслям проникнуть в мою голову.

Сегодня выходной. Или же нет? У меня все дни смешались и превратились в один сплошной круговорот. Вечная пятница, вечная нескончаемая чередка бесполезных вдохов и выдохов.

Что вчера было? Кажется, я снова выпил больше таблеток, чем это нужно. Одна уже не помогает, две тем более. Боль только усиливается и постепенно сводит меня с ума.

Я почти не сплю, но иногда меня вырубает на несколько дней. Такой режим чертовски сильно ударяет по психике, и с каждым разом мне становится всё труднее контролировать реальность.

Я тону в собственных мыслях и в головной боли, опускаясь всё глубже в ад.

Я слышу, как входная дверь открывается, но не обращаю на это внимания. Кто-то заходит в квартиру, шуршит пакетом, в котором друг о дружку стучаются бутылки, ставит всё это, наверное, на пол, а потом пересекает комнату. Некто делает всё это настолько громко, что я готов взвыть от безысходности, лишь бы человек оставил меня в покое и позволили ещё немного побыть в одиночестве.

Шторы громко раздвигаются в стороны, а через пару секунд моё спасительное одеяло резко срывается с меня и обнажает бесполезное тело, покрытое синяками и ссадинами. Я неохотно приподнимаю голову от подушки, но даже не открываю век, потому что глаза пронзает боль из-за резкого света.

— Чувак, свет, — стону я, зажмуриваясь и утыкаясь лицом в подушку.

Пытаюсь нащупать рукой спасительное одеяло, но пальцы хватают только воздух.

— Вставай, — недовольный голос разрывает мои мозги на кусочки, заставляя меня страдать ещё больше. — Я принёс пиво.

— Шторы, — стону я.

Человек вздыхает и пересекает комнату, занавешивая окно и заставляя комнату погрузиться в полумрак. Попутно он задевает пустую бутылку, которая стоит возле кровати, и та предательски катится по полу. Я морщусь, понимая, что сегодня явно всё настроено против меня.

Собрав все силы, я с трудом сажусь, свешивая ноги с кровати и касаясь босыми ногами холодного пола, и прячу лицо в ладонях. Всё кружится, и я надавливаю пальцами на глаза, чтобы прийти в себя. Мне требуется время, чтобы избавиться от головокружения и понять, что я больше не нахожусь во сне и что мне всё-таки придётся подняться на ноги и начать двигаться.

— Тебе письмо.

Я убираю руки от лица и, наконец, наполовину открываю веки, чтобы взглянуть на своего гостя. Парень подходит ко мне и бросает конверт на кровать, после чего разворачивается и идёт к кухонной тумбе, где на плите стоит старый чайник, который я всё никак не могу заменить.

В моей небольшой студии грязно и не убрано. Вещи валяются на полу, телевизор показывает только один канал и тот с помехами, зарядка от ноутбука сломана, поэтому старый компьютер бесполезным хламом пылится под кроватью, в раковине невымытая посуда,

на тумбочке пустые пузырьки из-под таблеток и старая коробка из-под пиццы.

Не помню, когда в последний раз убирался в квартире.

Я беру в руки конверт и распечатываю его, безразлично доставая очередную карточку. Щурюсь, чтобы разобрать слова в полумраке квартиры, затем зеваю и поднимаюсь на ноги. Трясу головой, избавляясь от очередного головокружения, хватаю с тумбочки кнопку и прикрепляю карточку на стену, где находятся её остальные распятые братья и сёстры. Несколько секунд смотрю на надпись: «Ты умираешь».

Меня хлопают по плечу, отвлекая от интересного занятия. Парень протягивает мне стакан с водой и таблетку — я машинально забираю их, отправляю белоснежное колёсико в рот и запиваю водой. Ставлю стакан на тумбочку, случайно смахивая пустой пузырёк, и разворачиваюсь, направляясь к холодильнику.

— Это такая дичь, — тянет парень, рассматривая мои карточки. — Зачем ты их развешиваешь на стене?

— Не знаю, — пожимаю плечом, замечая пакет, который услужливо принёс мне гость. Подбираю его, достаю бутылки с пивом и ставлю все, кроме одной, в холодильник. Запивать таблетки алкоголем — это плохая затея, но мне плевать. Это помогает мне быстрее прийти в себя. — Может быть, увижу хронологию. А может, просто как сувениры, — открываю бутылку и делаю один глоток, поворачиваясь к парню, который всё ещё рассматривает мои письма. Прислоняюсь спиной к столу и потираю шею. — Ты свои даже не открываешь. Да, Штурм?

Парень прячет руки в карманах толстовки. Он стоит ко мне спиной, и я не вижу выражения на его лице. Недолго он молчит.

— А нафига? — Егор поворачивается ко мне, и я вижу свежий синяк у него под глазом. — Там всё равно дичь полная. У меня весь шкаф забит этими конвертами. Если кто-то хочет меня запугать, пусть приходит. Я ему все кости переломлю.

Я фыркаю, снова делая глоток. Голова постепенно проходит.

— Но ты не выбрасываешь их, — замечаю я.

Егор пожимает плечом.

— Мало ли, — парень осматривается, скользя взглядом по моей комнате.

Он морщится, потому что квартира выглядит как настоящий притон наркоманов. Здесь темно, полно мусора и пыли, пахнет грязными вещами и дезодорантом. Настоящий клоповник.

— Ты работу нашёл? — интересуется друг.

Я морщусь, делая глоток пива. Разговаривать на эту тему у меня нет никакого желания. Никто не захочет давать мне нормальную должность, учитывая мой образ жизни. С прошлой меня выгнали за то, что я курил травку в туалете.

— Нет, — признаюсь я, шмыгая носом.

Парень вздыхает и поджимает губы.

— Я же говорил, что Шершень тебя возьмёт, — Егор толкает ногой какой-то пузырёк. — Деньги нормальные.

Я фыркаю и качаю головой.

— Ты хотя бы попробуй, — не отстаёт друг. — Запарил заниматься ерундой. Я тебя кормить всю жизнь не собираюсь, у меня и так с деньгами напряг.

Я ставлю полупустую бутылку на столешницу и смотрю на Егора, понимая, что он не

оставит меня в покое, пока я не вылезу из этого дерьма. Ладно, я всё равно там долго не протяну. Пару месяцев максимум, потом либо меня выпрут, либо я сам сольюсь.

— Работать на твою сучку? — насмешливо тяну я, направляясь к креслу. Хватаю кофту и натягиваю её на себя. — Ладно. Как скажешь. Что не сделаешь для того, чтобы друг был счастлив.

Егор фыркает и кривится в ухмылке. Он берёт с кровати мою футболку и бросает в меня, но вещь так и не долетает. Я хрипло смеюсь, затем прокашливаюсь.

— Сходи к врачу, — советует парень. — Выглядишь дерьмово. Надо переходить на другие таблетки.

— Мне и с этими неплохо.

Егор не отвечает. Я натягиваю джинсы и заваливаюсь на кровать, беря с тумбочки пульт и включая телевизор.

— Сижки есть? — смотрю на парня.

— Закончились, — бросает он. — Чего разлётся, у нас дела ещё, дерьма кусок.

Егор вырубает из розетки телевизор, и я разочарованно вздыхаю. А я то думал, зачем он притащился ко мне днём и заставил вылезти из постели, да ещё и пиво принёс, чтобы задобрить меня.

— Какие дела? — неохотно поднимаюсь на ноги.

— Я же вчера писал, — раздражается Штормов.

Я кривлюсь, беру с тумбочки телефон и пузырёк с таблетками, и прячу всё это в карман.

— Ах, да... Забыл. Сорян.

Парень качает головой и направляется к выходу, уж точно не собираясь меня дожидаться. Я нахожу разбросанные по квартире кроссовки, наспех надеваю их и следую за другом. Сейчас бы ещё немного поспать, а не заниматься делами Шторма, но что не сделаешь ради друга. Всё-таки пиво надо отрабатывать...

ROZHDEN — Пустыяк

Маша.

Я просыпаю из-за того, что парень переворачивается на другой бок и обнимает меня со спины. Его дыхание щекочет мою шею, и я улыбаюсь, довольно ёжась в его объятиях. Свет пробивается сквозь оливковые шторы, и я неохотно понимаю, что скоро нужно будет вставать. Не мне, конечно, у меня сегодня выходной, но расставаться с приятными утренними объятиями чертовски не хочется.

Я не шевелюсь, словно боясь спугнуть момент, чувствую его грудь спиной, крепкую руку, придавливающую меня к кровати, и эта секунда кажется мне настоящей вечностью. Остаться бы так навсегда и плевать на весь мир.

Но вибрация будильника вырывает меня из нежности утренних объятий, и я неохотно тянусь к телефону, который лежит у меня под подушкой на зарядке. Я выключаю его и откладываю в сторону. Парень за спиной даже не шевелится, но я знаю, что он не спит. Я лежу ещё минуту, затем осторожно разворачиваюсь к нему лицом и обнимаю за талию.

Каменные объятия парня даже не разжимаются.

Я утыкаюсь носом ему в грудь и легко глажу по спине.

— Миш, 8:10.

Парень не отвечает. Его дыхание зарывается в мои волосы, и я лишь сильнее прижимаюсь к его груди.

— Слышишь? — мой голос тих, но я знаю, что этого достаточно. — Пора вставать.

— Угу.

Он не двигается. Молчание сковывает нас на несколько секунд, а потом Миша собирает все свои силы и поворачивается на спину. Я неохотно морщусь — моя рука перемещается на его грудь и скользит по телу, когда парень с трудом садится и свешивает ноги с кровати. Я кутаюсь в плед, смотря на спину Миши, который облокачивается локтями о колени и сидит так, словно должен принять самое важное решение в своей жизни.

Парень потирает глаза, берёт пульт и включает телевизор, который тихо разрывает пространство. Я перебираюсь на подушку Миши, потому что она намного удобнее моей, и закрываю глаза. Мне вставать совершенно не обязательно.

— Просыпайся, — он пытается стянуть с меня плед, но я не отпускаю его.

— У меня выходной, — возмущённо бормочу я, не открывая глаз.

— Нечего спать тут, — парень трясёт меня за бёдра. — Я сейчас кота позову...

Я неохотно бормочу себе под нос нечто невнятное и неестественное, а потом сдаюсь и пытаюсь пнуть Мишу ногой, чтобы он перестал трясти меня. Открываю глаза и потягиваюсь, широко зевая. Восемь утра... Мой выходной... Чёрт его дери.

— Пидр, — бросаю я, обиженно выбираясь из-под пледа и садясь на кровати.

— Сучка, — в ответ тянет Миша.

Я встаю прямо на кровати и неохотно слезаю на пол. Футболка парня на мне задирается и открывает чёрное бельё, но я не обращаю на это внимания. Хватаю кружку, которую вчера оставила на столе перед плазмой, и направляюсь на кухню. Парень успевает провести рукой по моей ноге, когда я прохожу мимо, после чего поднимается и идёт следом.

— Сегодня раньше вернусь, — бросает Миша.

— Во сколько?

Ставлю кружку в раковину и оборачиваюсь, потому что парень кладёт мне руки на бёдра и приближается ко мне для поцелуя. Я обнимаю его за талию и улыбаюсь.

— В четыре. Может чуть позже, — парень нагибается и целует меня.

Скольжу рукой по его обнажённой груди и царапаю кожу ногтями. Его язык встречается с моим, заставляя меня шумно выдохнуть, и я размякаю в его объятиях.

— Может, — он чуть отстраняется и кусает меня в шею. — Утренний минет по быстрому?

Я фыркаю и стучаю его по талии.

— Слышь, Кузнецов. Ты меня разбудил в мой выходной, обойдёшься, — возмущаюсь я.

— И что? Я не сплю, и тебе тоже нечего, — Миша снова целует меня.

В это же время на кухню вбегает кот и на скорости вонзается зубами в ногу парня.

— Блять! — рычит Кузнецов, отстраняясь от меня. Пытается пнуть кота, но тот уже исчезает под столом. — Пидр шерстяной...

Я смеюсь и толкаю парня в плечо.

— Так тебе и надо, — издеваюсь я. — Иди в душ, я тебе завтрак приготовлю.

— Ага, — Миша морщится от боли в ноге и разворачивается. Я не выдерживаю и

шлёпаю его ладонью по заднице. — Ой, а вот если бы я пердел? — возмущается он.

— Ну, начина-а-ается!

Кузнецов смеётся и скрывается в коридоре, оставляя меня одну на кухне готовить ему завтрак. А я могла бы спокойно себе спать, если бы этот идиот не растряс мою тушу и не заставил встать вместе с ним. Смотрю на время: почти двадцать минут. Ладно, у меня есть двадцать пять минут, чтобы приготовить что-нибудь перекусить, пока парень не свалит на работу. Ровно без пятнадцати его уже здесь не будет.

Я снова зеваю, смотрю на кота, который выползает из-под стола и лениво направляется к своей миске, чтобы похрустеть кормом, и подхожу к холодильнику. Сделаю быстренько бутерброды, Миша всё равно особо не ест по утрам. Достая колбасу с сыром, захопываю дверцу и кладу всё на стол. Прежде чем взять из шкафа батон, я ставлю чайник. Наспех нарезаю бутерброды и кладу их в микроволновку.

Ну, вот и всё. Сажусь на стул и подпираю голову рукой.

Слышу звуки льющейся воды в ванной и улыбаюсь себе под нос. Как только парень уйдёт на работу, я завалюсь спать и подремлю ещё пару часиков. Надо ещё будет написать отчёт за месяц и отправить его к вечеру, иначе начальник опять начнёт орать, что я ни черта не делаю.

— Слышь, — Миша выходит из ванной, вытирая шею полотенцем. — А с фи́га ли у тебя сегодня выходной? Пятница же.

Я закатываю глаза и поднимаюсь на ноги, потому что микроволновка пищит, оповещая, что можно забирать содержимое.

— Я же вчера говорила, что отгул взяла.

— Иди работай, отгул она взяла, — Кузнецов морщится.

Я довольно улыбаюсь, наблюдая за тем, как парень скрывается в комнате, чтобы одеться. Ставлю на стол тарелку с бутерами и собираюсь заварить чай. Беру две кружки, лениво наливаю кипяток, кладу пакетики, одну из порций разбавляю холодной водой. Не забываю про сахар. Полторы ложки, как любит Миша. Мне две. Обычно я пью чай без сахара, но в последнее время организм начинает воротить от горечи, так что выбирать не приходится.

Беру кружки и несую в комнату, ставлю перед телевизором. Бросаю взгляд на парня, который натягивает чёрные джинсы, и возвращаюсь на кухню за тарелкой.

— Может, погуляем сегодня? Погода хорошая, — спрашиваю я, поставив бутерброды рядом с чаем.

Хватаю пальцами свою кружку и забираюсь на кровать.

— Посмотрим, — бросает Миша, поправляя ремень.

— Ну, короче, как обычно в батлу будешь рубиться, — отмахиваюсь я. — Ты всё равно катки сливаешь.

— Слышь, сливаю я у неё там, — Кузнецов морщится.

Он подходит к телевизору, берёт кружку и бутерброд, потом садится на кровать.

Я не отвечаю и смотрю в телевизор, где показывают новости. Ничего интересного, как обычно какая-то ересь про мужика, который построил фигуру из спичек, про людей с ферм или про погоду. Зачем вообще каждое утро Кузнецов включает новости, я понятия не имею.

Когда на тарелке остаётся всего два бутерброда, а на часах время добирается до сорока пяти минут, парень неохотно поднимается на ноги и ставит кружку на столешницу.

— Я пошёл, закрой за мной.

— Ага.

Миша выходит из комнаты, а я следую за ним только через несколько секунд, потому что лень одолевает меня тяжёлым грузом. Я выхожу в коридор и прислоняюсь плечом к косяку, наблюдая за тем, как Кузнецов надевает кроссовки. Кот вертится вокруг его ног, собираясь атаковать, но парень пугает его, и животное отскакивает в сторону, подозрительно смотря в ответ.

— Даже не думай, — предупреждает его Миша.

Я смеюсь и подхожу ближе, когда парень выпрямляется.

— Так. Ключи взял, телефон... — он хлопает себя по карманам. — Вроде всё.

Секунду он медлит, затем нагибается и целует меня в губы, но делает это машинально, потому что его мысли явно где-то в другом месте.

— Пошёл.

Миша открывает дверь, смотрит на кота, чтобы тот не выбежал на лестничную площадку, а потом замечает на коврике под дверью белый конверт. Сначала Кузнецов медлит, а затем нагибается, подбирает письмо и возвращается в квартиру.

Я замечаю на бумаге своё имя и вздыхаю.

— Сука, этот аноним заебал уже, — злится парень, распечатывая конверт и доставая карточку. — Секрет, который знали только двое, больше не принадлежит им. Что, блять... — он сжимает зубы. — Вечером пойду к заведующему и попрошу проверить камеру на площадке.

Миша отдаёт мне конверт и карточку.

— Сколько можно эту хрень присылать...

— Ну, не злись, — я глажу его по плечу, потом целую в щёку. — Удачи на работе. Напиши, когда вернёшься, приготовлю что-нибудь вкусненькое.

— Хорошо, — он расслабляется. — Но я всё равно вечером проверю камеру.

— Ага, — улыбаюсь я.

Парень последний раз смотрит на меня, а потом открывает дверь и уходит. Я поворачиваю замок и вздыхаю, перечитывая послание на карточке.

Секрет, который знали только двое, больше не принадлежит им.

Я надеюсь, что речь идёт не о том секрете, который знаю я и Егор. Если это всплывёт там, где не надо, будет чертовски дерьмово.

— Что, Лорд, весело тебе? — спрашиваю я у котейки, но тот демонстративно разворачивается и уходит на кухню, подняв свой хвост.

Вздыхнув, я возвращаюсь в комнату и заваливаюсь на кровать. Нужно поспать ещё немного, иначе из-за мыслей я сойду с ума.

Секрет, который знали только двое, больше не принадлежит им.

Кто же этот аноним, который никак не может оставить меня в покое? Может быть, попросить друга из полиции помочь мне? Или лучше не стоит... В любом случае, письма — это просто письма. За всё это время кроме них ничего не произошло, так что бояться нечего. Наверное, это просто какой-нибудь задрот, которого я завалила в военкомате на своих тестах. Или, наоборот, не завалила...

Meg Myers — I Die

Егор.

Прицепившаяся мелодия, которую я насвистываю себе под нос, медленно идя по лестнице на второй этаж, поднимает настроение и уничтожает меня одновременно. По пути заглядываю в почтовый ящик и обнаруживаю там очередной белоснежный конверт без обратного адреса. Это не вызывает у меня совершенно никаких эмоций — я останавливаюсь возле двери и лениво роюсь в кармане в поисках ключа.

— I die... — тяну я. — Thinking about you all the time...

Брелок звенит в моих пальцах, и я открываю замок как раз в тот момент, когда на верхней площадке Анна Геннадиевна снова начинает орать на свою дочь, которая, очевидно, не собирается слушать мать ни при каких обстоятельствах.

— Да пошла ты! — слышу я.

— Чтобы больше не возвращалась!

Звук каблучков въедается мне в мозг, и я поднимаю голову, успевая заметить розовые стринги под кожаной юбкой девушки, которая в этот момент сбегает по лестнице, не обращая внимания на визги своей мамы.

— Привет, Егор.

Её губы трогает развратная улыбка, и я усмехаюсь, скользя взглядом по обтягивающей кофточке, чёрной мини-юбке и длинным ногам. Чёрные волосы распущены, глаза подведены карандашом в самодельном смоки-айсе. Девчонке почти восемнадцать, но выглядит она на все двадцать пять. Хотя мордашка симпатичная.

— Привет, Марин.

Она подмигивает мне, а потом поспешно следует дальше на первый этаж, где во дворе её уже дожидается парень на своём пафосном байке. Умом он не блещет, зато самомнения хоть отбавляй.

Наблюдаю за Мариной, пока она не скрывается из виду, и поворачиваю ручку, проникая в квартиру, которую я снимаю у ветхой разваливающейся старушки, периодически забывающей напоминать мне про квартплату.

— You die, — продолжаю напевать я, закрывая за собой дверь. — Thinking about me all the time...

Я умираю, постоянно думая о тебе. Ты умираешь, постоянно думая обо мне. Песня сопливая, но такая приставучая. Второй день не могу избавиться от неё, хоть череп дрелью сверли.

— Моника! — ору я. — Где ты, сучка? Я тебе пожрать принёс.

Стаскиваю кроссовки и неровно отталкиваю их в угол прихожей, бросаю конверт в тумбочку к остальным закрытым письмам и прохожу на кухню, чтобы поставить еду, которую я прикупил по дороге, в холодильник.

— Моника!

Зеваю, подходя к моему лучшему другу (естественно, вечно холодному и постоянно дребезжащему) и открываю дверцу. Кладу пару бутылок пива, молоко, небольшую палку колбасы и прочую мелочь на полки, а остальные продукты (хлеб, чай и пачку макарон) оставляю в пакете, который бросаю на диванчик.

Включаю телевизор и широко зеваю. Морщусь, потому что недавно разбитая губа саднит, и потягиваюсь, ощущая в спине неприятных хруст. Снова начинаю свистеть. Достую с угла диванчика под завалом пакетов ноутбук и ставлю на стол. Чаю что ли заварить?

— Моника! — снова ору я, но в ответ мне лишь тишина и надоедливый голос диктора.

Ставлю чайник, достаю колбасу из холодильника и начинаю нарезать, чтобы сделать себе бутерброд. Спустя минуту на кухню вбегает серая кошка и протяжно мурчит, начиная тереться о мои ноги.

— Ну, конечно. Как колбасу учуешь, сразу тут как тут, а так не дозовёшься, — бурчу я.

Отрезаю ломтик и бросаю на пол — Моника тут же бросается к лакомому кусочку и почти мгновенно проглатывает его, начиная довольно облизываться. Я фыркаю и угощаю её ещё одним.

Когда я завариваю чай и заканчиваю готовить свою изысканную еду, я сажусь за ноутбук и просматриваю сообщения в сети.

«Круто выступил. Аванс перечислю вечером!».

«Океу. Спасибо», — пишу в ответ.

Пропускаю парочку сообщений с «привет, как дела», и цепляюсь взглядом за письмо от неизвестного пользователя.

«Она в городе».

Что? Кто в городе?

Захожу на страницу отправителя, но она удалена. Что за чертовщина? Какому придурку понадобилось писать мне три слова, а потом удалять свой аккунт? Это связано с тем, что я не читаю письма? Они теперь и в сети меня доставать собираются?

Она в городе.

Я откусываю кусок от бутерброда и морщусь, когда Моника запрыгивает ко мне на колени и начинает тереться о грудь. Её пушистый хвост лезет мне в лицо, и я отмахиваюсь от него, словно от назойливой мухи.

Я типа должен сразу понять, кто в городе и о ком идёт речь? Круто.

Решаю не мучить свои мозги странными вопросами и включаю музыку. Плевать, кто там в городе, меня это совершенно не касается. У меня и без этого анонима полно проблем.

— Да отстань, Мони, — перехватываю серую кошку и заставляю сесть рядом на диванчик.

Она демонстративно отворачивается и начинает лизать свои лапы, но я не обращаю на неё внимания. Недолго листаю ленту «вконтакте», ставлю пару лайков, а когда допиваю чай, отвлекаюсь от своего занятия, потому что за стенкой опять начинает разворачиваться очередной скандал. Нет, не там, где мамаша вечно пытается поставить на путь праведной монашки свою дочь Марину, а там, где очередной дегенерат любовник избивает свою девушку, потому что она что-то где-то не так ему сказала, как-то странно посмотрела на другого и всё такое.

За стенкой живёт девушка двадцати семи лет, вечно путающаяся с придурками и находящая себе таких парней, которым проще ударить, чем сесть и поговорить. Я вздыхаю и

прикрываю глаза, когда слышу бьющуюся посуду и громкие голоса на тему неблагодарности, безответных чувств и безграничной собственности.

И каждый раз всё происходит по одному и тому же сценарию: Кристина находит себе парня, первое время они живут мирно и от них веет ванилью и тошными ароматами любви, а потом их семейная жизнь превращается в ад, они ссорятся, парень её избивает, и тут появляюсь я, ибо не могу больше выносить рукоприкладства и шума. Я доходчиво даю понять мужику, чтобы он больше здесь не появлялся, Кристина разбрасывается благодарностью и тащит меня в постель в порыве страсти и всё такое, а потом она находит себе очередного придурка, и всё включается на повтор.

Я прислушиваюсь. Слышу хлопок пощёчины, которую Крис, очевидно, залепила своему ухажёру, а следом снова звуки бьющейся посуды и шум падающего на пол тела. Ну, кажись, настал мой час.

Я поднимаюсь на ноги, снова отмахиваюсь от Моники, и направляюсь в коридор. Босиком выхожу на лестничную площадку, подхожу к двери напротив и нажимаю на звонок, который забавной трелью разлетается по квартире. Терпеливо жду, когда же мне откроют.

Меньше чем через минуту преграда приоткрывается, и сквозь щель я вижу растрёпанную Кристину с разбитой губой. Смотрю на неё, вскидывая бровь, мол, ты знаешь, что дальше будет происходить. Девушка закатывает глаза и поджимает губы. Даже если она начнёт отнекиваться и защищать этого идиота, как это было в самом начале нашего знакомства, я всё равно от неё не отстану, побью её парня, и тот сбежит отсюда на крыльях ветра. И Крис это прекрасно знает. Мы уже сто раз разговаривали с ней на эту тему, и каждый раз она виновато кивала и обещала, что такого больше не повторится.

Соседка открывает дверь и пропускает меня.

— Кто там, Крис? — я слышу хриплый голос, доносящийся из кухни.

Решительно направляюсь прямо туда и, не останавливаясь, настигаю парня. Он стоит возле окна и курит, очевидно решив, что всё держит под контролем. Кажется, его зовут Рома. Парень знает, кто я такой, но мы с ним никогда не общались. Так, пересекались на площадке и пару раз даже здоровались. Он не знает, что я боец.

— Что ты...

Я не даю ему договорить, оказываюсь рядом и с размаху со всей силы ударяю кулаком в солнечное сплетение, заставляя Рому сложиться пополам и закашляться. Затем заезжаю ему коленом в нос.

— Ещё раз увижу тебя рядом с Крис, кишки выпущу, понял? — сплёвываю я.

Хватаю его за волосы и оттягиваю голову назад. Не смотря на то, что Рома крупнее меня, его тело податливое и обессиленное. Нос, кажется, сломан. Кровь застилает лицо, и я криво усмехаюсь.

— Я не слышу! — спрашиваю я.

— Понял, — кричит Рома.

— Прямо сейчас проваливай, иначе по частям собирать себя будешь, — толкаю его в голову, но несильно, словно ребёнка. — И девочек бить нельзя, запомни.

Парень ничего не отвечает. Я шмыгаю носом, разворачиваюсь и выхожу в коридор, где меня ждёт Кристина. Она виновато опускает голову, немного улыбаясь. Я тереблю её по голове, прежде чем выйти из квартиры.

— Это уже пятый, — замечаю я, но девушка лишь пожимает плечом.

Я фыркаю и направляюсь обратно в свою квартиру. Что ж, на сегодня геройских

поступков достаточно. Пора и отдохнуть. Завтра меня ждёт тяжёлый бесконечный день.

The Used — Pretty Handsome Awkward

Соня.

Громкая музыка из комнаты над нами разрывает пространство, и она настолько оглушающая, словно звучит прямо у меня в голове. Я выбираюсь из душевой кабинки, довольно улыбаясь и благодаря всех богов на свете, что мои соседи слушают не дешёвый клубняк, а хорошую качественную альтернативу. Иногда металл, но это даже лучше. Понятия не имею, кто там живёт над нами, но я готова носить его на руках. Или её. Общага-то у нас общая.

Я натягиваю чистую одежду, заматываю светлые волосы в пучок и немного кривлюсь. Корни уже начинают отрастать, нужно будет подкрасить их. Высветлить до тошного белого оттенка, чтобы избавиться от темноты. Или, может быть, перекраситься в малиновый? Видела недавно недалеко от корпуса девчонку с яркими сочными красными прядями, выглядела она круто.

Зеркало грязное и покрыто пятнами — убираться у меня нет никакого желания, к тому же сегодня не моя очередь. Хотя от Лены всё равно ничего не дождёшься. Она будет до последнего тянуть, пока квартира не покроется пылью, плесенью и кучами неубранных мешков с мусором, а потом затеет генеральную уборку, в которой, конечно же, никто не будет участвовать. Я когда сюда переехала, здесь был настоящий свинарник, а просить переселить меня в другую комнату бесполезно, потому что эта единственная свободная, где окна смотрят на стоянку. Нужно же мне как-то следить за байком.

Выхожу в коридор и возвращаюсь в свою комнату. Истомина сидит на моей кровати и вертит в руке карточку, которую мне недавно прислали. Я поджимаю губы и отбираю конверт — девушка непринуждённо перекидывает ногу на ногу и облокачивается рукой позади себя, начиная внимательно разглядывать меня.

— Говорила же, чтобы мои вещи не трогала, — грубо бросаю я, сминая карточку и конверт, а затем выбрасывая в урну возле тумбочки.

Лена пожимает плечом. От неё несёт сигаретами или даже какой-то травкой, и я морщусь. Пусть у нас правило: не курить в комнате, но девушка до костей пропиталась куревом, так что хоть кури, хоть не кури, всё одно.

Истомина начинает покачивать ногой в такт музыки, и её взгляд становится более затуманенным. Я кошусь на соседку, словно думая, что она вот-вот грохнется в обморок, затем выглядываю в окно и нахожу взглядом свой мотоцикл. Стоит, родимый.

— Конечный пункт, — бормочет Лена, — определяешь не ты.

Я бросаю взгляд на мусорное ведро, где на самом дне лежит очередной письмо от анонима, и хмурюсь.

— Знаешь, у нас в городе есть клуб «Конечный пункт», — зевает она. — Это даже не клуб, — лениво тянет девушка, и я внимательно смотрю на неё. — Подпольное заведение. Иногда там проходят концерты. Иногда различные соревнования. Часто там устраивают бои без правил. Мои друзья ходят делать ставки. А ещё там отличная выпивка и травка, — Лена облизывает губы и поднимается на ноги, чтобы пересесть на свою кровать, потому что

прекрасно знает, что я психую, если кто-то прикасается к моим вещам. — Можно даже найти что-нибудь покруче. Или кого-нибудь.

Я поджимаю губы и заваливаюсь на матрас, притягивая к себе ноутбук. Слова соседки сеют в моих мыслях сомнения, и теперь все эти бессмысленные карточки, которые присылает мне больной извращенец, обретают дымку логичности и последовательности.

— Может быть, тебя позвали на свидание? — иронично тянет соседка, но я ничего не отвечаю.

«Конечный пункт определяешь не ты».

Конечный пункт. Подпольный клуб для боёв без правил. Да аноним издевается. Это же не значит, что...

Я достаю из кармана сумки для ноута несколько карточек, которые присылали мне незадолго до моего переезда, и просматриваю их.

«Ты вернёшься домой, когда наткнёшься на тупик».

«Я знаю, что ты всё ещё любишь его».

«Твое место в прошлом».

«Бесконечность звёзд может быть видна только на максимальной высоте».

«Беги».

«Сколько раундов у тебя на жизнь?».

«Настало время встречи».

«Конечный пункт определяешь не ты».

Бессмысленный набор слов. Ладно, допустим, первая фраза мне понятна. У меня были проблемы в универе, меня исключили, тётя выгнала меня из дома, потому что устала от моих бесконечных выходок. Мне пришлось вернуться в родной город, из которого я сбежала три года назад, а так как я не собиралась навязываться родителям, я решила заново поступить в универ на второй курс и поселиться в общежитии.

Я всё ещё люблю его? Речь определённо о Штормове, но это бред. Я его ненавижу за то, что он сказал мне во время нашей последней встречи. Он оттолкнул меня и смешал с дерьмом. Он ясно дал понять, что я ничего не значу в его жизни, и я понятия не имею, где Егор и что с ним происходило все эти годы. Скорее всего, он всё ещё прикован к инвалидной коляске и продолжает проклинать меня за то, во что я его превратила.

Моё место в прошлом. Я бежала от него всё это время, и я давно смирилась с тем, что было и что случилось со мной.

Про звёзды вообще бред, я понятия не имею, к чему аноним написал про них.

Беги. Ну, допустим, я сбежала от тётки и вернулась обратно. Это считается?

Сколько раундов у меня на жизнь? Звучит как угроза.

Настало время встречи. С кем, чёрт возьми?

И последнее. Конечный пункт определяешь не ты. Какова вероятность, что речь идёт про клуб, где проходят бои без правил? Это совпадение? Что, если речь идёт о встрече в конечном пункте? Может быть, аноним таким способом приглашает меня встретиться с ним? Но к чему все эти загадки? Я ведь могу вообще забить и не читать письма.

Настало время встречи. Нет. Это, конечно, бред, но...

— Скажи адрес клуба, — почти приказываю я.

Лена неохотно возится на своей кровати, а затем диктует мне адрес. Что ж, настало время проверить мою теорию. Если я действительно права и если... если аноним и есть тот,

О ком я думаю...

Наведавшись в клуб «Конечный пункт», я увижу его. Увижу Егора Штормова.

Suuns — Red Song

Матвей.

Свет мигает и превращается в один сплошной поток, голова идёт кругом, и кажется, словно все мои внутренности выворачивают наизнанку. Я не знаю, где я. Не знаю, кто я.

Кем я был и кем я стал за последние годы непрерывного глотания таблеток, надеясь, что головная боль когда-нибудь отпустит меня и перестанет разрывать на куски. Я тонул, падал, катился, рассыпался, превращаясь в пыль. Земля трескалась у меня под ногами, и ад засасывал моё тело в жерло уничтожающего вулкана.

Единственное, что оставалось у меня, — воспоминания. Я думал о том, каким я был до того, как монтировка проломил мне череп. О чём я тогда думал? Чего хотел?

Армия была для меня единственным выходом. Я планировал закончить школу и сразу же пойти служить, а после, возможно, отправиться куда-нибудь по контракту. Может быть, даже на флот. Главное, чтобы не возвращаться в этот город, к этим людям, к матери, которая потакает своему мужу, к отцу, избивающему свою жену. Я не мог выносить этого, я их ненавидел. Мне было тесно в этом городе, я задыхался.

А теперь я застрял здесь, не имея ни малейшего шанса на спасение, потому что какой-то придурок проломил меня голову монтировкой. Черепно-мозговая травма, приносящая в мою жизнь одну лишь боль. К армии я больше не пригоден. Даже со связями отца меня просто не пропустит медкомиссия, потому что я чёртов инвалид.

Единственное, что я могу, пить таблетки. Если я перестану их принимать, боль меня просто уничтожит.

Но одна проблема, то, что выписывает мне врач, больше не помогает. За три года у меня выработался иммунитет, организм привык к этой дряни и не желает принимать её. Бесплатные лекарства, которые дают мне в больнице в качестве программы благотворительного фонда, бесполезны.

Вместо одной в день я начал пить по три за раз. А вскоре обезболивающее мне заменили транквилизаторы. От них не только голова проходит, но и сознание приглушается. Тревожности, страхи, всё это сгорает за секунду. Я словно под водой. Я будто совершенно другой человек.

— Матвей, ты меня хоть слушаешь?

Я вырываюсь из свои мыслей и отрываю взгляд от проносящихся за окном машины Егора домов. Парень толкает меня в плечо, наверное, думая, что я задремал. Его голос приглушённый, словно в моих ушах вата.

— Да, — прокашливаюсь я.

— Я говорю, что завтра у меня спарринг. Могу тебя отвести к Шершню, поговоришь на счёт работы, — Шторм тормозит на светофоре, и я неохотно морщусь.

Работа... Да. Пособия мне уже не хватает, на таблетки нужно много денег. Я собираюсь с мыслями и потираю переносицу. Хочется спать, но в то же время в глазах словно стоят спички.

— Ага, — бросаю я. — Конечно.

— В восемь вечера заеду за тобой, — парень снова давит на газ, и я откидываюсь на спинку сидения.

— Ага, — без эмоционально бормочу. Всё что угодно, лишь бы он отстал со своей работой. — И кем меня возьмут? Туалеты мыть?

Егор смеётся, перестраиваясь в другой ряд, затем давит на газ.

— А ты разве способен на что-то большее?

Я смотрю на парня и криво улыбаюсь. Скольжу языком по губам, и друг замечает это.

— Вот шуточки про минеты здесь как раз в тему, — Штормов фыркает. — Но работать ты будешь не на меня. И у Шершня уж точно нет члена.

Я коротко смеюсь.

— Я знаю, — отмахиваюсь я, скучающе бросая взгляд на соседнюю машину, которая едет практически наравне с нами. — К тому же на твоё добро я посягать не буду.

Егор ничего не отвечает. Он переключает песню, доносящуюся из динамиков, и сворачивает на перекрёстке, пока светофор не загорается красным. Знать бы ещё, куда мы едем. Я совсем выпал из реальности, пока витал в облаках. Надеюсь, это не очередное сборище гопников, которое нам надо разогнать. Это лишь дополнительная головная боль...

RR10 (RRiO) — Просто закрой глаза

Егор.

С чего начинается моя история? Возможно с того момента, когда Малийский на своём синем фольксвагене девяностых годов с бэушными номерами припечатал меня к стене и сломал позвоночник. Или с осознания того, что я навсегда останусь прикован к инвалидному креслу. А, может быть, именно в тот момент, когда я упал к ногам Софьи Розиной, новенькой ученицы из параллельного класса, закружившей мне голову с первой секунды.

Точка отправления — моё сердце, взорвавшееся в моей клетке, когда я лежал на полу и смотрел на девчонку, уверенный в том, что она станет моей. Это повлекло за собой череду событий, которые привели меня к этому невзрачному двухэтажному дому с ветхой дверью и затхлым запахом мочи в подъезде, где под лестницей в отключке лежал какой-то алкоголик.

Да, возможно, если бы я где-то что-то сделал по-другому, принял какие-нибудь иные решения, я бы здесь не оказался.

Но я здесь, и с этим ничего не поделаешь.

Итак, как я и упоминал, всё началось с моей первой встречи с Розиной-младшей. Она затянула меня в свою криминальную жизнь, в которой её псих-бывший пытался уничтожить и меня, и её заодно, потому что не мог вынести, что Соня теперь встречается с кем-то другим. Из-за него пострадал Матвей, получив травму головы, которая постепенно начала сводить его с ума. Парень помешался на мести, и я решил ему в этом помочь. Этот момент тоже стал переломным в моей жизни, ведь откажись я от этой затеи, всё могло бы развиваться по-другому.

Но я поддержал друга и в последствии оказался в инвалидной коляске.

Отвечая на вопрос Маши Розиной, который она мне задала, когда пыталась отговорить от нашего безумного плана, я могу лишь сказать одно: я тогда понятия не имел, что мне делать со своей жизнью без бокса. Я не мог даже представить, что вообще смогу существовать, прикованный к коляске, и всё время, что я лежал в постели, пока мой позвоночник восстанавливался, я думал лишь об одном: я хотел умереть, потому что больше не видел смысла в своей жизни, и все попытки Розиной хоть как-то меня подбодрить, лишь угнетали. Я не хотел, чтобы она чувствовала вину, каждый раз смотря на меня, не хотел, чтобы она была со мной из-за жалости. Да и лишь один взгляд на неё усугублял ситуацию, каждый раз я думал о Малийском, каждый раз я ненавидел и его, и себя и Розину, потому что меня накрывало отчаяние и безысходность. Ничего не помогало. Любовь к Соне приносила боль, и я оттолкнул её, потому что знал, что рядом с ней ни мне, ни девушке не будет лучше.

Но я восстанавливался на удивление быстро. Сидеть я смог уже спустя два месяца, а после операции я полностью встал на ноги спустя полгода, отбросив костыли. Плюс на реабилитацию у меня ушло ещё столько же, я постоянно ходил на массажи, физиотерапию и прочую ерунду, куда меня отправляли родители. А через полтора года я восстановился на сто процентов, и желание снова вернуться в бокс лишь добавляло мне энтузиазма. Не смотря на все советы врача, который каждый раз говорил, что мне лучше оставить спорт и тяжёлые нагрузки, я решил для себя, что во что бы то ни стало докажу всем, что никакие травмы меня не остановят.

Я хочу заниматься боксом, и я буду им заниматься.

Постепенно я начал тренировки, в тайне ото всех. Сначала пробежки, потом силовые упражнения, а следом и спарринги. Я собирался вернуться в форму как можно скорее и продолжить путь к своей мечте. Я был уверен в том, что стану первым человеком со сломанным позвоночником, который добрался до профессионального ринга.

Тело меня не слушалось. Долгий перерыв и травма давали о себе знать, но я не сдавался. И у меня постепенно начинало получаться. Единственное, что постоянно меня преследовало, — это ноющая боль в позвоночнике.

А потом о моих стремлениях заниматься боксом узнал мой отец. Он запретил мне вообще ввязываться в это дело и сказал, что если я продолжу тренировки, он перекроет мне все пути на ринг. Я знал, что у него есть связи и что отец действительно может сделать так, что меня не допустят даже к любительским соревнованиям.

К тому же в глубине души я понимал, что ни один тренер не возьмётся за меня, если будет знать, что я когда-то ломал позвоночник, и ни одна медкомиссия меня не пропустит. Одно дело, если бы я был уже в профессиональном спорте, если бы на меня был спрос, если бы фанаты требовали моего возвращения... А так. Я никто. И скорее всего, уже все в курсе, что сын Сергея Петровича Штормова, легендарного боксёра, который когда-то выступал на профессиональном ринге, был прикован к коляске. Такое долго не утаишь.

И тогда я ушёл. Собрал вещи и свалил, перестав вообще контактировать со своими родителями. В то время предки купили Матвею отдельную студию, чтобы он смог вырваться от родителей и начать жить самостоятельно, и я перебрался к нему. Некоторое время я просто загнивал, совершенно не зная, что мне делать дальше, бродил по улицам и нарывался на драки с местными гопниками, чтобы хоть как-то напомнить себе о том, что я когда-то был неплохим боксёром.

Тогда меня и увидела Шершень. У неё был подпольный клуб, где периодически

проходили бои без правил, и владелица предложила мне поучаствовать в них. Там делали неплохие ставки, для начала она мне предложила 30 % от дохода за вечер боёв.

Это был шанс, который я не хотел упускать, и я согласился. Мне нужны были деньги, адреналин и ринг, а раз я не мог вернуться в бокс, я решил, что по-другому заполню дыру в своей груди.

Вскоре я начал набирать популярность и поднимать неплохие деньги, снял квартиру у дряхлой старушенции, которая жила одна и каждый раз, когда я приносил ей деньги за месяц и помогал починить что-нибудь, она клялась, что перепишет квартиру на меня и что после смерти я смогу жить там безвозмездно. Я лишь улыбался.

И вот примерно год я уже работаю в «Конечном пункте», довольный тем, как разворачивается моя жизнь, а бокс мне кажется теперь просто детской недостижимой мечтой.

— Что это за место? — Матвей оглядывается, брезгливо следуя за мной по узкой грязной лестнице на второй этаж.

Я осматриваюсь, стараюсь как можно реже вдыхать тошный запах вони, и останавливаюсь возле одной из двери под номером 27. Шмыгаю носом и нажимаю на дверной звонок.

— Нужно кое-что забрать для Шершня, — бросаю я.

Друг по собачьи смеётся.

— Ты теперь уже на посыльных у неё? — кривится парень.

Я знаю, что он недолюбливает мою начальницу, но мне всегда было плевать. Она мне платит за то, что я выхожу на ринг и занимаюсь любимым делом, остальное меня не касается.

— Просто просила заскочить и забрать, — пожимаю плечом.

— Поэтому ты меня с собой взял?

Я ничего не отвечаю. Место, куда мы направляемся. Нет. Человек, в чью квартиру мы сейчас зайдём, может стать последним, кого мы увидим. Я просто перестраховался, когда попросил Матвея помочь мне. Всё-таки если Шершень попросила именно меня прийти в это место, значит, явно что-то может пойти не так, как мы планируем.

— Просто будь на чеку, — бросаю я.

Слышу шаги в квартире, щёлкает замок, дверь открывается ровно настолько, насколько позволяет ей цепочка. Я вижу парня, выглядывающего из-за преграды. Он ниже меня ростом и глаза у него тошного зелёного цвета.

— Я от Шершня. За товаром.

Парень медлит, бросает взгляд на моего друга, и я поспешно добавляю:

— Он со мной.

Ответа не следует. Дверь закрывается — я слышу возню и звон цепочки — а затем открывается полностью. Нас пропускают в квартиру: я первым переступаю порог, скользя взглядом по стенам и морщась от затхлого запаха дыма травки. Качественной травки.

Матвей прокашливается позади меня, когда за нами закрывается преграда, и шумно выдыхает. Парень, впустивший нас, протискивается мимо и проходит вглубь квартиры: он коренастый и маленький, похожий на карлика-переростка. Я переглядываюсь с другом и слеую за зеленоглазым.

Мы неспешно проходим дальше и заходим в гостиную. Шторы здесь занавешены,

тусклые лампы освещают диванчик и стеклянный стол, на котором лежат две пачки с порошком. Я надеюсь, что Шершень не послала меня за наркотиками, потому что продавать их в клубе уже перебор. Травка травкой, но кокс уже переходит все границы. Я ей говорил об этом сотни раз, она и без порошка нормально зарабатывает на моих боях.

Матвей толкает меня в бок локтём и кивает на наркотики, но я лишь хмурюсь. Не нравится мне здесь.

Мы стоим посреди гостиной не больше минуты, наше одиночество прерывает решительно открывающаяся дверь, и мне приходится обернуться.

Я вижу парня примерно тридцати лет с лёгкой щетиной и русыми коротко стриженными волосами, почти такими же, какие были у меня во время учёбы в школе. В его губах зажата самокрутка — парень проходит мимо нас и бросает на стеклянный столик запечатанную пачку, что внутри неё я понятия не имею.

— Так, это ты Штурм? — спрашивает парень, когда его серые глаза впиваются в меня.

Его левая часть губ поднимается в улыбке, но та тут же исчезает. Это больше походит на нервный тик, чем на приветствие.

— Ну, да, — прячу руки в карманах.

Он знает меня? Ну, конечно. Меня многие знают.

— Меня зовут Арчи, — я вскидываю брови. — Арчибальд. Мои родители не блистали умом при выборе имени.

Парень говорит криво из-за зажатой в губах самокрутки, ему приходится перехватить её пальцами и стряхнуть пепел прямо на пол.

— Я слышан о тебе, Егор, — Арчи потирает шею, и та противно хрустит. — Хотел с тобой встретиться. Есть к тебе предложение.

— Хочешь, чтобы я слил следующий бой? — догадываюсь я.

Арчи улыбается.

Ну, конечно. Вот, зачем Шершень послала именно меня. Она знает, что я не работаю на постановочные бои. Я либо выигрываю, либо проигрываю. Поэтому все любят мои спарринги, в них нет игры, нет фальша. Если бы она сама меня попросила о том, чтобы я слил следующему противнику, я бы ни за что не согласился. А находясь здесь, я вижу, насколько серьёзный заказчик и как опасно ему отказываться.

— Да, — Арчи словно специально кладёт руку на пояс, отодвигая в сторону кофту и показывая припрятанный сбоку пистолет.

Этот человек торгует наркотиками, у него полно власти и связей, чтобы уничтожить не только меня, но и Шершня с её клубом. Если я откажу ему...

— Не за просто так, конечно, — поспешно добавляет Арчи, видя моё неодобрение. — Я знаю, что ты не играешь на ринге, за это тебе особое уважение. Но мне нужно, чтобы ты слил следующий бой. На него будут большие ставки, и я хочу быть уверенным, что мои деньги окажутся в надёжных руках. Заплачу тебе сейчас двадцатку. Как аванс. После боя отдам двадцать процентов от выигрыша. Поверь, это большие деньги. Один раз можно и подыграть.

Я опускаю голову, задумчиво хмурясь. Лёгкие деньги мне не помешают, но слить бой... Чёрт...

— А если я смогу выиграть? — смотрю на Арчи исподлобья. — Не проще ли поставить на меня?

— Не так всё просто, — он заваливается на диван, широко раздвигая ноги. — Твоим

противником будет мой племянник. Это вроде как ему подарок на день рождения, и в то же время бизнес.

Я фыркаю. Ну, да. Как я сразу не догадался. Вечно всякие лузеры пытаются пробиться за счёт денег. Ну, что ж. Отказываться всё равно не вариант, а деньги мне пригодятся.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Один раз. Больше такого не будет.

Арчи расплывается в улыбке.

— Значит, мы договорились, — он смотрит на карлика-переростка и кивает ему, тот тут же скрывается в другой комнате, а через несколько секунд возвращается обратно. — Твои деньги. И товар Шершня. Передай ей, что мне приятно иметь с ней дело.

— Ага, — я забираю две запечатанных пачки и прячу в рюкзак. — Всё?

— Да, можешь идти.

Парень говорит так, словно вообще не замечает Матвея, но тому это на руку. Я киваю, толкаю друга в плечо и первым направляюсь к выходу. Слить следующий бой? Надеюсь, противник будет не слишком немощным, иначе меня просто засмеют, что проиграл такому слабаку. Здесь уже дело будет не в деньгах, а в уважении и в репутации. Я слишком долго зарабатывал её, чтобы вот так просто лишиться...

The Smiths — Asleep

Маша.

Телевизор работает на заднем плане — я сижу на кровати, вытянув ноги и положив ноутбук себе на колени, и пытаюсь дописать отчёт, чтобы отправить его начальнику и не вспоминать о своей работе до понедельника. Впереди у меня выходные и безмятежные ленивые деньки, которые я как обычно проведу дома в постели, совершенно ничем не занимаясь.

Миша задерживается. Он обещал прийти к четырём, но уже пол пятого. От работы до дома ему идти минут пятнадцать, так что, наверное, парень заскочил к заведующей, чтобы посмотреть камеру на площадке и выяснить, кто же принёс сегодня письмо.

Мне, если честно, всё равно на эти послания. Они скорее вызывают у меня азарт, нежели страх и паранойю. Разбавляют мою скучную жизнь и вносят в неё хоть какой-то ажиотаж.

Я зеваю, смахивая слезинки с уголков глаз, и размякаю ещё больше, кутаясь в плед и совершенно не горя желанием шевелиться. Леня сковывает меня, и даже мозги перестают работать. Я смотрю в телевизор, где показывают фильм «инсургент», и несколько минут пытаюсь вникнуть в происходящие события.

Если честно, книги мне нравятся больше. Фильмы, конечно, получились классные, но сценаристы немного отошли от сюжета и в какой-то момент сбились с пути. Логичность пропадает, и важные детали книги просто испаряются в неизвестности. В прочем, так всегда бывает, когда пытаются экранизировать книги.

Вспомнить только попытку создания сериала «Делириум» по трилогии Лорен Оливер, так вообще плакать хочется. Хоть сама берись и снимай. Хотя это и есть мой девиз: «Хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сам».

Слышу, как открывается входная дверь, — это возвращает меня в реальность, и я отрываю взгляд от телевизора и устремляю его в ноутбук. Нужно скорее закончить отчёт, иначе кое-кто очень наглый попытается отобрать у меня компьютер для своих развлечений. Осталось всего ничего, но мои мозги словно растаявший шоколад.

С мыслями собраться у меня не получается. Шум в коридоре отвлекает, и я прислушиваюсь к шагам. Миша всегда передвигается по квартире шумно, а потом врывается в комнату, словно буря. Спокойная атмосфера сразу же пропадает, и на её место встаёт безудержный хаос, который приносит в мою жизнь Кузнецов. За это он мне и нравится.

Дверь громко открывается, и я перевожу взгляд на парня, который, словно дикий зверь, смотрит на меня в ответ. Миша с грохотом бросает рюкзак на пол, снимает кофту и швыряет в меня. Я лениво поднимаю руку, чтобы поймать её, но та падает мне прямо на голову.

— Что делаешь? — спрашивает Кузнецов.

Откладываю в сторону кофту и снова смотрю в монитор.

— Отчёт пишу, — медленно отвечаю я.

— Збс! — бросает свой маленький рабочий телефон на компьютерный стол. — Завязывай, мне нужен ноут.

Я закатываю глаза и морщусь, лениво перечитывая написанное.

— Дай дописать, — ною я. — Сделай уже свой комп и сиди за ним, ноут вообще-т мой.

— Ага, у тебя деньги есть на новый блок? — Миша стаскивает футболку и бросает на компьютерное кресло, затем стаскивает джинсы, оставаясь в одних боксерах.

Я кошусь на его обнажённый торс и немного улыбаюсь.

— Иди пока ешь, — говорю я. — Плов в мультиварке. Я допишу отчёт и всё. Мне чуток осталось.

Кузнецов ничего не отвечает и скрывается в ванной. Пока я дописываю отчёт, слышу, как льётся вода, оповещая меня, что парень принимает душ. Буквально минут через десять Миша выходит в коридор в одних шортах и исчезает на кухне. Лорд лениво поднимается с моих ног, где он до этого спал, не позволяя мне даже пошевелиться, потягивается, спрыгивает с кровати и вальяжно идёт за хозяином, чтобы тоже перекусить. Слышу, как Миша накладывает себе плов в тарелку, гремя посудой, а через пару минут возвращается ко мне в комнату и забирается на кровать, устраиваясь рядом со мной. К этому моменту я практически полностью заканчиваю свою работу.

— Где пульт? — спрашивает парень, устраивая на своих ногах огромную тарелку с горой плова. Я машинально нащупывая у себя под боком пульт и, не глядя, протягиваю его парню. Я знаю, как Миша недолгобливает фильм «Дивергент», — Кузнецов переключает на 2x2 и ставит «Южный парк». — Смотрел запись сегодня, — бросает парень, набивая рот рисом. — Письмо принёс какой-то мальчишка, лет десяти, может, меньше. Лицо было скрыто под капюшоном и в маске Бэтмена.

Я фыркаю и расплываюсь в улыбке.

— Миш...

— М?

— А знаешь, почему я не убиваю мирных людей?

— Ой...

— Потому что я Бэ-э-этмен, — дразню его я, вспоминая, как когда-то давно парень доставал меня с этим.

— Потому что ты дурачок, а не Бэтмен, — сквозь набитый рот заявляет парень.

Я закатываю глаза, возвращаясь к своему отчёту. Так, осталось только перечитать и отправить, и всё. Добби свободен!

— Я всё думаю, — продолжает Кузнецов. — Кому надо эти карточки тебе присылать.

Я вздыхаю и на мгновение прикрываю глаза.

— Вот, что ты так паришься? — не понимаю я. — Это же мне, а не тебе шлют.

— Да я знаю, — тянет Миша. — Просто калит эта ситуация. Бред же полнейший. Ещё и ребёнка заставляет приносить, чтобы не спалиться. У тебя точно нет никаких дебилов, которые способны на такое?

Я пожимаю плечом, дочитывая отчёт. Недолго молчу, прикусываю губу, копируя документ и перетаскивая его на рабочий стол, после чего открываю почту и отправляю свою файл начальнику. Всё, дело сделано. Выходные я могу спокойно провести дома, совершенно не задумываясь о работе.

— Блин, — я вздыхаю. — Я не знаю. Может быть, кто-то обозлился на меня в военкомате. А может...

— Что?

Я качаю головой, немного прикрывая крышку ноутбука, но не закрывая его полностью. Откидываясь на подушку и устремляю задумчивый взгляд в телевизор, совершенно не вникая в смысл мультика.

— Просто... Помнишь случай, года три назад был... Когда мы с тобой только начинали общаться, — тяну я. — Типа к моей сестре подкатывал её бывший и...

— А, тот уголовник? — вспоминает Миша. — Он ещё при мне до тебя докапался, чтобы ты его свела с сестрой.

— Да, — я прикусываю губу и вздыхаю. — Саша Малийский. Из-за него потом та фигня с Егором произошла. Штормов в больнице оказался, а Малийского посадили. Просто все эти письма прям намекают на прошлое и на тот случай... Про это, конечно, могли запросто узнать, но...

— Думаешь, это он? — Миша набивает рот пловом. — Он же типа сидит ещё. Или нет?

Я пожимаю плечом.

— По идее, да, — бросаю я. — Я особо не интересовалась его судьбой. Его посадили, кажется, лет на 8. Не помню. Меня тогда ещё по судам затаскали, как свидетеля.

Кузнецов быстро доедает плов и ставит тарелку в сторону на кровать, после чего забирает у меня ноут и кладёт к себе на колени.

— Вряд ли это Малийский, если он всё ещё за решёткой, — тянет Миша. — Может быть, кто-то из его шайки? Или... Да блин, я даже не знаю. Надо просто поймать парнишку, который приносит письма, и выбить из него, кто его посылает.

— Ага, — безразлично тяну я, наблюдая за действиями Кузнецова. Он запускает скайп, заходит «вконтакт» и пишет другу, чтобы вытащить его поиграть в батлу.

— Сделаешь чай, пожалуйста? — просит парень, не глядя на меня.

Я неохотно морщусь, но всё-таки собираю все силы и поднимаюсь с кровати. Забираю тарелку, чтобы отнести на кухню.

— Конфет принести?

— Ага, — зеваает Миша. — Пару штучек.

Я улыбаюсь, фыркая себе под нос, и бреду на кухню, думая о словах Кузнецова. Что, если это действительно Малийский стоит за всеми анонимными письмами? Но он в тюрьме.

Зачем ему это? Какой смысл запугивать именно меня?

Вряд ли это он. Если бы Саша и решился на такое, чтобы хоть как-то отомстить, то принялся бы за мою сестру или же за Егора. Я вообще здесь не при чём. Не считая последнего случая, когда я помогла парням вытянуть Малийского, чтобы поймать его.

Чёрт, голова скоро взорвётся от предположений. Вот же свалилось всё это на мою голову...

Meg Myers — Make a Shadow

Соня.

Притормозив недалеко от нужного мне места, я ловко спрыгиваю с байка и ставлю его на подножку. Изящно сняв шлем, я встряхиваю головой, чтобы поправить волосы, и осматриваюсь. Клуб, о котором рассказала мне Лена, находится в другой части города от того места, где я раньше жила со своей семьёй, пока не решила сбежать к тёте в Питер, после того, как моё сердце было жестоко разбито. Я не знаю, когда именно было открыто это заведение, но названия «Конечный пункт» я никогда раньше не слышала.

Вывеска невзрачная и потрёпанная, точно такая же, как в барах, которые показывают в старых фильмах про мафию. Недалеко от входа стоит компания парней и курит, о чём-то болтая.

Сейчас вечер, до темноты ещё пара часов, но, по словам Истоминой, как раз самое время для веселья. Я решаю приехать пораньше, чтобы разведать обстановку и быть полностью готовой к встрече с анонимом. Осмотревшись по сторонам, я достаю из кармана кожаной куртки пачку сигарет и прикуриваю. Заходить внутрь не спешу, потому что, не смотря на мою решительность разоблачить таинственного преследователя, я дико нервничаю, о чём говорят мои поддрагивающие пальцы, сжимающие сигарету.

Я практически на сто процентов уверена, что письма мне присылает Егор Штормов. Почему именно он? Да потому что больше никому. Я так и представляю, как он сидит в своём инвалидном кресле, проклиная меня всеми словами на свете, ненавидя и жаждая отомстить за то, что я сделала. Это ведь я виновата во всём. Я забрала у Шторма самое дорогое, что у него было. Бокс. Я отняла у парня смысл жизни, и теперь Егор пытается запугать меня своими глупыми бессмысленными посланиями, постепенно сводящими меня с ума.

Только чего он добивается?

Я затягиваюсь, поправляя на локте ремень, на котором висит мотоциклетный шлем, и скольжу взглядом по зданию. Чем-то напоминает зал, в котором когда-то давно занимался Егор, — я часто ждала его внутри на скамейке или же снаружи, если в зале было слишком душно. После тренировки мы всегда гуляли по городу или же ходили в тайные места, которые показывал мне парень. Например в студию, где человек, имени которого я уже и не помню, читал рэп.

Сигарета сгорает, и я начинаю курить фильтр, совершенно не горя желанием направиться в сторону клуба, но выбора у меня всё равно нет. Просто зайду, закажу себе выпить, осмотрюсь и, если ничего подозрительного не обнаружу, вернусь в общагу. Тем более, что мне всё равно нечем заняться.

Выбросив бесполезный бычок под ноги, я машинально наступаю на него ногой, глубоко вздыхаю, собирая всю свою решимость в кулак, забираю ключи от моего железного коня и направляюсь в сторону «Конечного пункта». Пытаясь унять волнение и дрожь в руках, я прохожу мимо группы парней, бросающих на меня заинтересованные взгляды, и невольно вспоминаю момент из прошлого, когда я точно так же шла мимо группы ребят, в последствии начавших ко мне приставать. Тогда меня спас Егор, заявив им, что я его девушка. В этот раз я и сама могу за себя постоять.

Но незнакомцы не трогают меня. Я спокойно открываю дверь и захожу внутрь — охранник, стоящий возле входа, бросает на меня короткий взгляд, но ничего не говорит.

Я останавливаюсь в метре от выхода и скольжу взглядом по пространству. Здесь... Необычно. Всё сделано из дерева, словно это какой-то старый кабаk на диком западе, которые были во времена ковбоев. Барная стойка справа, в дальнем углу ринг, слева сцена, на которой какая-то джаз-вокалистка исполняет медленную протяжную песню. Столики расставлены хаотично, но в то же время таким образом, чтобы было много пространства для танцпола и можно было бы легко передвигаться. Это помещение одновременно и огромное, и совершенно маленькое. Такое чувство, словно я попала а настоящий вестерн. Так и кажется, что вот-вот ворвутся ковбои и начнут размахивать своими револьверами и шляпами. Завяжется перестрелка.

Я не могу понять, нравится ли мне «Конечный пункт» или же нет, потому что внутри меня настоящее смятение. Это место отличается от любого другого ночного клуба, где постоянно играет оглушающая музыка, реками льётся алкоголь, а толпы подростков так и норовят проскользнуть внутрь, чтобы поразвлечься. Здесь же совершенно иначе. Людей почти нет, но в то же время их достаточно, чтобы не считать заведение пустым. Хотя, вечер только начинается...

Среди них я не вижу ни намёка на Штормова.

Я коротко вздыхаю и направляюсь в сторону барной стойки, за которой стоит красивая девушка в зашнурованной кофточке, которая неприлично обтягивает чертовски огромную грудь. Её волосы собраны в конский хвост, а руки усердно протирают салфеткой стакан. Барменша болтает с одним из посетителей — парень сидит за стойкой спиной ко мне, облокотившись локтём о столешницу. Я присаживаюсь на самый дальний стул, кладу шлем на стол почти на угол стойки и достаю телефон, чтобы хоть чем-то занять себя.

Краем глаза я вижу, что девушка замечает меня, оставляет в покое свой стакан и медленно подходит ко мне. Я поднимаю на неё взгляд и встречаюсь с огромными карими глазами. На её лице играет лёгкая улыбка.

— Налить что-нибудь? — она вскидывает бровь.

Я открываю рот, скольжу взглядом по стеллажам с алкоголем, и теряюсь из-за, казалось бы, безграничного выбора.

— Что-нибудь некрепкое, — безразлично бросаю я.

Барменша медлит, прожигая меня взглядом, затем отходит в сторону и нагибается. Я смотрю на её спину, наблюдая за изящными, но в то же время грубыми движениями. Девушка распрямляется и ставит передо мной бутылку с пивом.

— Самое некрепкое, что у нас есть, — констатирует она, открывая мне бутылку, словно говоря, что мне теперь не отвертеться и что я должна как минимум заплатить за заказ.

— Спасибо.

Я роюсь в кармане, ища завалившиеся сотки, которые недавно припрятала там. Пристальное внимание барменши напрягает.

— Я заплачу, — слышу звонкий голос парня, сидящего слева от меня, с которым девушка недавно разговаривала. — Запиши на мой счёт.

Я вскидываю голову, устремляя взгляд на незнакомца, который только что спас меня от позора, потому что, кажется, я всё-таки забыла засунуть деньги в карман куртки. Или же выронила их на улице, когда доставала пачку с сигаретами.

— Твой счёт? — барменша коротко смеётся, отходя от меня. — Когда ты вообще в последний раз платил за алкоголь? Я спаиваю тебя здесь бесплатно.

— Ты на мне зарабатываешь куда больше, чем я выпиваю, так что не жалуйся, — его голос постепенно становится тише и перестаёт излучать игривые нотки.

Я смотрю на него, и моё дыхание перехватывает. У парня синяк под левым глазом и рассечена губа, но раны не свежие, им как минимум дня три. Волосы короткие, русые. Лёгкая щетина. Глаза голубые-голубые. Он сидит на барном стуле, облокотившись одним предплечьем о столешницу, вторая рука безвольно висит между его ног.

— Что застыл? — насмешливо тянет барменша. — Влюбился с первого взгляда? На тебя не похоже. Смотри, — она обращается ко мне, — он тот ещё развратник.

Парень не отвечает. Я смотрю на него и совершенно не узнаю. Он изменился, плечи стали шире, волосы короче, лицо более взрослое и грубое, нежели раньше. Глаза тоже. Я видела два его взгляда: когда мы только познакомились и когда расставались. Но этот, нынешний, не похож ни на тот, ни на другой. Этот взгляд нечто среднее, совершенно новое.

Егор Штормов, парень, которого я когда-то любила, сидит напротив меня и смотрит так, словно готов вонзиться мне в глотку зубами и разорвать на куски. Или мне просто кажется?

Я поспешно отворачиваюсь, собираясь сделать вид, что не узнала его, но, кажется, уже поздно об этом думать.

Убираю сотовый в карман и хватаю бутылку с пивом, делая глоток и пытаюсь игнорировать пристальный взгляд парня. Проходит целая вечность, прежде чем наше молчание разрушается.

— Розина, — это даже не вопрос, это утверждение.

— Штормов, — тихо говорю я, не смотря на Егора.

Всё внутри меня сжимается и превращается в месиво. Я не знаю, что думать и что говорить.

Я представляла нашу встречу по-другому. Я думала, что парень будет в инвалидной коляске, замученный и исхудалый, скрюченный, изливающийся ненавистью. Я думала, что поговорю с ним, извинюсь или ещё что-нибудь. Приму любые обвинения, потому что заслужила их.

Но я вообще не ожидала увидеть Егора таким.

— Вы знакомы? — встречает барменша, но никто не обращает на неё внимания.

Я коротко выдыхаю, пытаюсь собраться с мыслями, но воспоминания обрушиваются на меня с такой силой, что я не могу даже шевелиться. Не думала, что встреча с Егором окажется для меня настолько сложной. Я ещё не готова.

Сделав ещё один глоток для храбрости, я медленно поднимаюсь на ноги.

— Уже уходишь? — насмешливо тянет Шторм.

Я хватаю свой шлем и поворачиваюсь лицом к парню, смотря на него сверху вниз и

вспоминаю, как три года назад на территории больницы, когда снег хрустел у меня под ногами, а мороз сковывал движения, Егор сидел в инвалидной коляске и заявлял мне, что ненавидит меня. Невидимая рука сдавливает мою шею и перекрывает дыхание.

— Да, — коротко говорю я.

Шторм фыркает и быстро скользит языком по губам. Медлит, затем усмехается и встаёт настолько неспешно, словно всем своим видом показывая, что его ноги в отличном состоянии и что я не смогла сломать их полностью. Егор выше меня, куда выше, чем был раньше. Он скользит по мне взглядом с таким видом, словно получая невероятное удовольствие.

— Не останешься? — почти обиженно тянет парень. — Скоро мой бой. Посмотри хотя бы, раз пришла.

Я смотрю на ринг, затем скольжу взглядом по телу Штормова и останавливаюсь на ногах. Неуверенность сковывает меня, и я ничего не могу с собой поделать.

— Ты дерёшься? — задаю глупый вопрос, продолжая сверлить взглядом его колени.

— Как видишь, со мной всё отлично, — безмятежно говорит Егор, намекая на свою травму. — А вот с тобой... — я вскидываю голову и замечаю его скептическую улыбку. — Катаешься на байке? Светлые волосы? Кожанка? Серьёзно?

Я сжимаю пальцами шлем и сглатываю. Он что, издевается?

— Зачем ты пришла, Розина?

Я переступаю с ноги на ногу.

— Ты же сбежала в тот раз. Зачем вернулась? — голос Егора одновременно и приветливый, и холодный, из-за чего мурашки скользят по моей коже, въедаясь её.

— Ты сам меня оттолкнул, — поджимаю губы, смотря ему прямо в голубые немного безумные глаза.

— И? — Шторм вскидывает брови. — Ты кричала, что не бросишь меня не при каких обстоятельствах, а тут я просто психанул, и ты тут же сбежала. Если бы ты действительно меня любила, тебе было бы плевать на мои слова. Кому нужен жалкий колясочник... Ты только и ждала повода, чтобы избавиться от меня.

Меня словно обливают холодной водой. Да что он такое говорит? Я же... Я. А ведь он прав. Я каждый день говорила ему, что никогда не оставлю его, что бы не случилось с нами, а стоило ему обидеть меня, так я сразу сбежала. Я прекрасно понимала, что ему тяжело, что он страдает и что я лишь нагнетаю своим оптимизмом, но... Я просто не смогла вынести ту боль и бросила его, хотя до этого чуть ли не кровью клялась, что этого не случится.

— Не правда, — бормочу я, глотая воздух. — Я... Я...

— Я... Я... — передразнивает меня Егор, усмехаясь. — Что ты, Розина? Я лишился бокса по твоей вине. Так, зачем ты вернулась?

Я трясую головой, пытаюсь загнать слёзы обиды обратно.

— Конечный пункт определяешь не ты, — вырывается у меня.

Я собираю все свои силы и смотрю на Егора с таким отвращением, на которое вообще способна сейчас, но оно тает под пристальным скептическим взглядом Шторма.

— Что? — не понимает он.

— Это ты шлёшь мне письма? — напрямую выпаливаю я. — Ты написал это, и я пришла. Сраный конечный пункт! Сознаться!

Парень теряется, но ухмылка не исчезает с его лица. Он скрещивает руки на груди,

словно защищаясь.

— Ты про карточки со всяким бредом? — недовольно бурчит Штормов. — Мне они тоже приходят, но я давно уже перестал их открывать, так что понятия не имею, о чём ты. Я про тебя ни черта не знаю, и уже не помню даже, когда вспоминал в последний раз. Мне заняться больше нечем, как тебе писать подобное.

Я поджимаю губы, чтобы парень не заметил, что они начинают дрожать. Обида ещё сильнее стискивает моё горло своими безжалостными пальцами, и единственное желание, которое вертится у меня в голове, — уйти отсюда и больше никогда не возвращаться.

— Но раз ты пришла, тогда почему бы тебе не остаться, Розина? — Егор улыбается. — Ей, Шершень, — парень оборачивается к барменше. — Поставь мне бой. Сейчас.

— Что? — она озадаченно смотрит в нашу сторону. — Он у тебя заказной через час.

— Мне плевать. Тогда позови Макса, скажи, что хочу размяться. Живо шевелись.

Девушка кривится, мол, какого чёрта ты раскомандовался здесь? Она неохотно выходит из-за стойки и исчезает. Егор снова смотрит на меня.

— Что, Розина. Хочешь посмотреть, каким я стал? — Шторм нагибается ко мне почти вплотную. — Каким ты меня сделала...

Я ничего не отвечаю — парень ухмыляется и разворачивается.

— Дай мне минуту, Розина. Я покажу тебе, кто я теперь.

Я смотрю в его спину и совершенно не узнаю того Егора Штормова, которого я встретила в школе. Он совсем другой, взрослый и более грубый, не такой наивный и...

Мои ноги словно приросли к полу — я наблюдаю за тем, как парень на ходу надевает перчатки и запрыгивает на ринг. Толпа девчонок, которая сидит недалеко, взвизгивает и улюлюкает, начиная подбадривать Егора. Он улыбается и что-то говорит им — всё вокруг меня превращается в сплошной водоворот, пол уходит из под ног, и ад затягивает меня в свои глубины.

Второй парень, очевидно, Макс, про которого говорил Шторм, запрыгивает на ринг и разминается. А потом они начинают драться. Не так, как раньше. Движения у Шторма отличаются, они более агрессивные и решительные. Это уже не просто бокс, это бои без правил. Незаконные бои без правил.

Я шумно втягиваю в себя воздух, и, когда Егору прилетает смачный удар коленом в живот, я разворачиваюсь и почти бегом направляюсь к выходу. Всё это слишком сложно для меня, слишком... Мучительно больно.

Мот — Стелит

Егор.

Я останавливаюсь возле дома Матвея в половину восьмого вечера, глушу мотор, открываю окно и прикуриваю. Мысли вертятся вокруг предстоящего спарринга, в котором я должен буду слить бой ради крупной суммы денег. Мне не нравится эта затея, и я до конца ещё не уверен, смогу ли поддаться противнику. За всю работу в «Конечном пункте» я ни разу не соглашался участвовать в подставном бою, но Шершню всё равно. Даже если я проигрываю, то хозяйка в любом случае получает прибыль. Мы получаем лишь проценты от

своих драк. Победил — тридцать процентов от прибыли на твоём бою. Проиграл, всего десять.

Обычно бои проходят с людьми, которые хотят подзаработать на участии. Допустим, ты ставишь штуку, выходишь на ринг против бойцов клуба, и дерёшься. Если выигрываешь, получаешь вдвое больше. Проигрываешь, лишаешься всего. От таких ставок ты получаешь пятьдесят процентов.

Итак, моя зарплата состоит из 30 % от прибыли за один бой, либо из 10 %, если я проигрываю. Плюс забираю половину от ставки противника. Если день удачный, могу заработать от пяти штук за несколько спаррингов.

Я хороший боец и редко сливаюсь, поэтому почти все, кто приходит поглазеть на драки, ставят на мою победу. Если бы я договаривался с начальницей, и мы бы делали подставные бои, то я получал бы гораздо больше, но какой в этом смысл? Я дерусь не ради денег, а ради удовольствия. Если бы мне нужны были бумажки, я бы нашёл нормальную стабильную работу и занимался бы рутинной.

Шумно выдохнув дым, я смотрю на подъезд, из которого должен выйти Матвей, и постукиваю пальцами по рулю, задумчиво хмурясь.

Этот Арчи... Если я не солью бой, не только у меня будут проблемы. Надо поговорить с Шершнем, чтобы она завязывала общаться с подобными людьми ради хорошей травки, которую так любят наши постоянные посетители. Если о нас прознают в полиции, тогда быстро прикроют лавочку. Но Хозяйка осторожна. Продаёт только проверенным людям. Хотя... Интересно, меня тоже заметут, если будет облава?

Я Шершню сразу сказал, что сдам её с потрохами, если подобное случится. Мне за решётку как-то не особо хочется.

Достаю из кармана телефон и звоню Матвею. Ну, где он? Сказал же, что уже почти готов... Хочу подтянуть парнишку в наш клуб, чтобы он хоть чем-то занялся, а то в последнее время совсем загибается. В отличие от меня, который сумел справиться со своей травмой и смириться с нынешней жизнью, оставив позади прошлое, Митя всё никак не может вылезти из того дерьма, в котором оказался три года назад. Я взлетаю, а он падает. Хотя... Кажется, его травма была куда серьёзней моей, но и моя мечта была куда выше его.

Высовываю руку из окна, облокотившись на него локтём, и сбрасываю пепел. Друг не отвечает. Убираю сотовый в карман и решительно выхожу на улицу, даже не закрывая авто. Бросаю бычок в траву и направляюсь в сторону подъезда, мысленно проклиная Матвея за то, что он такой непунктуальный.

Дверь в его квартиру не заперта, и мне даже не приходится доставать запасные ключи. Я захожу внутрь и морщусь из-за запаха протухшей пиццы, кусок которой лежит на столе. Холодильника типа не существует в этом доме?

Замечаю друга на кровати, укутанного одеялом.

— Серьёзно?! — громко вскрикиваю я, и парень начинает шевелиться, кутаясь ещё сильнее. — Вставай, Матвей, сколько можно спать? Что ты по ночам делаешь?

Я пересекаю студию и решительно хватаю одеяло, стаскивая его с бесполезного тела. Матвей стонет.

— Отвали, — хрипит парень.

— В смысле? — возмущаюсь я, толкая его в плечо и пытаюсь расшевелить. — Я тебе звонил полчаса назад, ты сказал, что уже готов ехать, какого чёрта опять случилось?

Матвей с трудом садится и смотрит на меня так, словно желая мне умереть

мучительной смертью. Я скрещиваю руки на груди, вопросительно вскидывая бровь.

— От таблеток меня клонит в сон, — пожимает плечом парень после продолжительного молчания.

Я поджимаю губы.

— Ты у врача был?

— Да.

— И?

Он морщится и неохотно поднимается на ноги, потягиваясь. На мой вопрос, очевидно, отвечать он не собирается.

— У тебя пятнадцать минут, чтобы сходить в душ, а потом мы едем к Шершню, — констатирую факт, пристально наблюдая за Матвеем.

— Ага, — безразлично отмахивается парень, лениво направляясь в сторону ванной.

Когда дверь за ним закрывается, я осматриваю комнату. Здесь срочно требуется генеральная уборка, квартира похожа на свалку: по полу разбросаны пустые бутылки из-под пива, какие-то бумаги, пакеты и одежда. Запах отвратительный: смесь стухшей еды и пота. Я подхожу к окну и распахиваю шторы, впуская хотя бы немного света в это мрачное помещение. Открываю окно, чтобы выветрить затхлый запах. Становится легче. Выглядываю на улицу и проверяю наличие своей машины. Малышка стоит на том же месте, где я её и оставил.

Однажды у меня уже угнали её с этого района, потому что мне вечно лень закрывать двери, когда я иду к Матвею, но я быстро нашёл этого самоубийцу и доходчиво объяснил, что будет с ним или с кем-либо из его знакомых, если ещё раз у меня попытаются угнать тачку. Сомневаюсь, что после такого ещё кто-нибудь захочет присвоить авто себе, но надо будет поставить на неё сигнализацию на всякий случай.

Слышу звуки льющейся воды, зеваю и решаю хотя бы немного убрать мусор. Я успеваю только собрать пустые бутылки и избавиться от вонючего куса пиццы — Матвей лениво выползает из ванной и направляется к шкафу, чтобы выбрать чистую одежду, если она у него хотя бы есть. Не глядя достаёт футболку и джинсы, переодевается быстрее, чем я рассчитываю.

— Я готов, — говорит друг.

Я оценивающе осматриваю его. Выглядит он сносно. По крайней мере, лучше, чем в момент, когда я вытащил его из постели.

— Пошли, — направляюсь к выходу, доставая сотовый из кармана и смотря на время.

Почти восемь. Я вздыхаю, потому что моя затея приехать пораньше на работу проваливается, и спешно спускаюсь по лестнице вниз, пока Матвей закрывает квартиру. Вырываюсь на улицу и подхожу к машине, уверенно забираясь внутрь. Завожу мотор и смотрю на подъезд. Проходит буквально минута, прежде чем дверь открывается, выпуская моего друга из здания, — он прячет руки в карманах, неохотно добираясь до машины и садясь на пассажирское сидение.

Резко поменяв передачу, я трогаюсь с места и еду напрямиком в «Конечный пункт».

— Только будь поразговорчивее, — прошу я, когда мы приезжаем в нужное место. Я паркуюсь недалеко от заведения и выхожу из авто, Митя повторяет за мной. — И хоть улыбайся.

— Ага, — бурчит парень, захлопывая дверь.

Я закрываю авто и осматриваюсь. Что ж, мой первый бой, который я должен слить в этом заведении, должен начаться уже через несколько часов. Когда именно, надо уточнить у Шершня.

— Никогда мне не нравилось это место, — жалуется друг, но я не обращаю на него внимания и направляюсь в сторону входа.

Ничего, понравится. Нужна работа, любое место станет привлекательным, даже туалет.

— Привет, Тим, — здороваюсь с охранником, и тот кивает мне.

Захожу внутрь, скользя взглядом по помещению. Ещё слишком рано для ажиотажа, но народу здесь достаточно. «Конечный пункт» — круглосуточное заведение. Оно закрывается только с пяти до восьми утра, чтобы можно было убраться после ночной смены и подготовиться всё к дневной. Работников здесь достаточно. Днём здесь обычный бар, где можно перекусить и провести время, хотя народу в этот период не настолько много, чтобы получать хорошую прибыль, а вот к вечеру уже начинается самое интересное.

Замечаю шершня за барной стойкой (девушка любит поработать в своём заведении, особенно, когда ей нечего делать) и направляюсь прямо к ней.

Шершень или Аня Шершнёва, как её ещё называют, пышногрудая девушка с длинными тёмными волосами и большими карими глазами двадцати семи лет, разведена, детей нет и не может быть. Её бывший муж когда-то заставил её сделать аборт, после чего она стала бесплодной. Из-за того, что она так и не смогла в последствии забеременеть, они и развелись. С тех пор Аня не заикливается на отношениях и серьёзных планах создать семью, предпочитая отдать себя в объятия работы, что, хочу заметить, у меня неплохо получается.

А ещё у неё на правой ягодице, ближе к пояснице, большая родинка в виде разбитого сердца. Откуда я это я знаю? Потому что я спал с ней.

— Йоу, — с размаху сажусь на барный стул. Девушка кивает, затем переводит взгляд на Матвея, который присаживается рядом со мной. — Привёл тебе нуждающегося в работе и умоляющего тебя принять его в эту божественную забегаловку.

Аня скептически смотрит на моего друга, криво усмехаясь.

— Что-то не заметно, что он умоляет, — фыркает она.

— Он мысленно, — отмахиваюсь я. — Он недавно проснулся, у него лицо обычно помиловиднее, — шучу я, толкая Матвея в бок, но тот, кажется, не оценивает мою шутку.

Шершень лениво протирает стакан и недолго молчит.

— Есть у меня для тебя работёнка, — тянет девушка. — Если ты не против замарать руки.

— Туалеты мыть не буду, — безразлично бормочет парень, и я уже собираюсь пнуть его, потому что, какая разница, что делать, главное, чтобы было занятие и платили за него. Ну, да, сказал тот, кто любит свою работу.

— И не придётся, — смеётся девушка. — Если ты согласен, отдам тебя в руки человека, который объяснит тебе всё.

Матвей пожимает плечом, мол, без разницы. Делайте, что хотите. Девушка усмехается и поворачивается в сторону двери, уходящей в сторону административных помещений.

— Эй, рыжий! — кричит она официанту. Её голос звонкий и властный. — Отведи этого парнишку к Лёше. Скажи, что это его новый помощник, пусть объяснит, что ему делать.

Я толкаю Митю локтём в бок, чтобы он, наконец, проснулся и поднялся на ноги. Друг медлит, затем неохотно поднимается на ноги и зевает, скучаясь направляясь в сторону

официанта. Парни скрываются из виду — я поворачиваюсь на стуле спиной к выходу и подпираю голову рукой.

— К Лёше? — скептически спрашиваю я. — Хочешь из него посыльного сделать?

— Ну, типа того, — Шершень пожимает плечом. — Деньги нормальные, утруждаться особо не надо. Тем более, что предыдущий уволился. Или ты хочешь, чтобы я заставила его мыть туалеты?

— Ну, — я кривлюсь. — Лучше бы туалеты... Когда там мой бой? С этим типом от Арчи.

Аня шумно выдыхает, отставляет в сторону стакан и ловко завязывает распущенные волосы в хвост, затем заново принимается за протирание стаканов.

— По идее, через час, — бормочет она. — Но они постоянно опаздывают, да и Арчи ещё не звонил, так что, возможно, ближе к одиннадцати, двенадцати, если не позже.

Я поджимаю губы, потому что терпеть не могу неопределённость. Смотрю на дверь, где скрылся Матвей, и недолго молчу. Работа другу понравится, ходишь, относишь разные счета и деньги, почти ничего не делаешь. Даже думать не надо.

— Знаешь, — тяну я. — Завязывай ты с Арчи.

— Почему?

— Мутный он тип.

— Ну, да...

Слышу, как позади меня открывается входная дверь, впуская нового посетителя, но не оборачиваюсь. Смотрю на ринг, на котором в скором времени я должен буду проиграть и получить за поражение неплохую сумму, и меня охватывает тоска.

Шершень оставляет в покое свой стакан, который, наверное, почти протёрла до дыр, и медленно направляется к посетителю, очевидно, севшему за барный столик.

— Налить что-нибудь? — спрашивает Аня.

— Что-нибудь некрепкое, — женский безразличный голос отрывает меня от своих мыслей, и я лениво поворачиваюсь на стуле, чтобы взглянуть на посетителя.

Это блондинка. Её пряди волос скрывают часть лица, и я отсюда не могу разглядеть, симпатичная она или не очень. Девушка тонкая и изящная, в кожаной куртке. На столе рядом с ней лежит мотоциклетный шлем. Она ещё и байкерша... Интересно.

Аня отходит от девушки и достаёт из небольшого холодильника под стойкой бутылку пива, затем возвращается обратно.

— Самое некрепкое, что у нас есть, — констатирует она, открывая бутылку и ставя её перед посетителем.

— Спасибо.

Девушка роется в кармане, ища деньги, но делает она это чуть дольше, чем надо было. Шершень пристально смотрит на неё.

— Я заплачу, — нахально бросаю я, решая, что неплохо было бы познакомиться с этой девчонкой. — Запиши на мой счёт.

Блондинка вскидывает голову, смотря на меня, и я усмехаюсь. А она ничего такая, миленькая.

— Твой счёт? — Аня коротко смеётся, подходя ко мне. — Когда ты вообще в последний раз платил за алкоголь? Я спаиваю тебя здесь бесплатно.

— Ты на мне зарабатываешь куда больше, чем я выпиваю, так что не жалуйся, — я

отвечаю ей машинально, потому что пристальные зелёно-коричневые глаза впиваются в меня настолько удивлённо и даже испуганно, что я теряюсь, потому что этот чёртов взгляд выжигает у меня в груди дыру, словно от дьявольски огромной сигареты.

Я их знаю. Видел когда-то.

Но это единственное, что я узнаю в человеке, сидящем напротив меня, но, даже не смотря на то, что всё остальное мне дико незнакомо, я вспоминаю его. Её. Я знаю, кто она.

— Что застыл? — насмешливо тянет Аня. — Влюбился с первого взгляда? На тебя не похоже. Смотри, — она обращается к девчонке, — он тот ещё развратник.

Я не отвечаю, пропуская мимо ушей её ехидное замечание.

Блондинка поспешно отворачивается, убирает телефон в карман куртки, хватая бутылку тонкими пальцами и делает глоток. Собирается притвориться, что не узнала меня? Я же видел по её глазам, что это совершенно не так.

— Розина, — вырывается у меня, и тайная мысль глубоко в груди скребётся, надеясь, что я ошибаюсь. Мало ли, у кого ещё могут быть такие прожигающие глаза.

— Штормов, — тихо говорю блондинка, и все мои надежды рушатся, словно плохо сооружённая стена здания, увлекающая за собой остальные части дома.

Соня Розина сидит на другом конце барной стойки и не смотрит в мою сторону. Что она здесь делает? Случайно забрела в этот клуб, совершенно не ожидая встретить меня здесь? Какова была вероятность, что она выберет именно этот день, это время и это место? Это не может быть совпадением. Зачем она пришла?

Нет. Зачем она приехала в этот город? Почему вернулась спустя столько лет? Насколько я знаю, Соня уехала к тётке в Питер и совершенно не собиралась возвращаться, потому что оборвала все связи как с родителями, так и с сестрой. Она сбежала, потому что я прогнал её.

«Она в городе».

Письмо, которое мне прислали недавно с удалившейся странички. Так, значит, речь шла о Розиной?

— Вы знакомы? — встречает Аня, но никто не обращает на неё внимания.

Я в замешательстве. Нет. Я в ужасе, потому что все мои логические кирпичи, которые я выстраивал всё это время внутри себя, рушатся прямо в этот момент. Ужас меняется на страх, а потом и на злость. Нахрена она вернулась? Чтобы снова уничтожить всё, что у меня есть? В этот раз я этого не позволю сделать. Тот наивный мальчишка, жаждущий покорить профессиональный ринг и готовый рисковать всем ради своей любви, сдох под колёсами машины, сломавшей ему позвоночник.

Блондинка делает ещё один глоток, а потом поднимается на ноги.

— Уже уходишь? — насмешливо говорю я, пытаюсь скрыть свою нервозность и негатив.

Она берёт свой шлем и поворачивается ко мне, впиваясь своими ядовитыми глазами.

— Да, — коротко и тихо отзывается Соня.

Я фыркаю, быстро скольжу по губам, затем усмехаюсь и медленно встаю на ноги, словно смакую каждое своё движение. В последний раз, когда мы с ней виделись, я сидел в инвалидной коляске, теперь же я полностью здоров. Я стал гораздо выше Розиной, а она заметно похудела. Стала изящней и привлекательней.

— Не останешься? — притворно спрашиваю. — Скоро мой бой. Посмотри хотя бы, раз пришла.

Она быстро смотрит на ринг, затем скользит по мне взглядом и останавливает его на моих ногах. Соня глядит на меня с таким видом, словно до конца не может поверить, что я

могу ходить. Или думает, что у меня вместо ног протезы?

— Ты дерёшься? — она смотрит на мои колени.

— Как видишь, со мной всё отлично, — отмахиваюсь я. — А вот с тобой... — она резко скидывает голову, и я скептически улыбаюсь, понимая, что задел за живое. — Катаешься на байке? Светлые волосы? Кожанка? Серьёзно?

Она нервничает. Нет, она пытается злиться, но у неё ничего не получается.

— Зачем ты пришла, Розина? — холодно спрашиваю я.

Она переступает с ноги на ногу.

— Ты же сбежала в тот раз. Зачем вернулась? — я сильно сжимаю зубы, негодуя от одного её присутствия. Я выбит из колеи и обескуражен этой встречей, и я терпеть не могу такие моменты, в которые я не способен контролировать свои эмоции.

— Ты сам меня оттолкнул, — она смотрит мне в глаза.

— И? — я скидываю бровь — Ты кричала, что не бросишь меня не при каких обстоятельствах, а тут я просто психанул, и ты тут же сбежала. Если бы ты действительно меня любила, тебе было бы плевать на мои слова. Кому нужен жалкий колясочник... Ты только и ждала повода, чтобы избавиться от меня.

Я почти осекаюсь, потому что только сейчас вдруг понимаю, что всё это время был обижен на неё за этот поступок. Я был тогда сломлен и подавлен, я готов был срывать на всех, кто был рядом со мной, потому что я утопал в отчаяние. И я оттолкнул её. Я не хотел, чтобы она смотрела на меня с разочарованием и с сочувствием. Потом я жалел об этом поступке, но факт того, что девушка просто так взяла и сбежала из города, оставив всё, даже меня, лишь доказывал, что я, инвалид, был ей не нужен.

А теперь у меня всё прекрасно, и пусть она подавится своей беспомощностью.

— Не правда, — бормочет Розина, глотая ртом воздух, словно собираясь разреветься. — Я...Я...

— Я... Я... — передразниваю её, злясь ещё больше. — Что ты, Розина? Я лишился бокса по твоей вине. Так, зачем ты вернулась? — я уже не контролирую то, что говорю, потому что эмоции полностью захватывают власть надо мной.

— Конечный пункт определяешь не ты, — говорит она.

— Что?

— Это ты шлешь мне письма? — почти вскрикивает Розина, и я даже теряюсь. — Ты написал это, и я пришла. Сраный конечный пункт! Сознаться!

Скрещиваю руки на груди. Так, значит, она тоже получает эти чёртовы послания?

— Ты про карточки со всяким бредом? — недовольно бурчу я. — Мне они тоже приходят, но я давно уже перестал их открывать, так что понятия не имею, о чём ты. Я про тебя ни черта не знаю, и уже не помню даже, когда вспоминал в последний раз. Мне заняться больше нечем, как тебе писать подобное. Но раз ты пришла, тогда почему бы тебе не остаться, Розина? — я улыбаюсь. — Эй, Шершень, — я оборачивается к барменше. — Поставь мне бой. Сейчас.

— Что? — она озадаченно смотрит в нашу сторону. — Он у тебя заказной через час.

— Мне плевать. Тогда позови Макса, скажи, что хочу размяться. Живо шевелись.

Девушка кривится, мол, какого чёрта ты раскомандовался здесь? Она неохотно выходит из-за стойки и исчезает. Я снова смотрю на Соню.

— Что, Розина. Хочешь посмотреть, каким я стал? — я нагибаюсь к ней почти

вплотную. — Каким ты меня сделала...

Я ухмыляюсь из-за растерянного взгляда девчонки и разворачиваюсь.

— Дай мне минуту, Розина. Я покажу тебе, кто я теперь.

Направляюсь к рингу, хватая лежащие рядом со стойкой перчатки для смешанных боёв, и на ходу надеваю их. Девочки за столиком слева начинают пищать и звать меня, замечая, что я собираюсь выступить. Проворно забираюсь на ринг, довольно улыбаясь из-за подбадриваний девушек.

— Эй, красотки, кто хочет, чтобы я побил Макса?

Они взвизгивают ещё больше. Обычно мы не дерёмся друг с другом, только если вообще нет желающих и клиентов, которые хотят подзаработать на участии в спаррингах, но иногда мы устраиваем тренировочные бои, вроде этого.

Я смотрю на Розину, которая всё ещё стоит на том же месте и сжимает в руках свой шлем. Усмехаюсь ещё больше. Пусть посмотрит, каким я стал и кто я теперь. Крики девушек уходят на задний план, когда мой партнёр поднимается на ринг. И мы начинаем драться.

Это не бокс. В боксе ты можешь применять только руки, атаковать и защищаться, а здесь правил никаких нет. Руки, ноги, захваты, голова. В пах только бить нельзя, кусать, да глаза выцарапывать, но какой нормальный мужик будет подобным заниматься?

Я отвлекаюсь на Розину и получаю удар коленом в живот. Дыхание перехватывает, но я ухожу от захвата и со всей силы заезжаю парню в лицо. Макс тут же падает на ринг, девчонки визжат ещё громче, а я смотрю в сторону, где стояла Соня. Её там нет. Осмотрев зал, я понимаю, что Розина сбежала.

Фыркнув, я помогаю противнику подняться. Дальше драться нет никакого смысла. И вообще, нафига я организовал этот бой?

Я спускаюсь с ринга и недовольно снимаю перчатки. Пыл от встречи с прошлым постепенно сходит на нет, оставляя только потерянную и обескураженную. Поверить не могу, что только что разговаривал с Розиной, это же немыслимо...

Ленинград — Никого не жалко, никого

Матвей.

«Конечный пункт» — бар, который открылся лет шесть назад в нескольких кварталах от моего дома, где я жил с родителями. Тогда у него было другое название. «Рюмка». У меня с ним связаны неприятные воспоминания, поэтому особой симпатии к этому месту я не испытываю, в отличие от Егора Штормова, который сроднился с ним настолько сильно, что даже уже считает своим вторым домом. Здесь он проводит больше времени, чем в своей съёмной квартире.

Изначально, когда «Рюмка» только открылась, — это было неприметное заведение, направленное на узкую аудиторию. Обычно сюда приходили заядлые алкоголики, прячущиеся от своих родственников, и всякий остальной сброд. Помещение было тесным, тёмным и прокуренным. Здесь подавали не прожаренные шашлыки и подозрительные салаты. В туалетах постоянно воняло, зеркала были грязными и неприятными, посетителей было мало, а иногда и вовсе никто не приходил.

Ещё когда я учился в школе, мне довелось работать здесь. Я хотел подзаработать на новый телефон, потому что старый случайно разбил в одной из драк, в которую меня втянул Шторм. Экран треснул, корпус прогнулся, а большая часть кнопок вообще перестала отвечать на мои нажатия. Проще было выбросить его на помойку, чем починить.

У меня был кореш, который работал в баре на полставки, и я попросил его замолвить за меня словечко. Я хотел отработать пару месяцев, купить сотовый и свалить отсюда куда подальше. В итоге меня свели с владельцем, и тот предложил мне подработать на складе. Нужно было таскать привезённый товар в коробках из грузовика в подсобку. Естественно, речи о трудовом договоре и каких-то документов не шло, я ведь тогда всё ещё учился в школе.

Я согласился. Приходил после занятий в среду и в пятницу и помогал разгружать провизию. В день получал около штуки, и планировал уже в конце месяца распрощаться с этим притоном, пока однажды случайно не «открыл» одну из коробок. Она была плохо запечатана и в любом случае не выдержала бы своего «путешествия» от машины до склада. Дно коробки разорвалось, и содержимое вывалилось наружу.

Оказалось, что владелец незаконно добывал всякую технику, а потом продавал её. Скорее всего, где-то воровал или ещё что. Мне тогда было всё равно. Я испугался, что если меня увидят с открытой коробкой, то неприятностей мне точно не избежать. Быстро отнёс её на склад и сделал вид, что ничего не произошло.

А когда я пришёл в следующий раз за деньгами, владелец заявил, что нашёл открытую коробку на складе и что я стащил что-то из неё, хотя я вообще ничего не брал и даже не успел толком рассмотреть, что было внутри. Мне сказали, что если я не верну деньги за украденное, то он пойдёт в полицию и заявит на меня. Владелец требовал вдвое больше того,

что я заработал у него во время смен. Мне пришлось согласиться на условия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Денег, естественно, у меня не было, да и не собирался я отдавать то, что заработал честным трудом. Сразу же после разговора с женщиной, я сам направился в полицию.

Я ненавижу своего отца, но у него есть отличные связи не только в военной структуре, но и в правоохранительных органах. Начальник отдела — знакомый моего папы. Он раньше часто бывал у нас дома с семьёй на ужинах, пока мои предки не развелись, так что я решил обратиться именно к нему. Я рассказал всё, как было на самом деле, и заведение «Рюмка» быстро прикрыли. Владельца поймали с поличным и посадили за сбыт краденного, а бар был продан с целью получения денег на адвокатов, которые даже не смогли помочь этому придурку.

В последствии «Рюмка» ещё несколько раз то открывалась, то закрывалась, пока не перешла в руки нынешней владелицы. Шершень полностью переделала помещение и создала «Конечный пункт», место, куда стягиваются все любители хорошо отдохнуть, повеселиться, подзаработать и посмотреть на кровавые бои.

Для меня же «Рюмка» осталась «Рюмкой», а уж ковбойский стиль, смешанный с джазовой музыкой, боями без правил и периодическими концертами различных групп и исполнителей меня вообще никак не привлекает.

А ещё я недолюбливаю Шершня. Раздражают такие женщины, которые всё держат под своим контролем и считают, что мужики обязаны ползать у них в ногах. Ей же перечить даже страшно, она тебя своей грудью задушит. Я как-то пересекался с ней ещё в самом начале, когда Егор только пришёл сюда работать, она, конечно, вряд ли это помнит, но я уж точно тот случай никогда не забуду.

Тогда Егор впервые дрался здесь на ринге и, конечно же, победил, а Шершень стояла рядом со мной и наблюдала за ним. И тогда она мне заявила что-то типа «Шторм будет моим» или «Я его трахну, вот увидишь». Я уже и не помню, мне тогда показалось, что я ослышался, потому что было много народу, и шум разрывал мою голову на части. Я пришёл только ради того, чтобы поддержать друга, а не общаться с подобными бабами. Мне было жарко, душно, а ещё меня тошнило, потому что я наглотался перед выходом из дома своих бесполезных таблеток, которые даже не помогали. С тех пор каждый раз, когда я вижу владелицу «Конечного пункта» я испытываю тоже самое, что и тогда.

И вот я снова здесь по настоянию Егора следую за рыжим официантом, который направляется к какому-то Лёхе, у которого я буду на побегушках. Никакого желания оставаться здесь, а, тем более, работать, у меня нет, но ведь Шторм меня потом сожжёт на заднем дворе, если я сбегу.

Знал ли я тогда, когда таскал коробки с ворованной техникой из грузовика на склад, что спустя несколько лет меня жизнь снова закинет в это место? Ни за что на свете не поверил бы.

Парнишка останавливается, открывает дверь и заглядывает внутрь.

— Шершень послала к тебе помощника, сказала, чтобы ты объяснил ему, что и как делать.

— Зови, — слышу низкий голос.

Рыжий отстраняется и смотрит на меня, кивая на дверь. Я ничего не отвечаю и лениво захожу в комнату, прикрывая за собой дверь. Здесь небольшое подсобное помещение, которое заставлено всяким хламом, папками с документами и прочими ненужными вещами.

Окна здесь нет, места слишком мало для того, чтобы можно было свободно дышать. За столом сидит парень лет тридцати-пяти, может быть, меньше, со светлыми волосами и выделяющейся родинкой на щеке. У него нос с горбинкой и тонкие губы, телосложение худощавое ноги длинные, вытянутые из-под стола.

Лёша смотрит на меня исподлобья, откладывая в сторону какие-то бумаги.

— Здоров, — бросает парень. — Как звать?

— Матвей, — спокойно говорю я, проходя ближе и без разрешения садясь на стул.

— Отлично. Меньше разговоров, больше дела, — блондин откидывается на спинку стула, и мне почему-то кажется, что своей фразой он меня только что затроллил. Типа я спокойный и молчаливый. — В общем, задача такая. Я буду давать тебе различные посылки, а ты будешь их относить. Документы, деньги и всё такое. Ничего сложного. Как курьер. Для начала три сотни за один заказ, потом посмотрим. Вопросы, страхи, предложения?

Я смотрю в его серые глаза и пытаюсь собраться с мыслями, но они разбегаются по всей голове из-за ноющей боли. Мне нужно на воздух, здесь слишком душно и противно.

— Три сотни за каждую посылку? — неспешно тяну я. — Идёт.

Думаю о Шторме. Наконец, он от меня отстанет. Тем более, что работа несложная, просто разносить всякую чепуху и получать за это деньги. Всё равно, что гулять по городу, а тебе за это ещё и платят.

— Отлично, — Лёша довольно улыбается. — Пару недель будешь на испытательном сроке. Даю одну посылку, ты её относишь, затем возвращаешься сюда и получаешь деньги. Если всё будет нормально, через пару недель буду давать тебе за раз больше посылок, чтобы сто раз не мотаться по городу, — он достаёт из-под стола небольшой пакет и ставит на стол. — К каждой посылке прикреплён адрес, так что не потеряй его. Возникнут проблемы, звони.

Парень кладёт на столешницу свою визитку. Я медлю, вглядываясь в пакет, и думаю о том, что же там внутри? Почему-то вспоминаю старого владельца, который заставлял меня разгружать ворованные вещи, и сомнение сковывает каждую клетку моего тела, но потом я снова вспоминаю надоедливого Егора и вздыхаю. Плевать, что там. Работы легче не придумаешь...

Беру пакет и визитку.

— Понял, — бросаю я для приличия, затем разворачиваюсь и направляюсь к двери.

Три сотни за посылку... Мне кажется, или это слишком много? Хотя, я не в курсе расценок нынешних курьеров, так что плевать. Главное, чтобы заплатили, остальное совершенно не важно. Тогда я смогу нормально покупать свои транквилизаторы и радоваться жизни. Ну, насколько это вообще возможно в моём состоянии.

Therr Maitz — My Love Is Like

Егор.

— Ну, и где этот петуш? — недовольно бурчу я, пытаюсь привлечь внимание Шершня, которая обслуживает посетителей.

Их сегодня много, и все они, по крайней мере, большая часть точно, пришли посмотреть на мой бой. Многих я вижу не в первый раз, некоторые лица мне незнакомы. В нашем заведении большой поток посетителей, кто-то приходит, кто-то уходит, так что я стараюсь особо не привыкать к постоянным клиентам. Да и как-то без разницы, какой народ приходит, главное, чтобы делали ставки, а дальше дело за мной.

В этот раз посетителей куда больше обычного, и я уже догадываюсь, кто постарался привлечь нам клиентов. Скорее всего, все они здесь только ради того, чтобы посмотреть на мой бой с племянником Арчи, который, кстати, до сих пор ещё не появился, а на часах время близится к полуночи.

— Скоро будут, — откликается Аня, проходя мимо меня со стаканов виски.

Я наблюдаю за её движениями, но совершенно не вижу их, потому что все мои мысли сейчас вертятся вокруг недавней встречи с Розиной-младшей. Я нервно постукиваю пальцами по столешнице, пытаюсь справиться с противоречивыми эмоциями, которые перекрывают всё моё сознание. Хочется выместить на ком-нибудь своё раздражение, сорваться и избить до такой степени, чтобы мне стало легче, а противник превратился в месиво из мяса и костей.

Я пытаюсь успокоиться, потому что предстоящий бой заказной, и я должен его в любом случае слить, а после этого я просто свалю из бара, найду на улице какого-нибудь нарывающегося на неприятности гопника и избью, чтобы это раздражающее дикое желание внутри меня исчезло.

Находиться за барной стойкой и ждать, когда появится мой противник, слишком утомительно. Не могу больше стоять на одном месте, у меня чешутся кулаки, и если я срочно не выйду на ринг, то наброшусь на первого попавшегося под руку беднягу.

— Только не забудь, — в сотый раз напоминает мне Аня. — На тебя поставлены большие деньги, так что постарайся не облажаться.

— Да знаю я, — раздражаюсь я. — Дай сюда.

Я выхватываю стакан с каким-то напитком из руки девушки и залпом осушаю его. Горло обжигает, и я кривлюсь, но мне становится легче. Шершень никак не комментирует мой внезапный порыв — я осматриваю толпу, веселящуюся под громкую живую музыку, и мне неожиданно становится тошно, вот только я никак не могу понять, из-за чего.

Перед глазами стоит Розина, её светлые волосы, тонкое тело и взгляд, который единственный из всего её образа никак не изменился. Я злюсь ещё больше и шикаю, пряча руки в карманах и пытаюсь перестать прокручивать в голове наш с ней разговор. Из-за этого я завожусь ещё больше, и скользкая змея медленно начинает обвивать моё горло, постепенно сжимая его своим телом. Ещё секунда, и её ядовитые зубы вонзятся в мою кожу, и яд

направится прямо к моему сердцу.

— Это они, — Шершень толкает меня в плечо, чтобы я вернулся в реальность.

Я смотрю на девушку, затем перевожу взгляд в ту сторону, куда направлен её взгляд, и вижу Арчи, медленно пробирающегося сквозь народ к барной стойке. На нём чёрный распахнутый плащ и странная шляпа, которая кажется мне до дикости нелепой. Я сдерживаю ухмылку, когда мужчина подходит к нам и вальяжно присаживается на свободный стул.

Рядом с ним останавливается парень чуть постарше меня. Он среднего телосложения, костлявый, но высокий, с рыжими волосами и веснушками на лице. У него кольцо в правом ухе, сине-зелёные глаза, и одет он в обычную футболку и спортивки. Не знаю, как хорошо он умеет драться, но если отстойно, то я его с одного удара уложу. Это проблематично, поскольку мне нужно, чтобы всё было в точности да наоборот. Меня должны отправить в нокаут в этом раунде.

Да простят меня все те, кто будет сегодня ставить на мою победу...

— Моя дорогая Шершень, — расплывается в улыбке Арчи. — Плесни-ка мне немного бренди.

Аня кривится в ухмылке и отходит от нас, чтобы достать с другого конца бара нужную ей бутылку.

— Что, Егор, готов? — обращается ко мне мужчина.

Я прожигаю взглядом своего будущего противника и криво улыбаюсь. На лице рыжего нет ни единой эмоции, и мне вдруг кажется, что у него какие-то проблемы с головой.

— Я всегда готов.

— Надеюсь, ты помнишь нашу сделку? — он облакачивается локтями о столешницу.

Я медленно перевожу взгляд на Арчи и немного прищуриваюсь.

— Конечно.

Тот расслабляется и бросает взгляд на Аню, которая как раз подходит к нам с бутылкой и наполненным бренди стаканом. Она ставит его перед посетителем и упирается рукой в бок. Сейчас она выглядит как заядлая домохозяйка, предлагающая свою стряпню своему мужу.

— Познакомьтесь, это Антон, — Арчи кивает на своего племянника.

Мы смотрим на парнишку, но тот вообще никак не реагирует. Я представлял его более мягким и податливым, когда думал о нашем спарринге. Рассчитывал, что со мной будет драться избалованный мальчишка, который предъявил своим родителям свой очередной каприз. Хочу, мол, драться на подпольных боях и победить. Хотя, признаться, какое-то странное желание на День Рождения.

— Шершень, готовь толпу, — решительно тяну я, уже представляя, как выйду на ринг и буду играть на публику, главное, не заиграться.

— Ага.

Я усмехаюсь.

— Готовься, если тебе нужно, — обращаюсь к Антону, а потом достаю под стойкой свои перчатки без пальцев и разминаю шею.

Плевать уже какой у меня противник, главное, побыстрее с ним расправиться. Не терпится уже заехать кому-нибудь по физиономии.

Больше не обращая внимания на своих заказчиков, я решительно направляюсь в сторону ринга. Толпа немного расступается, замечая меня, и, когда понимает, что скоро начнётся

представление, начинает галдеть и провожать меня приветственными возгласами. Эмоции, преследовавшие меня по пятам с момента моей встречи с Розиной, скапливаются в одной точке, изнывая от желания взорваться и разлететься по всему моему телу.

Я хватаю микрофон, который мне протягивает одна из официанток, коротко улыбаюсь ей, забираюсь на ринг и машу ди-джею, чтобы он приглушил музыку. Когда шум немного стихает и уходит на задний план, я привлекаю к себе внимание посетителей.

— Скоро начнётся мой бой, — говорю я в микрофон, и мой голос разлетается по всему помещению. — Так что поторопитесь сделать ставки. Как обычно Шершень у барной стойки, — я показываю на девушку рукой, и некоторые из гостей оборачиваются, чтобы взглянуть на неё. — Что, народ, хотите увидеть настоящий бой? — вскрикиваю я, пытаюсь завести толпу, и люди начинают улюлюкать. — Я не слышу!

Возгласы усиливаются — часть толпы направляется к Ане, чтобы сделать ставку, остальные окружают ринг, пытаюсь оказаться в первых рядах и увидеть то, как я буду надирать задницу Антону. Кстати, где он?

Я осматриваюсь и замечаю парнишку недалеко от ринга. Возвращаюсь в угол, перевешиваюсь через тросы и отдаю официантке микрофон, после чего снова иду в центр. Делаю несколько выпадов, чтобы завести толпу, снимаю футболку и, улыбаясь, бросаю её в людей. Её ловит какая-то девчонка, и визги в первых рядах только увеличиваются. Я машу кому-то рукой, немного подпрыгиваю, разминаясь, затем облакачиваюсь спиной о тросы, пристально наблюдая за тем, как мой противник поднимается на ринг и замирает на противоположной стороне.

Облизываю губы — время тянется медленно, и моё нетерпение только увеличивается, а вместе с ним и всё остальное, вплоть до злости, пронзающей мои внутренности. Я смотрю на толпу, и глупая мысль о том, что где-то в этой каше может быть Соня, решившая вернуться обратно, пугает все мои мысли. Я ищу взглядом в толпе девчонку, но лица незнакомые и расплывчатые. Всё превращается в сплошной круговорот, и я бросаю это дело. Снова смотрю на рыжего, оцениваю, сколько по нему взглядом.

Его лицо, словно камень. Он так сильно боится или же просто не от мира сего?

Когда Шершень выходит на ринг и объявляет, что спарринг начинается, я довольно улыбаюсь, отстраняясь от тросов и оказываясь в центре ринга. Визги и крики уходят на задний план — Аня спускается вниз, позволяя мне властвовать в этом месте, и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не ударить противника раньше времени.

Антон подходит ближе и останавливается напротив меня. Так, Егор. А теперь спокойно. Просто поиграй с ним и сделай так, чтобы твои удары были не такими сильными, как обычно. Я должен слить этот бой. Я должен проиграть. Я должен, иначе у меня будут проблемы.

Кто-то свистит, оповещая нас, что бой начался, и практически в этот самый момент Антон замахивается, чтобы ударить меня. Я не ожидаю такой внезапной атаки и с трудом уклоняюсь отступая. Отклоняю его второй замах рукой и пытаюсь дотянуться до лица. Несильно заезжаю ему в челюсть, почти промахиваясь.

Рыжий отшатывается и трясёт головой, затем уклоняется от моего следующего замаха, ударяет меня в голову, затем левой рукой, но в этот раз я успеваю прикрыться предплечьем.

Нужно проиграть, нужно проиграть.

Я отшатываюсь назад и натываюсь на тросы, снова смотрю в толпу, вспоминая Розину, и неприятное чувство сковывает моё горло. После встречи с ней весь мой мир перевернулся

с ног на голову. Я то злюсь, то смеюсь, то хочу придушить кого-нибудь. Поверить не могу, что какая-то девчонка смогла выбить меня из равновесия, это же бред полнейший.

Нахрена вот она вернулась?

Я замахиваюсь и ударяю Антона ногой в грудь, заставляя его наткнуться на тросы и вернуться обратно ко мне, заезжаю ему под рёбра кулаком.

Что ей нужно от меня? Сидела бы в своём Питере до конца своей жизни и не вспоминала бы о моём существовании. А тут заявила, на, Егор, встречай меня.

Меня неожиданно хватают за голову и ударяют колено в лицо. Боль пронзает моё тело, рёв толпы оглушает, и голова начинает кружиться. Я на автомате ухожу от замаха Антона, трясую головой, сплёвывая кровь, пытаюсь сфокусировать на нём взгляд.

Ещё и обвинила, что это я ей эти сраные письма шлю. Мне что, заняться нечем? Чёртова Розина! Как же бесит меня, твою мать!

Я сжимаю зубы и ударяю противника в челюсть — злость на Соню переполняет меня, и я тону в ней, словно в тягучей бочке с мёдом. Бесит, бесит, бесит...

Антон неожиданно падает на бок и больше не двигается, а я в замешательстве смотрю на его тело и не могу понять, что происходит. Он в нокауте? Да я же его совсем чуть-чуть задел, какой нахрен нокаут?!

Толпа ревёт ещё громче, и я с запозданием понимаю, что победил. Я, чёрт возьми, победил в заказном бою, в котором должен был проиграть.

Бросаю взгляд на Шершня, которая стоит возле барной стойки, и на Арчи, сидящего рядом с ней, и тоскливая мысль, остужающая мой пыл, проникает в мою голову. Мне конец. Я труп. Арчи прибьёт меня, сожрёт с потрохами, потом высрет и насыт на меня.

Твою мать...

Розина, я убью тебя. Это всё твоя вина...

Wuuha ft Ali — Закон Каменных Джунглей

Матвей.

— Посылка из «Конечного пункта», — говорю я в домофон, стоя перед подъездом, адрес которого указан на карточке, которую всучил мне Лёша вместе с пакетом.

— Десятый этаж, квартира 135, - женский голос вырывается из динамиков, после чего пиликает оповещение, что я могу войти.

Я засовываю наушник обратно в ухо и решительно открываю дверь, проникая внутрь недавно построенного дома и решительно направляясь в сторону лифта. Музыка обволакивает меня и спасает от давящей тишины — смотрю на цифры и наблюдаю за тем, как кабинка спускается с 7 на 1 этаж, а потом двери лениво разъезжаются в стороны, позволяя мне зайти внутрь.

Я нажимаю на кнопку с номером «10» и смотрю на своё отражение в небольшом зеркале, висящем на стене слева. На мне чёрная кепка и наушники в ушах, глаза карие, волосы короткие, чёрные, выгляжу я чертовски уставшим, словно не спал несколько дней подряд.

Поправляю козырёк и вздыхаю. Это первая моя посылка, которую я должен отвести по адресу, и я понятия не имею, что внутри неё. Мне как-то всё равно, я отдам пакет и вернусь обратно в бар за деньгами, вот и всё.

Широко зеваю, облачиваясь о стену лифта, и прикрываю глаза. Лениво. Ничего не хочу делать, вот бы сейчас вернуться домой и завалиться в постель. Эх. Заберу три сотки и куплю себе чего-нибудь. Вот только что?

Голова снова ноет, но не так сильно, чтобы обращать на неё внимания. Это всегда происходит, когда я долго слушаю музыку, но без неё я точно окончательно двинусь.

Лифт останавливается — я неохотно выхожу из него, сворачиваю налево, скольжу взглядом по квартирам и справа нахожу сто тридцать пятую. Рука тянется вверх, чтобы позвонить, но я не успеваю, потому что дверь открывается, заставляя меня замереть на месте.

Я встречаюсь взглядом с зелёными глазами девчонки. Она ниже меня, но явно старше лет на пять-семь. Её волосы тёмные, выше плеч, лицо бледное с идеальными бровями и верхняя губа у неё сплошная без заострений, из-за чего я сразу вспоминаю мультик «Ким пять с плюсом». Там у героини были похожие губы.

— Новенький? — читаю по губам, потому что в ушах всё ещё наушники, девушка открывает дверь шире и отступает, чтобы я смог войти внутрь.

Я не мнусь, прохожу в квартиру и прикрываю за собой дверь, ловко вынимая правый наушник и вешая его на ухо, чтобы не болтался. Протягиваю пакет девчонке, осматривая её с ног до головы. Она в домашних шортах и в майке — лямки красного лифчика плотно

стягивают плечи, и я заглядываюсь на них, на пару секунд выпадая из реальности.

— Спасибо, — девушка забирает у меня посылку и ставит на тумбочку. — Подожди, принесу деньги.

Её голос медленный, но уверенный — хозяйка немного улыбается, осматривая меня, затем разворачивается и уходит в комнату. Я осматриваюсь — здесь уютно, убрано и приятно пахнет, не то, что в моей квартире.

А ещё, кажется, хозяйка пекла недавно пирог.

Девушка возвращается ко мне, роясь в своём кошельке. Она достаёт оттуда несколько купюр и протягивает мне.

— Это за посылку, — томно тянет хозяйка, оказываясь куда ближе, чем нужно. Я забираю деньги, никак не реагируя на то, что девушка нарушает моё личное пространство. — А это, — она зажимает между указательным и средним пальцами ещё штуку и подносит к своему лицу, — если останешься и составишь мне компанию.

Я вскидываю бровь, оценивающе скользя по ней взглядом. Она симпатичная и явно не из тех, кто стесняется рядом с парнем и строит из себя невинную овечку.

— Мне в бар нужно, — тяну я, намекая, что меня можно попробовать уговорить остаться.

Брюнетка встаёт на носочки, чтобы оказаться ближе к моему лицу и выдыхает практически в мои губы.

— У меня есть пиво, — её губы почти касаются моих. — И травка...

Мурашки скользят по моему загривку, и я усмехаюсь.

— Ладно, — соглашаюсь я.

Она улыбается так, словно получила самый долгожданный подарок, и осторожно засовывает обещанные деньги мне в карман джинс. Девушка судорожно выдыхает, томно прикрывая глаза, и еле заметно касается кончиком языка моих губ. Затем резко отстраняется.

— Меня зовут Надя, — безмятежно бросает девушка, хватая пакет, который я ей принёс.

Она останавливается в дверях и прислоняется к косяку, вскидывая бровь, словно намекая, чтобы я тоже представился.

— Матвей.

Стаскиваю кроссовки, неровно оставляя их возле пуфика, затем медленно подхожу к Наде, лениво вытаскивая второй наушник и накручивая провода на пальцы, чтобы они не спутались в кармане.

— Туда, — она хватается за плечо, когда я оказываюсь практически вплотную к ней, и разворачивает меня в сторону комнаты. — Располагайся. Я принесу пиво.

Я ничего не отвечаю и прохожу дальше, осматриваясь по сторонам. Здесь диванчик и большая плазма на стеклянном столике. Шкаф с книгами, комод, какие-то цветы и велотренажёр в углу. Я сразу вспоминаю квартиру Шторма, у него там тоже вечно всякие гири и тренажёры, что раньше было у родителей, что сейчас.

Удачно я зашёл. Халявное пиво, ещё и заплатили за то, что я останусь. Интересно, все клиенты Лёши такие или просто сегодня мой день?

Я сажусь на диван и облегчённо вздыхаю. Телевизор находится напротив меня, он выключен, и я вижу своё одинокое отражение. Мне почему-то становится неловко, и едкое желание уйти отсюда въедается в мою голову, но потом в комнату возвращается Надя, бросает на диван пару банок пива, какие-то крекеры и садится рядом со мной, протягивая

мне самокрутку с такой невинной улыбкой, словно это просто конфета.

Я забираю самодельную сигарету и усмехаюсь — девушка ставит между нами пепельницу, после чего щёлкает зажигалкой и затягивается. Едкий запах травки расплзается по комнате — я зажимаю самокрутку между губами и собираюсь забрать у хозяйки спасительный огонь, но Надя сама приближается ко мне и щёлкает перед моим носом зажигалкой. Я затягиваюсь, расслабляясь.

Если бы Егор узнал, что я балуюсь травкой вместе с незнакомой девчонкой, он бы меня убил. Парень весьма категорично относится к подобным вещам. Мне как-то всё равно. Моя жизнь и так идёт под откос, я сижу на транквилизаторах, куда уж хуже? Тем более из-за травки голова настолько затуманивается, что я даже не чувствую боли. Зато потом...

Мы молчим, но мне настолько уютно рядом с Надей, что вряд ли нам вообще хоть какие-то слова нужны. Дым расплзается по комнате — я откидываюсь на спинку дивана и расслабляюсь. Так хорошо, что не хочется даже думать.

Девушка уверенно открывает банку с пивом, и протяжное «пссс» ещё несколько секунд эхом отдаётся у меня в сознании, а потом протягивает мне. Я лениво забираю «угощение» и делаю глоток, пока сбрасываю пепел.

— Хорошая травка, — медленно тянет Надя, откидываясь назад.

— Ага, — безразлично бросаю я.

Слабость в теле увеличивается, и безразличие накрывает меня плотной пеленой. Ничего не хочу, на всё плевать. Кажется, меня ждёт Лёша в баре? Да пофиг. Подождёт ещё. Перед глазами всё начинает плыть, и я сильнее сжимаю банку в руке, скорее для того, чтобы удержаться хоть за что-нибудь, нежели опасаясь, что я пролью содержимое на себя и на диван.

Цвета начинают меняться, комната расплывается, моё тело такое податливое и расслабленное, что уже плевать, что со мной будет. Да, действительно хорошая травка.

— Матвей...

Моё имя эхом вибрирует у меня в голове. Я затягиваюсь в последний раз и нелепо тушу окурок, шумно выдыхая. Пытаюсь сделать глоток пива, но промахиваюсь, и холодный напиток обливает мою грудь.

— Матвей...

Надя словно упрекает меня в моей неряшливости, но мне трудно сосредоточиться на её голосе и на ней самой. Я смотрю на девушку, но всё плывёт. У меня забирают банку с пивом, затем стаскивают с меня футболку — я не сопротивляюсь.

Я закрываю глаза и откидываюсь на спинку дивана — чьи-то руки скользят по моей груди, упираются в ноги. Я пытаюсь собраться с силами и заставить комнату прекратить расплываться, но, когда у меня это с трудом получается, мои джинсы уже оказываются расстёгнутыми, а проворный язык и цепкие пальцы скользят по моему члену.

Я с запозданием понимаю, что мне делают минет, но тело такое расслабленное и тяжёлое, что мне вообще не хочется ничего делать и ни о чём думать. Егор точно меня прибьёт, когда узнает. Так и вижу, как он отчитывает меня за подобное поведение, пытаюсь вразумить. Снова начнёт про работу втирать и про врача, у которого я так и не был.

«Ты умираешь».

Вспоминаю последнюю карточку, которую прислал мне аноним. Я умираю? Да ладно. А я то не знал... Я умер в тот момент, когда меня вырубил мотировкой на выпускном, а дальше всё просто сплошная галлюцинация, которая никак не хочет заканчиваться.

Я слышал, что перед смертью в самый последний момент у человека могут быть дикие глюки длиной в целую жизнь. Может быть, всё, что происходит со мной сейчас, — это просто моё воображение?

Я открываю глаза как раз в тот момент, когда проворный язык в последний раз скользит по моему члену, заставляя меня судорожно выдохнуть. Надя отстраняется и забирается ко мне на колени, седлая меня и начиная двигаться. Её пальцы зарываются в мои волосы, а губы скользят по шее, оставляя смачный засос.

Скажу честно, трахаться под действием травки — это настоящий отстой. Ощущения притупляются, мысли пугаются, а лень и слабость настолько сильно одолевают тебя, что хочется скулить.

Травка травкой, секс сексом. Смешивать их, это всё равно что сделать коктейль из водки, текилы, коньяка, виски, пива и ещё какой-нибудь хрени. Будешь умолять, чтобы тебя пристрелили.

Надя стонет — я скольжу рукой по её талии, поднимая вверх майку, и сжимаю тело пальцами. Мне вообще ничего не приходится делать, всё уходит в руки хозяйки, которая, кстати, заплатила мне за вечер. Эта сучка купила меня... Хотя, мне ли жаловаться. Я вообще ничего не чувствую и сомневаюсь, что моё тело работает нормально, но травка всё ещё действует, а на остальное мне плевать. Пусть Надя делает всё, что пожелает, если ей так хочется...

Sunday Girl — Where Is My Mind?

Соня.

Я сижу на металлическом заборчике, высотой в половину человеческого роста, который огораживает стоянку перед общагой и само здание, чтобы некоторые умные личности не соизволили пройтись прямо по цветам и срезать путь. Байк припаркован прямо передо мной — я вглядываюсь в смачную царапину, которая осталась после того, как я задела одну из машин в паре кварталов отсюда, и думаю, что сегодня определённо не мой день.

Нервно сжимая в руке сигарету, я думаю о разговоре со Штормовым, которого случайно (или же нет) встретила в баре. Его лицо, глаза, нахальная улыбка, издевающаяся лишь над одним моим существованием, сраный ринг и показушное выступление — всё это раздражает до такой степени, что я готова взвыть от бессилия.

И ещё этот аноним. Я была так сильно уверена в том, что это именно Егор присылает мне письма, но... В его нынешнем состоянии это просто бессмысленно. К тому же он признался, что ему тоже кто-то шлёт таинственные послания, но парень их даже не открывает. Да кто же тогда этот придурок?

— Чёрт, — вырывается у меня.

Я раздражённо выбрасываю недокуренную сигарету и закрываю лицо ладонями. Егор теперь может ходить, и он снова на ринге. У него всё прекрасно, и я рада за него. Честно. Но долька неприятной обиды покрывает меня изнутри плотной плёнкой, и дикое раздражение зарождается в глубине моего сердца.

Даже если у него всё хорошо, он не имеет права со мной так обращаться. Он сам оттолкнул меня, а теперь винит, что я сбежала. Да любая девушка бросила бы его после таких слов. Егор ранил мои чувства, а теперь хочет, чтобы меня совесть замучила. Чёрта с два!

Я шикаю и достаю из кармана пачку с сигаретами, чтобы выкурить ещё одну палочку и продолжить надеяться, что никотин сможет успокоить меня. Последняя. Цокаю языком, зажимаю между губами фильтр, сминаю пустую пачку пальцами и бросаю в сторону урны, но мой «мяч» не долетает до неё, ударяется в бок и падает рядом. Я так зла, что даже не обращаю на это никакого внимания.

Щёлкаю зажигалкой, но предательский огонь не собирается помогать мне. Снова щёлкаю. Третий раз. Четвёртый.

— Да что ж такое! — злюсь я, прикрывая глаза и глубоко вздыхая, чтобы успокоиться.

— Проблемы? — голос вырывает меня из мыслей и заставляет обернуться.

Незнакомый парень останавливается рядом со мной, достаёт из кармана зажигалку и бросает мне. Я в последнюю секунду успеваю поймать её правой рукой. Недолго вглядываюсь в нарушителя моего спокойствия, затем прикуриваю и затягиваюсь.

— Спасибо, — возвращаю зажигалку обратно.

— Оставь себе, — бросает он, пряча руки в карманах армейских штанов.

Я пожимаю плечом, мол, как хочешь. Осматриваю моего спасителя, останавливая взгляд на оливковых туго зашнурованных берцах, затем возвращаю к медным слегка отросшим волосам. Они не рыжие и не коричневые, что-то среднее. Цвет глаз тоже непонятный. Карий в зелёную крапинку. Или наоборот. В ушах круглые гвоздики, на шее армейские жетоны. Футболка белая, обтягивающая, без рисунков.

— Военный что ли? — скептически фыркаю я.

Парень усмехается, облакачиваясь о заборчик.

— Ну, типа того. В страйкбол играю. Как раз жду друзей, должны заехать за мной на тренировку.

Я ещё раз осматриваю его с ног до головы, только сейчас замечая рюкзак у его ног и гитару в чехле. Парень замечает мой взгляд и говорит:

— Там привод. Просто не очень как-то по городу таскаться с калашом, людей пугать, — поясняет он. — А чехла для оружия у меня нет. Меня, кстати, Андрей зовут.

— Соня, — затягиваюсь, продолжая прожигать взглядом его вещи. — Это типа пейнтбола? Или что? Я не особо разбираюсь.

Андрей фыркает и чешет подбородок, откидывая голову назад и смотря на облака. Несколько секунд он молчит, наверное, обдумывая, как бы попроще объяснить мне суть его увлечения, а я терпеливо жду.

— Ну, почти. Там тоже странные дяденьки и тётеньки бегают по лесу и убивают друг друга, только в страйкболе не краска, а специальные оружия. Стреляют пульками, плюс заряжать аккумуляторы надо, чтобы всё работало. Ну, это так. Если попроще объяснить.

— М, — делаю вид, что всё поняла. Снова затягиваюсь. — Прикольно.

Мы ненадолго замолкаем. Где-то сигналит чья-то машина, и громкие мужские голоса нарушают наше спокойствие. Слов не слышно, но сразу понятно, что кто-то ругается. Чуть левее от нас кто-то выливают воду, судя по звуку, из окна второго или третьего этажа из кружки, может, из графина, и я мысленно радуюсь, что сижу на достаточном расстоянии, чтобы на меня не попали брызги.

— Твой? — Андрей кивает на байк.

Я печально скольжу взглядом по царапине.

— Ага. Неудачный день сегодня, — сквозь зубы тяну я, снова вспоминая Егора и его выкрутасы в баре. Чёрт бы его побрал, злобный придурок.

— Ты же с общаги, да? — парень смотрит в сторону на машину, которая едет в нашу сторону. Отстраняется от заборчика и немного улыбается, когда я киваю. — Я с четвёртого этажа, всё лето здесь проторчу. Если будет нужна помощь, заглядывай.

Я не понимаю, о чём говорит Андрей. О моём мотоцикле или о чём-то другом?

— Ага.

Смотрю в сторону остановившейся рядом с нами машины, на передних сидениях которой сидят двое парней в военной форме. Водитель — брюнет с карими глазами. Пассажира плохо видно, но, кажется, у него тоже тёмные волосы.

— Йоу, Таран! — водитель безмятежно расплывается в улыбке — локоть левой руки высовывается из открытого окна. — Давай быстрее, сучка. Сегодня ты сзади. Остальные уже выехали, нужно догнать их.

Я вглядываюсь в парня, который почему-то кажется мне дико знакомым. Где-то я его уже видела...

— А кто виноват в этом? — Андрей хватает свой рюкзак, затем привод в чехле от гитары. — Раньше надо было приезжать. Открой багажник.

Рыжий подходит к машине, открывает багажник и утрамбовывает туда все свои вещи. Я замечаю пулемёт на верхней части заднего сидения.

— Ну, бля, сорян! — водитель смотрит на меня, и я встречаюсь с ним взглядом. Чёрт возьми, я точно его где-то видела!

Третий парень коротко смеётся и что-то говорит, но я пропускаю это мимо ушей.

— Слышь, пидор, — Андрей улыбается, захлопывая багажник. — Ты со словами полегче!

Перед тем, как забраться на заднее сидение, рыжий оборачивается ко мне и поднимает руку, прощаясь.

— Увидимся!

Я киваю, снова затягиваясь. Провожая взглядом быстро уезжающую машину, которая со свистом шин разворачивается и выезжает со стоянки. Нет, ну я точно где-то видела этого водителя... Никак не могу вспомнить, где именно...

Я вздыхаю и спрыгиваю с забора, лениво направляясь в сторону кампуса. По дороге выбрасываю окурок в урну, затем поднимаю свою пачку, которая так и не долетала до цели, и тоже отправляю её в мусорку.

Ладно, хватит сидеть здесь и причитать о несправедливости своей жизни. Вон, люди воевать уехали, а я загниваю здесь, словно стухший кусок пиццы. Точняк, пицца. Закажу себе в общагу и вдоволь наемся. У меня где-то остались деньги... Как раз хватит полакомиться...

Обернувшись, чтобы ещё раз посмотреть на свой байк, я вздыхаю и качаю головой. Чёрт, надеюсь, что меня не будут искать за эту небольшую аварию, я ведь слилась с места преступления и даже не стала договариваться ни о чём с владельцем авто. Хотя, о чём я могу с ним договориться? У меня нет денег, чтобы оплачивать починку. Нужно найти подработку, иначе мои запасы закончатся, и мне будет очень-очень грустно.

Подумаю об этом потом, сейчас меня ждёт пицца!

Если нравится, не забываем оставлять пару строк в комменты)) Буду рада новым идеям и предположениям, а так же комментрированию ситуаций у ребят (где-то что-то доделать или дописать), буду только рада)))

Papa Roach — Not That Beautiful

Маша.

— Миша поехал за Даником с Тараном, — бросаю я, запихивая своё снаряжение в багажник машины Стаса. — Так что заберём Панду и сразу на полигон. Чёрт, вот и надо было же тебе час торчать в магазине! Кузнец по любому уже на месте.

— Ну, извини! — смеётся друг. — Мы всё равно отрабатываем стратегию ночью, чтобы на Сталкер ехать. Тем более, что темнеет сейчас поздно.

Я захопываю багажник и поспешно огибаю авто, забираясь на переднее сидение. Не пристёгиваюсь, вытягиваю ноги и открываю окно, потому что в салоне дико жарко. Особенно в берцах и в военных штанах, иногда я думаю, что проще будет перейти на кроссовки, но бегать в них по лесу чертовски неудобно.

— Да это бред, на самом деле. Кто вообще был инициатором? Мы пока приедем, пока снарягу разберём, уже темно будет. Там хрен увидишь что, — бурчу я. — Лучше бы с утра, как все нормальные люди.

— Было решено общим голосованием, — Стас рывком газует, выезжая на дорогу. — Кстати, а что с остальными?

— Ну, — я вздыхаю. — Сэм и Мираж на маршрутках, остальные не поедут. Нас восемь должно быть. Клевер работает, другие не отписывались. Не знаю.

Стас открывает окно, и ветер ещё сильнее врывается в салон, начиная теревить мои волосы. Я немного прищуриваюсь, краем глаза замечая, как мой товарищ по команде надевает солнцезащитные очки.

— Да они запарили, — бормочет Дятел. — У нас игра скоро во Ржеве. Будут сливаться с тренировок, поедем без них.

Я ничего не отвечаю. Ну, по сути, он прав. Хотя у всех свои заботы и проблемы, страйкбол — это ведь просто увлечение. Никаких доходов не приносит, одни растраты. Одно снаряжение только сколько стоит!

Я облокачиваюсь локтём на открытое окно и подпираю рукой голову, наслаждаясь порывом ветра и вспоминая, как когда-то давно Миша впервые взял меня на свои тренировки. Тогда он хотел свести меня с приятелем, который перешёл к ним из другой команды. Позвонил и спросил «не хочешь познакомиться с одним мальчиком?». Это было примерно через полгода после того, как произошёл случай с Егором и с Соней.

Я согласилась. Сошлась с Артёмом, мы начали встречаться. Где-то два года всё шло прекрасно, любовь-морковь и все дела. Он затащил меня в страйкбол, научил всему, что знал сам. Я вступила к ним в команду и всё было просто супер, пока Тёма не начал ревновать меня к Мише. Он знал, что мы с ним раньше были не просто друзьями, и начал думать, что я ему изменяю. Хотя я не давала никаких поводов, а с Кузнецом мы общались чисто подругески, как товарищи по команде и старые приятели. В итоге вечные скандалы и упрёки,

что я снова сплю с Мишей, меня доканали, я психанула и порвала с Артёмом. И как-то так получилось, что я снова сошлась с Кузнецом, который потом предложил мне встречаться. И вот мы уже больше года живём вместе.

А Тёма обиделся на нас и ушёл из команды. Вот так мы с Кузнецовым и сошлись второй раз.

Телефон в кармане вибрирует, и я неохотно достаю его. Номер незнакомый. Интересно, кто это?

— Алло.

— Мария Розина? — раздаётся из трубки мужской голос.

— Эм-м... Да, — осторожно бормочу я.

Стас косится в мою сторону, но не сбавляет скорости.

— Это Лейтенант Пагрин, отделение полиции...

Я ужасаюсь, начиная вспоминать все свои грехи, которые преследовали меня в прошлом, и искать подходящий из них, который объяснял бы ситуацию, почему мне звонят из прокуратуры. Надеюсь, это не из-за Миши, мало ли во что он ввязался, пока ехал на полигон. Может, кто-то увидел у него пулемёт и позвонил, мол, террористы? Господи, пусть это не из-за него, не хочу краснеть перед копами. Меня и так в военкомате стебут, что я бегаю с игрушечным оружием и строю из себя военную.

— Сегодня задержали вашу сестру, Софью Розину. Она скрылась с места ДТП, плюс оказала сопротивление при аресте, — спокойно говорит мужчина.

Что? Соня в городе? Да ну нафиг. Она же была у тётки в Питере, какого чёрта она делает здесь? Я даже не знаю, радоваться или нет, что это не Кузнецов вляпался в неприятности.

— Серьёзно? — только и могу вымолвить я.

— Да, — лейтенант Пагрин говорит так, словно зачитывает текст с бумаги. — Если вы не оплатите штраф, мы её задержим на пятнадцать суток за сопротивление. У неё нет денег, а Ваши родители за городом и в данный момент не могут приехать.

Я шумно вздыхаю. Вот же напасть, и как раз в тот момент, когда я ехала на тренировку. Ну, не везёт, так не везёт. Ещё и штраф за неё оплачивать... Я вздыхаю и прикрываю глаза.

— Ладно, я приеду, — сдаюсь я. — Скоро буду.

Я сбрасываю вызов и откидываюсь на спинку сидения, закрывая лицо руками и скуля что-то невнятное. Соня в городе. Я с ней не общалась три года с того самого случая. Последнее, что она сказала мне, «я ненавижу тебя». И почему меня вообще волнует сестра? Пусть бы сидела свои пятнадцать суток в изоляторе, может быть, в следующий раз не стала бы хулиганить.

— Довези меня до отделения, — прошу я.

— Случилось что? — Стасу приходится развернуть машину, чтобы выполнить мою просьбу.

Я качаю головой, прикусывая губу. Смотрю на дорогу, потирая пальцами переносицу.

— Сестру повязали, — бурчу я. — Надо штраф оплатить, или запрут на две недели.

Парень присвистывает.

— Не знал, что у тебя есть сестра...

— Ага, — бормочу я. — Я с ней не общаюсь. Чёрт, какого хрена она вернулась в город? — замолкаю, обдумывая, как поступить с тренировками, но на ум ничего путного не приходит.

Когда машина останавливается возле участка, я хватаю сумочку и решительно выбираюсь на улицу. Надеюсь, моих денег хватит для штрафа. Обхожу авто и останавливаюсь возле водителя, который немного высовывается из окна.

— Езжай пока за Пандой. Набери меня, когда заберёшь её. Я не знаю, сколько там проторчу, — смотрю в сторону здания на полицейских, которые в этот момент выходят на улицу. — Если задержусь, езжайте без меня. Пусть потом Миша мою снарягу заберёт.

— Ага.

Дружески стучаюсь с парнем кулаками и решительно направляюсь в сторону участка. Я, наверное, забавно выгляжу: вся в военном, словно солдат. Если они узнают, что я стреляю только из игрушечного оружия, то будут насмехаться, хотя, мне как-то всё равно. Слышу позади, как машина Стаса уезжает, взбегаю по ступеням и оказываюсь внутри.

Здесь холодно и неприятно. Пусть я и работаю в военкомате, но полицейские участки не особо люблю. Особенно после того, как меня затаскали по судам и допросам в прошлый раз. У меня с этим местом связаны плохие воспоминания.

Подхожу к парнишке, который сидит у входа за стеклом и с ходу говорю, не дожидаясь, пока на меня обратят внимания.

— Мне звонил лейтенант Пагрин. Я за сестрой, Соней Розиной.

— Документы.

Парень смотрит на меня исподлобья. Я поджимаю губы и открываю сумочку, нетерпеливо доставая паспорт и протягивая его в окошко. Сотрудник забирает вещь и возвращается к компьютеру, его пальцы быстро скользят по клавиатуре, а взгляд метается между монитором и паспортными данными. Я терпеливо жду, пока он закончит вбивать в базу информацию обо мне.

Я нервничаю из-за того, что могу не успеть на тренировку или же из-за предстоящей встречи с сестрой? Не видела её три года, она, скорее всего, чертовски изменилась...

— Этот штраф оплатите в банке, — я вздыхаю, радуясь, что не придётся прямо сейчас с этим разбираться. — В течение недели, — он протягивает мне квитанцию и паспорт. — Сестру можете забрать из кабинета Лейтенанта. По коридору третья дверь справа.

Я хватаю бумаги и прячу в сумочку. Быстро же. Думала, что будут возиться как минимум час...

— Спасибо, — бросаю я, направляясь в сторону нужного мне места.

Первая дверь. Вторая. Третья.

Замираю перед кабинетом, прикусывая губу и пытаюсь успокоить своё сердце. Соня там. Какая она. Будет ли она рада меня видеть? Хотя вряд ли. Учтывая всё, что было между нами в прошлом... Думаю о Егоре, которого видела где-то год-полтора назад. У него тогда всё налаживалось...

Я вздыхаю, пару раз стучу костяшками пальцев по поверхности и открываю дверь.

Комнатка здесь небольшая, больше похожая на коморку. Стол у окна, шкафы по бокам с разными книгами и папками, диванчик справа и прочая мелочь. Полицейский пиджак висит на вешалке у двери, сам лейтенант сидит за столом лицом ко мне и что-то пишет, перед ним сидит в свободной позе блондинка. Её ноги вытянуты, спина расслаблена. Она не оборачивается, когда я захожу, поэтому увидеть её лицо невозможно.

— Я за сестрой, — говорю я, решительно проходя к столу и останавливаясь слева от задержанной.

Я не смотрю на неё, а она не поворачивается ко мне. Мы усердно делаем вид, что

незнакомы.

— Мария?

— Ага, — упираюсь рукой в бок. — Уже забрала квитанцию, оплачу позже.

Пагрин смотрит на меня исподлобья, затем возвращается к бумагам. Ему на вид лет тридцать, волосы тёмные, под мышками на рубашке круги от пота. Здесь куда теплее, чем в коридоре, форточка открыта, работает вентилятор, из-за которого волосы Пагриня шевелятся.

— Ваша сестра, — если бы не манера речи, этот парень даже мог бы сойтись за симпатичного, но его голос грубый и монотонный, сильно режет по ушам, — Софья Розина, пару часов назад зацепила на своём мотоцикле машину и скрылась с места аварии. Водитель позвонил в полицию и сообщил об этом. Нашли мы её совершенно случайно, но при попытке задержать, девушка оказала сопротивление и пыталась скрыться.

Соня шикает, показывая, что ей не нравится это место и то, о чём мы сейчас говорим. Я сдерживаюсь, чтобы не взглянуть на неё, и мне удаётся это с диким трудом.

— К счастью, повреждения на машине несерьёзные, просто царапины, и потерпевший забрал заявление по личным причинам, — Пагрин, наконец, прекращает записывать, закрывает бумаги и смотрит на меня, сцепив перед собой пальцы рук. — Но факт того, что она скрылась с места аварии и плюс оказала сопротивление при задержании всё усугубляет. Я уже составил протокол, отправлю его позже на рассмотрение в суд. Временное разрешение на управление мотоциклом я уже выдал. Если бы Соня не уехала с места аварии, скорее всего, отделалась бы просто штрафом, а в этом случае, её могут лишить прав на 1,5 года. В любом случае, нужно дождаться результатов.

— Ясно, — киваю я. — Какое было сопротивление? Что-то серьёзное?

Пагрин качает головой.

— Убегала. Ничего серьёзного. Оплатите штраф и всё, — заверяет меня он. — Как только будут результаты, я свяжусь либо с Соней или с Вами, как с доверенным лицом. На рассмотрение протокола уйдёт около двух месяцев.

Я киваю.

— Ладно. Это всё?

Он осматривает меня с ног до головы, и я вижу в его глазах заинтересованность, мол, почему я в военной форме, но лейтенант ничего не говорит по этому поводу.

— Да, можете идти.

— Спасибо, — я первая разворачиваюсь и направляюсь к выходу, доставая из кармана сотовый и набирая Стаса. Отлично. Я ещё успею на тренировку. Миша, наверное, уже раз сто успел снарягу разобрать. Дятел отвечает после второго гудка. — Я всё, Стас. Заберёшь меня?

— Я уже возле участка, — говорит парень. — Только подъехали.

— Отлично.

Сбрасываю вызов и прячу телефон в карман. Слышу позади шаги и еле сдерживаю желание обернуться. Соня ничего не говорит и даже не пытается хоть как-то привлечь моё внимание. Нервозность охватывает меня до кончиков пальцев — я вырываюсь на улицы, рывком распахивая двери, сбегая с крыльца и резко разворачиваюсь, впиваясь недовольным взглядом в сестру.

Она сильно изменилась. Похудела, покрасила волосы, стала более женственной, чем раньше. Её фигура тонкая, высокая, узкие джинсы обтягивают ноги, волосы высветлены до безобразия, лишь глаза всё такого же цвета. Если бы я увидела Соню на улице, ни за что бы

не узнала.

— Могла бы и не приезжать, — бросает девушка, медленно спускаясь со ступеней. — Я не просила.

— Могла бы и спасибо сказать. Штраф-то мне оплачивать, — хмурюсь я.

Девушка поджимает губы, останавливаясь рядом со мной. Несколько секунд она молчит.

— Спасибо, — без эмоций тянет Соня. — В ноги кланяюсь, как я тебе благодарна.

Внутри меня что-то сжимается, и тягучая мысль о том, что сестра намекает мне про тот давний случай, в котором пострадал Егор, впивается в мои мозги. Меня охватывает обида и чувство вины.

— В следующий раз можешь на меня не рассчитывать, — серьёзно говорю я. — Не знаю, зачем ты вернулась, но лучше бы оставалась в Питере. Там хотя бы от тебя проблем не было.

Я разворачиваюсь и быстро направляюсь к припаркованной машине Стаса. Забираюсь на заднее сидение, потому что переднее занято Пандой, и хлопаю дверь.

— Поехали.

Смотрю на Соню, которая прячет руки в карманах и провожает меня взглядом, и прикрываю глаза. Наверное, я слишком грубо с ней обошлась... Надо было помягче. Но... Чёрт возьми, всё уже не так, как в детстве. Всё давно уже не так.

Рем Дигга — На Юг

Соня.

Я сижу в кабинете Лейтенанта Пагрин и скучающе киваю каждый раз, когда мужчина говорит какой-нибудь факт из того, что произошло недавно в общежитии. Вот, чёрт дёрнул меня побежать от копов... Вышла, называется, Розина за пиццей, а наткнулась на полицейских. Испугалась и рванула от них, как ошпаренная, а меня загнали в тупик и схватили, а теперь ещё штраф предъявляют и грозятся права на полтора года отобрать. Замечательно! А кто виноват во всём? Конечно же Егор Штормов. После встречи с ним всё наперекосяк.

Да и денег у меня нет, чтобы оплачивать нарушение, а пятнадцать суток торчать в изоляторе мне как-то совсем не хочется. Блин... Это же просто царапина, вот нахрена этот идиот копов вызвал? Знала бы, что за оставление места аварии грозит наказание, осталась бы лучше там и выслушала бы обвинения водителя. Виновато покачала бы головой и договорилась как-нибудь, чтобы можно было обойтись без полиции. А теперь...

А что теперь? Чёрт его знает. Похоже, придётся всё-таки просить родителей о помощи. А так не хочется...

— Значит, так, — безжизненно бормочет Пагрин. Такое чувство, что его эмоциональный диапазон как у растения, если не меньше. Он так разговаривает, как будто весь мир — тлен, а он самый депрессивный человек на свете. И голос у него противный. Б-р-р. — Штраф оплатите, и можете идти. Прочитайте и подпишите этот протокол. Я его отправлю на рассмотрение в суд. Потом свяжусь с Вами...

Да, да, да... Чувствую себя на скучной лекции в универе, где препод настолько ненавидит своих студентов, что сводит с ума одним лишь своим видом. Хочется взвыть и поскорее выбраться из этого кабинета, а то мой взгляд так и прожигает потные под мышки лейтенанта. Тошно так... Ещё и потом здесь воняет. А-а-а-а... Доставка уже, наверное, давно привёз мою пиццу. Интересно, куда её денут, если я не заплачу?

— У меня нет денег, — брезгливо тяну я.

Пагрин поднимает взгляд и смотрит на меня так, словно я самый заядлый лгун в этом мире. Ну, нет у меня денег! Заначка, которую дала мне тётка, уже заканчивается, а работу я так и не нашла. Если потрачу остатки на штраф, умру с голоду.

— Тогда свяжитесь с родственниками или с друзьями, — предлагает мужчина.

Я морщусь ещё сильнее.

— Нет у меня здесь друзей, я совсем недавно в городе, — пожимаю плечом. — А с родителями я уже сто лет как не общалась. Они вряд ли будут за меня штраф оплачивать...

Мужчина вздыхает и лениво протягивает мне руку — я непонимающе скидываю бровь.

— Номер родителей давайте, — терпеливо ждёт лейтенант. — Я сам позвоню.

Поджимаю губы и неохотно достаю из кармана сотовый. Нахожу в списке контактов

номер мамы и протягиваю телефон Пагрину. Тот берёт его своими потными горячими пальцами (откуда я знаю, что потными и горячими? Потому что мужчина случайно прикасается ко мне, когда забирает предмет), и я одёргиваю руку, откидываясь на спинку стула. Внимательно наблюдаю за тем, как лейтенант набирает номер и звонит.

Вздыхаю и на секунду прикрываю глаза: здесь душно и неприятно, а вентилятор направлен только на лейтенанта и совершенно не направляет в мою сторону никакого спасительного ветерка. Наверное, так специально сделали, чтобы помучить задержанных. Настоящий садизм...

— Добрый вечер, это лейтенант Пагрин, — слишком громко и неестественно говорит мужчина, и я морщусь. — Ваша дочь, Софья Розина, находится в отделении полиции за то, что она покинула место аварии. Не могли бы Вы приехать сюда и забрать её? Плюс ей выписан штраф за сопротивление при задержании, — он замолкает. — Нет, ничего серьёзного, просто царапины. Нет. Да. Конечно. Конечно. Спасибо.

Он кладёт трубку и несколько секунд медлит.

— Ваши родители за городом, приехать не могут. Ваша мама сказала, что можно позвонить сестре, — я мысленно стону из-за его монотонного голоса. Господи, какой он скрипучий и противный...

— Я с ней не общаюсь, — бурчу я, скреживая на груди руки. — Но можете позвонить. Мария Розина, номер в списке.

Пагрин секунду смотрит на меня, затем опускает взгляд на экран моего сотового и листает список. Находит контакт, набирает номер на своём телефоне и откидывается на спинку стула. Я пристально смотрю на него, и моё сердце начинает медленно, но громко бухать в грудной клетке. Вот этот момент, которого я избегала три года. Вот он...

— Мария Розина? — снова громко гаркает мужчина. — Это Лейтенант Пагрин, отделение полиции... Сегодня задержали вашу сестру, Софью Розину. Она скрылась с места ДТП, плюс оказала сопротивление при аресте, — несколько секунд он молчит. — Да. Если Вы не оплатите штраф, мы её задержим на пятнадцать суток за сопротивление. У неё нет денег, а Ваши родители за городом и в данный момент не могут приехать.

Приедет ли она? Интересно, как отнесётся к тому, что я в городе? Я хотела оттянуть момент нашей встречи настолько, насколько это вообще возможно, а эта авария всё испортила. Наверное, Маша даже не захочет слушать, ей нет до меня дела, как и мне до неё. Я... Я сказала, что ненавижу её. Она имеет право обижаться. И я тоже. Нечего было помогать этим придуркам тогда. Она же взрослая, должна была знать, насколько это опасно. И Егор...

Да пошёл он. П-ф-ф-ф...

Пагрин кладёт трубку и несколько секунд смотрит в пространство, словно чем-то ошарашенный.

— Странно, — бормочет мужчина. — Ладно. Сказала, что приедет. Вот, — он протягивает мне сотовый, и я забираю телефон, стараясь избежать противных прикосновений к полицейскому. — И вот, — он протягивает мне бумагу. — Подпишите.

Я забираю протокол и быстро скольжу по нему взглядом. Да, всё правильно. Я задела машину, скрылась с места преступления, а когда мой мотоцикл нашли, а следом и меня, я решила сбежать от полицейских. Беру ручку и пишу «согласна» и подпись. Возвращаю бумагу обратно. Ну, всё. Осталось только дожидаться, когда приедет моя сестра, а потом я могу уйти из этого противного места.

— А мой мотоцикл? — спрашиваю я. — Временные права Вы мне выдали, где байк?

— Его не трогали, он остался на стоянке возле общежития, — монотонно тянет Пагрин.

Отлично. Мне ещё и пешком обратно идти... Замечательно! Вытягиваю ноги откидываюсь на спинку стула ещё больше, немного сползая. Маша... Какая она сейчас? Последний раз, когда я с ней разговаривала, она стояла зарёванная в больнице и пыталась попросить прощение за то, что помогла Егору и Матвею. После этого я с ней больше не заговаривала, даже когда пересекалась с ней дома.

Тоскливые воспоминания охватывают меня, и я погружаюсь в них до тех пор, пока дверь позади меня не открывается и не заставляет вздрогнуть. Я замираю, боясь пошевелиться. Это она? Или же кто-то из сотрудников? Как мне реагировать на её присутствие? Как я должна смотреть на неё? Как удержать всю обиду и боль, которая связана с ней и с моим прошлым?

— Я за сестрой, — решительный голос и уверенные шаги разрывают меня на части.

Я не оборачиваюсь, но вижу краем глаза фигуру девушки. Кошусь на её ноги, замечая военные штаны и берцы. Это точно Маша? Она никогда так не одевалась. Да и голос у неё более властный и уверенный, нежели раньше.

— Мария?

— Ага. Уже забрала квитанцию, оплачу позже.

Пагрин смотрит на неё исподлобья, затем возвращается к бумагам.

— Ваша сестра, — снова тянет парень своим тошным голосом, — Софья Розина, пару часов назад зацепила на своём мотоцикле машину и скрылась с места аварии. Водитель позвонил в полицию и сообщил об этом. Нашли мы её совершенно случайно, но при попытке задержать, девушка оказала сопротивление и пыталась скрыться.

Я шикаю, и брезгливо морщусь.

— К счастью, повреждения на машине несерьёзные, просто царапины, и потерпевший забрал заявление по личным причинам, — Пагрин, наконец, прекращает записывать, откладывает бумаги и смотрит на сестру, сцепив перед собой пальцы рук. Он совершенно не обращает на меня никакого внимания. — Но факт того, что она скрылась с места аварии и плюс оказала сопротивление при задержании всё усугубляет. Я уже составил протокол, отправлю его позже на рассмотрение в суд. Временное разрешение на управление мотоциклом я уже выдал. Если бы Соня не уехала с места аварии, скорее всего, отделалась бы просто штрафом, а в этом случае, её могут лишить прав на 1,5 года. В любом случае, нужно дождаться результатов.

— Ясно. Какое было сопротивление? Что-то серьёзное?

Пагрин качает головой.

— Убегала. Ничего серьёзного. Оплатите штраф и всё, — заверяет он. — Как только будут результаты, я свяжусь либо с Соней или с Вами, как с доверенным лицом. На рассмотрение протокола уйдёт около двух месяцев.

— Ладно. Это всё?

— Да, можете идти.

— Спасибо.

Девушка первая разворачивается и направляется к выходу — я поспешно вскакиваю на ноги и следую за ней, практически бегом выскочивая в коридор, но замираю, когда взгляд падает на спину сестры. Она ниже меня, её волосы всё такие же тёмные и густые. Её походка изменилась. Раньше она была плавной и женственной, а теперь грубая и агрессивная.

Девушка больше смахивает на парня. Или же на уверенную женщину, которая держит всё под своим контролем, хотя сама суть моей сестры отрицает подобное поведение. Маша была спокойной и милой, сдержанной, ранимой и неуверенной, и я всегда старалась равняться на неё. А сейчас я вижу совершенно другого человека. Решительного, властного и холодного. По крайней мере, мне так кажется.

Сестра достаёт телефон и звонит кому-то.

— Я всё, Стас. Заберёшь меня?

Стас? Кто такой Стас.

— Отлично.

Она прячет телефон в карман. Я иду позади неё и не решаюсь окрикнуть, чтобы хотя бы поздороваться. Маша не оборачивается, и мне почему-то становится грустно и стыдно одновременно. С одной стороны томное желание снова вернуть всё, как было раньше, гложет меня изнутри, но с другой я всё ещё не могу простить девушку за то, что она сделала.

Маша вырывается на улицу и сбегает с крыльца, только после этого останавливается и оборачивается, впиваясь в меня взглядом. Она совсем не изменилась. Только уверенность заполнила её разум и тело до краёв, не оставив место никакому смущению и застенчивости. Я вижу это по её взгляду.

— Могла бы и не приезжать, — пренебрежительно бросаю я, медленно спускаясь со ступеней. — Я не просила.

— Могла бы и спасибо сказать. Штраф-то мне оплачивать, — хмурюсь я.

Я поджимаю губы, останавливаясь рядом со Машей. Несколько секунд молчу. Я хочу сказать совсем другое, но слова сами вырываются из моего рта, и эмоции берут надо мной верх. Наверное, если бы не встреча с Егором, выбесившая меня больше всего, я бы отреагировала совсем по-другому.

— Спасибо. В ноги кланяюсь, как я тебе благодарна.

Мгновение я испытываю отвращение, затем злость, а следом и стыд, но уже поздно. Слова покинули мой рот, вернуть их уже нельзя.

— В следующий раз можешь на меня не рассчитывать, — серьёзно говорит Маша, хмурясь. Я вижу, что задела её своей фразой. — Не знаю, зачем ты вернулась, но лучше бы оставалась в Питере. Там хотя бы от тебя проблем не было.

Она разворачивается и направляется к какой-то машине, забираясь на заднее сидение. Я прячу руки в карманах и смотрю ей вслед, а внутри меня зарождается обида и чувство вины. Я хочу вернуть всё назад. В тот момент, когда я не была знакома с Егором, когда я нормально общалась с сестрой и когда ещё не согласилась на тот дурацкий спор. Тогда бы я не связалась с Малийским, не переехала бы в этот город, не встретила бы Штормова и не втянула бы его в неприятности. Может быть, так было бы лучше для нас всех?

Linkin Park — Good Goodbye

Егор.

Однажды в школе я случайно сломал раковину в туалете: неудачно показал одноклассникам свой новый приём, которому меня научил отец. Решил похвастаться, а в итоге не рассчитал силу и расстояние до предметов и съёл половину умывальника. Керамика разлетелась по полу с неприятным звуком, а я стоял рядом и в ужасе смотрел на своё «творение». Тогда я подумал о том, что сейчас мои одноклассники сдадут меня директору, после чего последует долгий разговор на тему, какой я хулиган и бандит, дальше позвонят моим родителям и вызовут в школу, что приведёт к очередной нудной воспитательной беседе, где я должен буду виновато выслушивать, какой я плохой и безответственный, и в конце меня накажут.

Я был в ужасе, потому что меня никогда не наказывали родители. Я был прилежным и послушным сыном, который неплохо учился в школе и всё своё время посвящал тренировкам. Я не общался с дворовыми ребятами, не влезал в плохие компании, неприятности обходил стороной. Я был идеален!

А тут такое пятно на репутации.

Это был седьмой класс, мне было примерно тринадцать. Смотря на куски раковины под ногами, я думал, что жизнь кончена и что я испортил всё своё будущее.

Но потом кто-то из одноклассников протянул:

— Круто...

И все начали кивать и поддакивать, что да, это было круто! А потом кто-то предложил, что нужно сваливать, иначе нас засечёт директор, и мы все дружно скрылись с места преступления, пока на шум не сбежали учителя. И тогда я понял, что это всё мелочи, не конец света. Подумаешь, раковину сломал, с кем не бывает. Не ставить же из-за этого крест на своей судьбе.

И теперь, спускаясь с ринга, где я только что нокаутировал парнишку, которому, по сценарию, должен был проиграть, я чувствую себя точно так же, как в тот момент, когда разбил в школьном туалете раковину. Я в ужасе. И дикое желание сбежать от неприятностей так и разрывает меня на кусочки. Зрители шумят, сканируя моё прозвище, но я не обращаю на них внимания. Я смотрю в сторону выхода и мысленно уже скрываюсь в толпе, чтобы выбраться из здания и уехать в другую страну.

Но, если быть серьёзным, бежать бесполезно. Арчи не из тех людей, которые так просто оставляют кого-то в покое. Он найдёт меня прежде, чем я успею добраться до квартиры. Он достанет меня даже из ада, и я сам виноват в этом. Точнее... Нет, не я.

Розина, чёрт её дери. Если бы не она, я бы сосредоточился на спарринге и держал бы себя в руках. А тут снова, мать её, силу не рассчитал. Прямо как с раковиной.

Чувствую себя провинившемся ребёнком. Кажется, мне конец...

Спускаюсь с ринга и замираю, притворяюсь, что снимаю перчатки, чтобы оттянуть момент нашего разговора с Арчи. Чёрт... Как вообще так получилось? Смотрю на противника, которого приводят в чувство на ринге, и мысленно скулю. Молодец, Егор. Ничего не скажешь.

Смотрю в сторону Шершня и Арчи, буквально всеми клетками тела ощущая на себе их пристальные взгляды, глубоко вздыхаю, прикрываю глаза, собирая всю свою решительность, а потом разворачиваюсь и начинаю пробираться сквозь толпу к барной стойке. Чувствую себя нашкодившим ребёнком, который сейчас будет получать нагоняй от родителей, но моя ситуация куда сложнее и безумнее, чем просто школьные проделки. Даже не представляю, что меня будет ждать через минуту.

Уже вижу обеспокоенный взгляд Ани, которая топчется за стойкой, пытаюсь одновременно обслужить посетителя и в то же время быть ближе к Арчи, чтобы не упустить ничего важного.

— Я всё верну, — решительно заявляю я, бросая перчатки на столешницу. — Всю ставку на бой. Но надо было лучше тренировать своего племянника, раз он от одного удара отрубается.

Пытаюсь сделать непринуждённый вид и скрыть своё раздражение, смешанное со страхом.

Арчи не смотрит на меня, но я прекрасно вижу, что он не совсем доволен таким раскладом. Его пальцы теребят наполовину пустой стакан с алкоголем, шляпа опасно покачивается на макушке, так и норовя соскользнуть с головы и упасть под ноги, лицо вообще выражает непонятно что. Такое чувство, что я смотрю на нестабильного больного с психическим расстройством, который в любой момент может либо наброситься на тебя и разорвать горло, либо улыбнуться и заверить, что всё в порядке. Сложно вообще угадать, какая реакция последует на твои слова или действия, адекватностью тут и не пахнет. Поэтому я стараюсь не связываться с такими людьми. Они пугают.

— Ты за всю свою жизнь не расплатишься, — медленно тянет Арчи, скучающе наблюдая за напитком, который от движений мужчины движется по кругу. — Ну, и что мне с тобой делать?

Арчи, наконец, поднимает голову и смотрит на меня так, словно собирается решить мою судьбу. Хотя, по сути, так оно и есть.

Я напряжённо прищуриваюсь, вспоминая пистолет, который был у Арчибальда во время первой нашей встречи, и мне кажется, что мужчина вот-вот достанет его и выстрелит в меня. Я уже готовлюсь спрятаться за барной стойкой и рвануть к выходу, пока паника охватывает посетителей, а дальше по ситуации. Свалю из города, в принципе, деньги у меня есть. Буду в бегах, постоянно оборачиваться на шорохи, ожидая, что Арчи меня найдёт и отправит на тот свет. К этому шла моя судьба?

— Отработаешь все деньги, которые я проиграл по твоей вине, — он подпирает голову рукой. — Я на твой проигрыш поставил пятьсот штук. Плюс двадцать процентов за то, что не действовал по уговору. За моральный ущерб.

Пятьсот штук? Ну, в принципе, деньги не такие уж и большие. Если я возьму кредит... Хотя, кто мне его даст?

— Ладно, — соглашаюсь я. — Как именно?

Я смотрю на Шершня, которая обеспокоенно косится в нашу сторону. Не нравится мне эта затея, но я сам виноват. Нет, всё Розина. Точно, буду валить вину на неё, как в детстве.

— Для начала потренируешь моего племянника, — решает Арчи. — Потом придумаю ещё что-нибудь.

Я поджимаю губы и недовольно смотрю в сторону ринга, где уже привели в чувство Антона. Заниматься с ним? Интереснее занятия и не придумаешь!

— А если я верну деньги? Параллельно тому, что буду отрабатывать? — облакачиваюсь локтём на барную стойку. — Смогу побыстрее расплатиться и быть свободным от поручений?

Арчи смотрит на меня так пристально, словно норовя испепелить. Я чуть отстраняюсь. Мало ли...

— Конечно, — улыбается мужчина, но я почему-то уверен в том, что за его «конечно» скрывает отчётливое «нет».

Вот связался же я на свою голову с этим отмороженным. Он же мне житья не даст, а если я сольюсь, так ещё и прихлопнет в подворотне. Не люблю я всё это. Одно дело драться на ринге и получать от этого удовольствие, а другое ввязываться в дела наркоторговца. Если сдам его, он меня достанет даже из тюрьмы, а если меня схватят на этой почве вместе с Арчи, сам отправляюсь за решётку. Что же делать?

Надо быстрее расплатиться с долгом и избавиться от этого парня, пока его цепкие пальцы не сжали моё горло ещё плотнее. Чувствую, ещё нахватуюсь от него проблем. Пятьсот штук и двадцать процентов от них... Где же мне по-быстрому достать столько денег? Чёрт...

— Ладно, — соглашаюсь я. — Пусть Антон свяжется со мной, мы договоримся на счёт тренировок. Деньги я верну, двадцать процентов тоже. Так что сильно не привыкайте ко мне.

Сразу предупреждаю я, пристально смотря на Арчи и показывая всем своим видом, что не боюсь его и что не собираюсь становиться одной из его шестёрок. Мужчина не отвечает.

Ярываю наш зрительный контакт и отхожу от стойки, направляясь к выходу. Нужно проветриться и подумать на счёт того, что мне делать дальше. Кажется, моей спокойной жизни пришёл конец. Чёрт подери эту Розину. Нашла время возвращаться...

kavabanga & Depo & kolibri — Рисуя [Sasha MiLE prod.]

Маша.

— Чё случилось? — спрашивает Миша, когда мы высаживаем Тарана возле общаги и остаёмся наедине в машине, которая медленно рассекает ночной город.

Окно открыто. Я задумчиво смотрю на полупустые дороги и немного ёжусь из-за прохладного ветра, врывающегося в салон. Мысли в кучу. Тренировка явно не задалась, и я, чёрт подери, больше никогда не соглашусь бегать по полигону после заката. Только силы и время тратятся в пустую.

Последние несколько часов я только и делала, что прокручивала в голове разговор с сестрой перед отделением полиции, думала, что было бы, если бы я где-то что-то сказала другому, как-то иначе отреагировала. Всё-таки зря я сказала ей те слова... Я ведь так совсем не думаю. Вырвалось на эмоциях, а теперь только и остаётся, что жалеть.

Я знаю, что виновата в том, что случилось с Егором. Думала, поступаю правильно, но... В итоге всё повернулось против меня, а тоскливая обида за то, что Соня оттолкнула меня, даже не попробовав понять, и все три года даже не пыталась связаться со мной, гложет меня изнутри, словно противные паразиты. Я же взрослая, должна принять всё и смириться, ведь не я одна пострадала от той ситуации, но почему тогда у меня ничего не получается?

Я должна была просто попросить прощения и попытаться помириться с ней. Даже если бы у меня ничего не получилось, совесть грызла бы меня не так сильно, как сейчас.

Вернуть бы всё назад... Вернуться бы в тот момент, когда Егор написал мне и попросил помочь с Малийским. Я бы просто отказала ему. Вечное «если бы...то». Но Штормов мог пострадать ещё сильнее, если бы я не помогла, или, возможно, наоборот. Я бы в любом случае испытывала чувство вины.

Но выбор сделан, и изменить уже ничего нельзя.

— В смысле? — бормочу я после недолгого молчания.

— На тренировке сама не своя была, — говорит парень. — Обычно ты более внимательна.

Я ничего не отвечаю. Да, сегодня не лучший мой день. Если бы было светло, меня бы каждые пять минут убивали. Так хоть удавалось во мраке притаиться. За весь период я даже никого не смогла зацепить.

Я реагирую медленно, в отличие от Кузнецова. И это касается только страйкбола, но и повседневной жизни. Я долго отвечаю, долго думаю и иногда чертовски медленно разговариваю. Парень же наоборот не может усидеть на месте, но он всегда терпелив и постоянно ждёт, когда я придумаю ответ и соизволю выдать какую-нибудь информацию. Редко когда торопит меня.

— Сестра вернулась в город, — коротко отвечаю я.

— Та, что в Питере была?

— Ага, — я вздыхаю и откидываюсь на спинку сидения, на пару секунд прикрывая

глаза. — Мне позвонили из отделения, сказали, что её задержали. Пришлось поехать сначала к копам. Так что поэтому и опоздали ещё больше. Стас в магазине проторчал дофига, потом я в полицию. В следующий раз я еду с тобой, Дятел вечно возится по сто пятьсот часов.

Я замолкаю, потому что понимаю, что начинаю говорить много лишнего и не по теме.

— Так и? — Миша ждёт продолжения рассказа.

Я пожимаю плечом — рассказывать совершенно нет никакого желания.

— Поцарапала чью-то машину своим байком, сбежала с места аварии, — я прокашливаюсь. — А когда её нашли, пыталась сбежать. В итоге мне пришлось согласиться оплатить за неё штраф, иначе закрыли бы на пятнадцать суток. Скорее всего, лишат прав.

Парень сворачивает в сторону нашего дома и останавливает машину, выключая двигатель. Я медлю, лениво закрывая окно. Мы выбираемся из машины и начинаем забирать вещи из багажника и с заднего сидения.

— Так... Вы поговорили или что? — интересуется Кузнец.

— Ну... — я надеваю рюкзак. — Не то, чтобы...

— Короче, всё плохо, — догадывается Миша.

Я поджимаю губы.

— Вроде того, — соглашаюсь я, захлопывая дверь. — В общем, она мне нагрубилась, я в ответ сказала, что лучше бы она не возвращалась... Ну, и...

Миша захлопывает багажник, удобнее перехватывая свой пулемёт. Ставит авто на сигнализацию, а потом замирает и смотрит на меня. Его фигура в свете фонарей кажется просто миражом. У него крепкое тело, широкие плечи, зелёные армейские штаны кажутся чёрными, кепка с логотипом команды, точно такая же, как на мне, скрывает часть лица. Он выше меня на полголовы, но иногда кажется, что куда больше. Хочется прижаться к его широкой груди и навсегда замереть в этом мгновении, но Миша не особо любит нежности. Он как кот. Хочет, ласкается, не хочет — не будет.

— Не еби себе мозг, — вкрадчиво говорит парень, подходя ко мне и легко толкая в плечо кулаком. — Если хочешь, свяжись с ней и попробуй всё наладить. Не получится, шли к херам. Не хочет общаться — её проблемы. Ты не обязана страдать из-за её выходок.

Я опускаю голову, и печаль ещё сильнее накрывает меня. У него всегда всё так просто. Но на деле...

Кто мы, чтобы так поступать с другими. Кто мы...

— Ага, — я криво усмехаюсь, пряча взгляд от его проворных глаз и направляясь в сторону подъезда. — У нас осталось что с ужина? Дико хочу... — на языке вертится «выпить», но я говорю: — есть...

— Что-то было, — слышу голос парня. — Иди пока вперёд, я забыл телефон в машине. Щас догоню.

— Угу.

Я не оборачиваюсь, потому что знаю, если сделаю это, то совсем расклеюсь. Оставив на улице Мишу, я скрываюсь в подъезде.

Кто мы друг для друга? Кто мы, чтобы судить поступки? Просто кто мы?

Соня.

Я иду медленно по засыпающему городу, совершенно не горя желанием возвращаться в общагу, и тоскливо скользя взглядом по когда-то таким родным и знакомым местам. От воспоминаний пробирает дрожь: я думаю о Егоре и о том, как мы когда-то давно бродили по этим местам, смеялись и обнимали друг друга. Здесь недалеко был зал, в котором занимался парень. Интересно, он ещё открыт? И как там пожимают родители Шторма? Наверное, ненавидят меня за то, что я испортила жизнь их сыну, который мог бы стать замечательным боксёром, если бы не травма.

Пахнет дымом и затхлостью. Пахнет клеткой, сжимающей загнивающие внутренности, которые пробыли на солнце несколько дней и в которых уже копошатся опарыши. Пахнет...

Я вспоминаю сестру. Я не хотела с ней пересекаться, потому что боялась. Чего? Не знаю. Я уже не ребёнок, чтобы просить прощение и говорить, что я больше так не буду. Слишком сложно извиняться, когда сделал кому-то больно.

Что мне делать? Мне нужно направление, какой-нибудь указатель, знак. Хоть что-нибудь. Зачем я вообще сюда приехала? Потому что меня выгнала тётя и мне некуда было идти? Но и сейчас я в такой же ситуации. У меня заканчиваются деньги, и общага — это единственное место, где я могу переночевать.

Чувствую себя такой потерянной...

Я поднимаю голову, отрывая взгляд от асфальта под ногами, и смотрю на здание общежития. Комендантский час в 23:00, а сейчас уже за полночь. Все двери заперты, и я понятия не имею, как мне пробраться внутрь. А хочу ли я?

Останавливаюсь, пряча руки в карманах джинс, и вздыхаю. Замечаю одинокую фигуру на стоянке, которая сидит на заборчике, где я сидела незадолго до того, как меня схватила полиция. Вижу, как мелькает огонёк сигареты, и едкое желание закурить одолевает меня. Сигарет, конечно же, у меня нет. Последнюю я выкурила несколько часов назад.

Направляюсь к одинокой фигуре, пытаюсь разглядеть, кто это. Свет фонаря не достигает незнакомца, и трудно определить, знаю ли я его или же нет. Одно могу сказать точно: это парень. Надеюсь, он согласится угостить меня сигаретой.

Я подхожу ближе, замечая на земле у его ног рюкзак и чехол для гитары, сразу же вспоминая того страйкболиста, который подарил мне зажигалку. Хм... Какое совпадение.

— Угостишь? — спрашиваю я, когда до Андрея остаётся метров пять.

Парень смотрит в мою сторону из-под козырька кепки и затягивается, словно издеваясь надо мной.

— Без проблем, — бросает он, доставая из кармана пачку. — Чего не в общаге?

Я подхожу ближе и принимаю пачку, доставая две сигареты. Одну зажимаю губами, а вторую прячу за ухо. Вынимаю из кармана зажигалку и прикуриваю, облегчённо вздыхая.

— Копы поймали, — я бросаю взгляд на свой байк, припаркованный чуть в стороне. — А потом не хотелось возвращаться. А ты?

Отдаю пачку обратно.

— На тренировке был, — пожимает плечом. — Друзья задержались, поэтому проторчали там дофига. Хотя я изначально знал, что не успею. Так что... Сам виноват.

— М, — делаю вид, что мне не всё равно, но у меня плохо получается.

Я облакачиваюсь спиной на заборчик и затягиваюсь, поднимая голову вверх и смотря на редкие звёзды. Тьма кружит голову, дым растворяется в воздухе, словно медленно умирая,

тишина давит со всех сторон. Спать совершенно не хочется из-за давящего чувства в груди. И почему мне так больно?

— Весело, да? — бормочет Андрей.

— Ага. Безумно...

Егор.

Я захожу в подъезд своего дома и неохотно поднимаюсь на нужный этаж по старым потрёпанным ступеням. Останавливаюсь возле двери своей квартиры, долго ищу ключи в карманах, думаю о сегодняшнем проигрыше. Почему проигрыше? Потому что из-за своей импульсивности я теперь должен пятьсот штук и двадцать процентов от них, и прислуживать Арчи я совершенно не горю желанием. Чем больше я буду находиться рядом с ним, тем сильнее увязну во всём этом дерьме.

Я вздыхаю и откидываю голову назад, устало смотря в потолок. Задумчиво хмурюсь, вспоминая Розину, и тошное чувство потери сжимает моё горло. Я тихо скулю и ударяюсь два раза лбом о дверь. Снова ищу ключи, но только через несколько минут понимаю, что это бесполезно. Я ушёл из клуба без футболки в одних спортивках, а все вещи, скорее всего, остались в административном помещении, где и всегда. Ключи тоже. И как мне тогда попасть домой? Чёрт... Придётся возвращаться. Да и машина тоже там осталась, я ведь пешком через город тащился...

— Егор? — я не замечаю, как позади меня открывается дверь. — Ты чего тут?

Я оборачиваюсь и смотрю на Кристину, которая выглядывает из-за своей двери. Ах, да. Я же выгнал её бойфренда. Опять... Она что, караулила меня?

— Ключи забыл на работе, — безразлично бросаю я, пряча руки в карманах.

Она осматривает меня.

— Замёрз, наверное? — бормочет Крис, чуть шире открывая дверь. — Можешь у меня переночевать. Поздно же уже.

Я пожимаю плечом. Каждый раз, когда девушка зовёт меня к себе, всё заканчивается сексом. А у меня сейчас нет никакого настроения даже разговаривать с кем-то. Я снова думаю о Розиной и мысленно кривлюсь.

— Ага, — соглашаюсь я. — Есть что похавать?

Подхожу к двери — Крис отступает в сторону, пропуская меня. Она в домашних шортиках и в майке, у неё упругая задница и небольшая грудь, а ещё ноги чуть колесом.

— Конечно, — оживляется девушка. — С ужина осталось мясо с картошкой. И рыба есть. Если хочешь, могу ещё что-нибудь приготовить.

— Не, — я захожу в квартиру, прикрывая дверь. — И это сойдёт.

Стаскиваю ботинки, останавливаясь возле зеркала, и смотрю на своё отражение. В кого я превратился? Если бы несколько лет назад мне показали сегодняшнюю фотографию, я бы ни за что не поверил, что это именно я.

Ну... Хоть поем. Крис всегда неплохо готовит. Но... Еда не решит моих проблем. Их вообще уже ничего не сможет решить...

Матвей.

Я прихожу в себя только через несколько часов. Голова раскалывается ещё больше, чем обычно, и дикое желание снова покурить начинает уничтожать меня. Тошнота пронзает желудок, и я шумно вздыхаю. Я сижу на диване в незнакомой квартире какой-то девчонки, которой недавно принёс посылку от Лёши. Тело ломит — я поднимаюсь на ноги, пытаюсь избавиться от головокружения, и замираю, потому что в глазах темнеет.

Хочется пить, а ещё есть. Дико хочется есть.

— Проснулся? — тянет девчонка, замечая меня в дверях комнаты.

Она сидит на кухне и пьёт, наверное, чай. Тихо работает телевизор, но его звуки всё равно разрывают меня. Я прислоняюсь плечом к косяку и вздыхаю.

— Уходишь или остаёшься? — интересуется хозяйка. — Можешь переночевать, если хочешь. Но тебе ещё за деньгами в бар пилить, так что сам решай.

Я вспоминаю, что да, я должен был вернуться обратно, чтобы получить мои три сотни и сказать моему новому начальнику, что работа сделана.

— Как там тебя? — бормочу я, потирая глаза.

— Надя, — безмятежно тянет девушка, делая глоток. — Нехило тебя накрыло. Надеюсь, ты был не против, что я тебя трахнула?

Я скептически кривлюсь, пытаюсь вспомнить, что вообще было между нами, но всё словно в тумане.

— Насрать, — хриплю я, отстраняясь от косяка. — Дай пожрать чего-нибудь, а то умру.

Девушка фыркает и лениво поднимается на ноги, направляясь к холодильнику. Я собираю все силы и добираюсь до кухни, заваливаясь на стул. Сил совсем нет, я даже не уверен, что смогу добраться до «Конечного пункта».

— Могу позвонить Лёше и сказать, что ты задержишься, — предлагает Надя, ставя передо мной тарелку с салатом, затем кладёт в неё ложку.

Пожимаю плечом, принимаясь за еду. М-м-м... Как вкусно. Сто лет не ел подобного.

— Это вообще-то был мой первый заказ, — бурчу я. — Думаешь, он не попрёт меня за то, что я остался тут?

Девушка смеётся, присаживаясь на соседний стул.

— Кто знает, — тянет Надя. — Мне кажется, ты ему понравишься. Если, конечно, каждый раз не будешь вот так задерживаться. Хотя...

Она толкает меня ногой в колени.

— Я не прочь, чтобы ты ещё заглянул ко мне, — томно тянет она, скользя ногой по моему бедру.

— Угу, — не обращаю на неё никакого внимания. — Если будешь меня кормить, всё что пожелаешь.

Она усмехается, подпирая голову рукой. Я смотрю на неё и думаю о том, сколько же она курит травки, раз её уже не накрывает так сильно, как меня? Даже и не похоже, что она вообще курила... Хотя, на каждого это действует по-разному. Может быть, это всё из-за моей травмы?

— Только Лёше не рассказывай, — тянет Надя. — Ему лучше об этом не знать.

— Почему?

— Просто.

Я не отвечаю. Голову сдавливают тиски, и я думаю о своих таблетках, которые остались дома. Я не помню, чтобы брал их собой сегодня. Знал бы, что они мне пригодятся, прихватил бы. Чёрт...

— Пожалуй, останусь, — лениво тяну я, чувствуя, как тело ломит от усталости.

Надя улыбается, и мне почему-то кажется, что я оказался в идеально сплетённой паутине, и теперь барахтаюсь в ней, словно муха, не понимающая, что ей скоро придёт конец. Глупая-глупая муха.

Да пофиг. Не хочу вообще ничего делать. Даже если Лёша попрёт меня с работы, мне плевать. Это Егор хотел, чтобы я вылез из дома и начал вести нормальную жизнь, а мне и так было хорошо. Если будет нужно, я найду себе постоянную работу.

Пф-ф-ф... Кого я обманываю. Конечно же я не захочу этого делать. Я тону в собственном одиночестве и в головной боли, и мне уже не хватает воздуха, чтобы нормально дышать. Как там гласила моя последняя карточка? «Ты умираешь».

Я умираю?

nothing,nowhere. - deadbeat valentine

Егор.

Я просыпаюсь с неприятным ощущением затёкшей руки, потому что на ней лежит голова девушки и нагло перекрывает поток крови, которой так жаждет напитаться моё сердце. Я с трудом открываю глаза, мысленно скуля из-за тошного неприятного чувства в груди, и вспоминаю вчерашний день: я нарушил уговор с Арчи, и теперь должен ему больше половины лимона, к тому же согласился прислуживать ему, чтобы отработать деньги. Теперь придётся тренировать его племянника, который настолько странный, что становится дико отвратительно. Ввязался же на свою голову.

А Арчи так спокойно отреагировал, словно с самого начала планировал подставить меня и завлечь на свою работу. Знал же, что я просто так не соглашусь участвовать в его делах. Не удивлюсь, если это правда.

Я осторожно освобождаю свою руку, чтобы не разбудить Кристину, и сажусь, закрывая ладонями лицо. Хочется спать, но надоедливые мысли сводят меня с ума и разрывают на части. Тело ломит, спина снова начинает напоминать о былой травме, но я всеми усилиями игнорирую эти ощущения. Нужно немного отдохнуть и пока не выходить на спарринги, иначе боль не даст мне покоя. Скажу Шершню, что беру временный отпуск.

Я свешиваю ноги с кровати и бесшумно вылезаю из постели, чтобы не разбудить Кристину, иначе она снова начнёт приставать ко мне, а потом заставит остаться на завтрак. От неё сложно будет избавиться.

Я смотрю на девушку, которая мирно посапывает в подушку, — часть её обнажённого тела выглядывает из-под одеяла, и я с трудом отвожу взгляд от её ног. Осмотрев комнату, я нахожу свои вещи и быстро одеваюсь, после чего решительно выхожу в коридор и, пытаюсь шуметь как можно меньше, оказываюсь на лестничной клетке.

Так, надо идти в «Конечный пункт», чтобы забрать мои вещи и машину, потому что иначе попасть домой я не смогу. Запасных ключей у меня нет, а единственные остались в баре. Надо будет сделать дубликат и спрятать где-нибудь в подъезде, чтобы в следующий раз не таскаться по городу туда-обратно.

Я смотрю на дверь напротив, которая ведёт в мою квартиру, и замираю, потому что она приоткрыта. Неприятное чувство проникает в меня и заполняет каждый сантиметр пространства. Кто-то вломился ко мне в квартиру? Но кому это нужно? Там и красть-то особо нечего. Да и каждый в этом доме знает, что со мной лучше не связываться, потому что я легко вычислю нарушителя, и тогда ему будет очень-очень плохо.

Я осторожно подхожу к двери и заглядываю в небольшую щель, прислушиваясь к звукам и пытаюсь узнать, остался ли кто-нибудь внутри или же нет. Тишина плотной массой окутывает пространство вокруг меня — я легко толкаю дверь, заставляя её открыться чуть шире, и бесшумно проникаю в квартиру.

Замираю, осматриваясь: зеркало справа в коридоре разбито, тумбочка опрокинута, на

полу разбросаны мои вещи. Осторожно прохожу дальше и заглядываю в комнату. Она перевернута с ног на голову: на полу валяются бумаги и одежда, комод выпотрошен, разбитый горшок с цветком лежит на полу, и земля высыпалась из него, словно из внутренности. Да что, чёрт возьми, тут произошло?

Не похоже на ограбление. Такое чувство, что меня хотят припугнуть или же отомстить за что-то. Вот только... Кому, чёрт побери, это надо? Арчи? Но мы с ним уже разобрались и мирно решили, что я буду послушным мальчиком и отдам деньги. Мне проблемы не нужны. Тогда кто? Один из тех, кто проиграл мне на ринге?

Я чертыхаюсь и захожу на кухню, с удивлением замечая, что здесь чисто и убрано, словно хулиганы не успели добраться до этого места. Замечаю на столе карточку без конверта и поспешно хватаю её пальцами.

«Жду тебя по этому адресу. И будь добр, перестать игнорировать мои письма, иначе тот, от кого ты прячешься, узнает о том, что ты сделал. Если не приедешь на встречу, пожалеешь. Квартира — всего лишь предупреждение». На обратной стороне адрес и время встречи.

— Вот тварь! — бросаю карточку на столешницу и пинаю ногой табурет, который не выдерживает моего удара и падает на пол.

Чёртов аноним. Это уже переходит все границы. Когда я найду его, он будет умолять меня сжалиться над ним. Я его уничтожу, и все его угрозы отправятся вместе с ним в ад.

— Моника! — зову я, вспоминая о своей кошке, но в ответ мне раздаётся только тишина.

Блин, дверь была открыта. Она, наверное, сбежала. Вот же...

Я вздыхаю и сажусь на диванчик, откидывая назад голову и прикрывая глаза. Вот за что мне всё это? Что я сделал в этой жизни не так? Я же, вроде, никому так сильно не пакостил, чтобы до подобных угроз доходило. Бред какой-то...

Маша.

Я оставляю Мишу на улице и захожу в подъезд, удобнее перехватывая сумку со снаряжением. Забираюсь в лифт и поднимаюсь на нужный этаж. За своими мыслями я не замечаю, как оказываюсь напротив двери, которая ведёт в нашу квартиру.

На дверной ручке висит небольшой подарочный пакет, и я непонимающе хмурюсь, думая о том, кто же мог оставить его здесь. Миша? Он же специально остался внизу. Может, хотел, чтобы я нашла это сама? Но... Мы с ним были на тренировке последние несколько часов, когда он успел?

Я беру таинственную посылку и открываю ключом дверь, проникая в квартиру. Протяжное «Мя-я-яу» разрывает тишину, и я улыбаюсь встречающему меня питомцу. Включаю свет, ставлю на пол снаряжение и автомат, стаскиваю ботинки и вздыхаю. Потом уберу вещи, лень тащить их в комнату.

Я прохожу на кухню, включаю свет и сажусь на диванчик: ставлю на стол посылку и недолго вглядываюсь в неё, пытаюсь угадать, что же там внутри. Может, стоит подождать Мишу? Что-то он долго возится с машиной.

Всё-таки решаю не ждать парня, хватаю пакетик и заглядываю в него. Там карточка и

какая-то коробочка. Ну, точно Миша постарался. Кто ещё мог такое придумать? Не таинственный же поклонник, который следит за мной. У меня с роду таких не было.

Сначала беру карточку и переворачиваю её, чтобы прочитать послание.

«Буду ждать тебя по адресу в назначенное время. Если не придёшь, Соня узнает о том, что ты и Егор скрываете от неё. Не забудь про подарок. С любовью, аноним».

На обратной стороне адрес и время.

Меня охватывает холод, и ледяной поток скользит по моим внутренностям, сковывая их. Это от анонима? В этот раз письмо не такое бессмысленное, как раньше. И ещё эта встреча... Неужели он решил, наконец, показаться?

Я открываю коробку, и очередная волна неприятной боли скользит по моему горлу. Внутри подвеска, которые обычно делают с именами или просто приятным словом, чтобы порадовать человека, но в этот раз там совсем иное. Вместо моего имени на подвеске сделано отчётливое слово «шлюха». Я беру в кури подвеску и кладу её на ладонь, словно надеясь, что слово поменяется или вообще исчезнет, но ничего не происходит.

Я прикусываю губу с такой силой, чтобы физическая боль перекрыла душевную, но у меня ничего не получается. Сначала неудачная встреча с сестрой, теперь это. Да что этому придурку надо от меня?

Я пытаюсь сдержать слёзы, потому что сейчас должен вернуться Миша, а я не хочу, что он видел меня в таком состоянии. Надо выбросить это всё, пока не поздно. Если парень увидит письмо и подвеску, то снова разозлится. Я должна избавиться от этого, но я почему-то сижу на одном месте и не могу даже пошевелиться.

Я настолько отвратительна? Я такая жалкая и...

Входная дверь открывается, и я дёргаюсь, сжимая подвеску в кулаке с такой силой, что та вонзается в кожу, почти протыкая её. Миша возится в коридоре — я пытаюсь заставить себя пошевелиться и спрятать хоть куда-нибудь послание, но что-то останавливает меня, словно в глубине души я хочу, чтобы Миша увидел всё это и... И что? Защитил меня? Или осудил?

Парень появляется в дверном проходе. Я встречаюсь с ним взглядом и замираю — Миша прислоняется плечом к косяку и показывает мне бутылку пива, мол, я знаю, что ты хочешь выпить. Я печально улыбаюсь, пытаюсь сделать вид, что всё хорошо.

— Ты читаешь мои мысли, — бормочу я.

— Решил заскочить, — пожимает плечом Кузнецов. Его взгляд скользит по столу и замечает подарочный пакет. — Что это?

Я возвращаю взгляд на карточку и хмурюсь, не отвечая. Я не знаю, что мне делать, и совет от парня как раз будет не лишним.

— Ну... — неуверенно бормочу я.

Миша подходит к столу и ставит на пол сумку — бутылки звенят друг о дружку, и я кошусь в их сторону, словно боясь, что они разобьются. Парень замечает карточку и хватается её пальцами — его взгляд быстро скользит по строчкам, затем Кузнецов вертит послание в руках.

— А тут что было? — он кивает на коробку, смотря на меня свысока так, словно осуждая.

Я неуверенно отвожу взгляд в сторону, ещё сильнее сжимая в руке подвеску.

— Ну, не мнись, раздражает, — злится Миша.

Я неохотно кладу на стол подвеску и прикусываю губу — парень хватается подарок

пальцами, и его лицо на миг искажается. Кузнец сжимает челюсть так сильно, что мне даже становится страшно. Он шикает, решительно направляется к окну, открывает его и выбрасывает подвеску.

— Сука, я ему кадык вырву, — Миша смотрит на адрес и время, затем прикрепляет карточку на холодильник с помощью одного из магнитов.

Он возвращается к столу, хватая подарочный пакет и выбрасывает в мусорное ведро под раковиной, затем возвращается обратно, достаёт пару бутылок пива и садится напротив меня. Я внимательно наблюдаю за ним, словно он вот-вот начнёт злиться ещё больше или как-то осуждать меня, что я приношу в его жизнь сплошные подобные разочарования, но Миша лишь открывает бутылки и протягивает одну мне.

— Ну, и? Что там у тебя за секрет с Егором? — парень делает глоток, внимательно наблюдая за мной.

Я смотрю на бутылку любимого гранатового пива и долго молчу, утопая в своих собственных мыслях. Стоит ли? Всё равно ведь узнает когда-нибудь...

— Я... — беру бутылку и делаю несколько глотков, чтобы набраться смелости. — Я переспала с Егором.

Всё внутри меня сжимается под пристальным взглядом Кузнецова, и я боюсь даже предположить, о чём он сейчас думает.

— Хм... — Миша делает глоток из своей бутылки. — Ты трахнулась с бывшим парнем твоей сестры?

— Да, — бормочу я. — Это было незадолго до того, как я разошлась с Тёмой. Тогда у меня был не особо приятный период, ну, ты знаешь. Он вечно скандалил и подозревал, что я с тобой сплю опять. Даже домой не хотелось возвращаться, — снова делаю глоток. — Я, можно сказать, жила на работе, лишь бы не пересекаться с Тёмой и не выслушивать его упрёки. Как-то встретила случайно Егора. Мы разговорились, вспомнили прошлое. Я тогда поссорилась с Артёмом и не собиралась возвращаться домой, Шторм предложил потусить в баре. Посидели, напились. Он предложил пойти к нему, чтобы я на улице потом не шаталась одна. Ну, и там как-то так получилось, что мы переспали. А на утро решили оставить всё между нами и... Ну, сам понимаешь, всё-таки он любил Соню и... Неприятные воспоминания нас связывали, так что просто разошлись и больше не пересекались.

Миша недолго молчит, обдумывая мои слова, и я уже ожидаю от него упрёков и всяких обвинений, мол, как ты могла переспать с парнем, которого любила твоя сестра и всё такое, но парень лишь вздыхает и подпирает голову рукой.

— Бывает такое, — спокойно говорит Кузнецов. — У тебя был сложный период, и тебе надо было отвлечься. Тем более, что отношения с Тёмой всё равно в какой-то момент закончились бы. Помнишь мою бывшую, которая мозг мне заёбывала по пустякам? — я киваю. — Вот, я тебя понимаю. Для меня тогда работа — это был настоящий рай. Я домой даже возвращаться не хотел, потому что знал, что опять скандалы будут. Потом выгнал её. Ну, ты знаешь. А то, что ты с Егором затусила... Ну... Вас связывало прошлое, и это объяснимо. Так что не еби себе мозг.

Я виновато смотрю на свою бутылку.

— Если Соня узнает...

— Она всё равно может узнать, — пожимает плечом Миша. — Сама решай, как именно. Но если мы не найдём этого анонима, то... Я сам поеду на встречу с ним. И разберусь. Чтобы не занимался хренью... Это уже переходит все границы.

Я ничего не отвечаю, допивая остатки пива и откидываясь назад. Я так утомилась, что даже не могу нормально соображать. А Миша... Я так благодарна ему за то, что он не осуждает меня. Всё-таки он самый лучший из всех, кто был в моей жизни. Со своими косяками и недостатками, но... Пока он рядом, я могу ни о чём не волноваться...

Соня.

— Кстати, — говорит Андрей, докуривая свою сигарету. — Ко мне недавно подходила девчонка и сказала, чтобы я передал владелице байка эту карточку.

Парень достаёт что-то из кармана и протягивает мне. Я прикусываю губами фильтр сигареты и забираю послание. Опять аноним? Что ещё у него на уме? Снова очередной непонятный бред?

«Буду ждать тебя там, где начнётся наша игра. Надеюсь, что ты не сбежишь, как три года назад. Иначе полиция покажется тебе просто мелочью по сравнению с тем, что тебя будет ждать».

На обратной стороне адрес и время.

— Звучит как угроза, — замечает парень.

— Ну, да... — я задумчиво хмурюсь, вынимаю сигарету изо рта и стряхиваю пепел.

Значит, полицию на меня натравил этот аноним? Вот же говнюк! Я ему устрою на встрече, он ещё пожалеет, что связался со мной. Я его уничтожу...

Матвей.

Домой я возвращаюсь только под утро. Мне с трудом удаётся вырваться из квартиры Нади, вернуться в бар и забрать мои три сотни. Лёша мне даже ничего не говорит по поводу того, что я так сильно задержался, словно с самого начала знал, что девушка заманит меня к себе и предложит покурить.

Силы ко мне так и не возвращаются, а головная боль лишь усиливается. Я открываю дверь и захожу внутрь. Лишь когда я оказываюсь посреди комнаты, с удивлением замечаю, что здесь идеально чисто. Нет ни мусора, ни разбросанных бутылок и вещей. Может быть, я ошибся квартирой? Да нет, вроде моя...

Егор что ли постарался? Хотя вряд ли... Ему что заняться нечем что ли?

Я осматриваюсь, замечая на столе какую-то карточку и вазу с красными цветами, хиганбанами. Я знаю их, потому что в школе увлекался японской культурой. Эти цветы означают смерть, и японцы считают их несчастливым знаком.

Подхожу ближе и хватаю очередное послание:

«Думал пригрозить тебе беспорядком, как сделал это у твоего друга, но у тебя и так здесь жуткий срач. Поэтому я решил прибраться. Буду ждать тебя в назначенном месте. Тебе понравились цветы?».

На обратной стороне адрес и время.

Аноним... Наконец-то хоть какое-то нормальное послание. Вот только идти на эту встречу мне дико не хочется... Мне плевать, кто этот парень и что он хочет от нас. Я просто

хочу, чтобы меня оставили в покое.

Я подхожу к стене и прикрепляю кнопкой очередную карточку на свободное место, а потом падаю на кровать и облегчённо вздыхаю. Мне нужно ещё немного поспать, иначе силы ко мне так и не вернуться. Жуткие последствия после травки... Такое чувство, что из меня все соки выжали...

Кравц — Обнуляй

Маша.

— И долго ещё ждать? — бурчит Миша, осматривая пустую ночную дорогу.

Мы сидим в машине, которая криво припаркована в нескольких метрах от места встречи, и ждём, когда же появится этот таинственный аноним, чтобы, наконец, вычислить его и узнать, зачем и по каким причинам он преследует меня. Кузнец нетерпеливо постукивает пальцами по рулю, наверное, уже предвкушая, какими изощрёнными способами будет расправляться с преследователем.

Он вообще собирался один сюда приезжать, но я убедила его, что если меня здесь не будет, то аноним вряд ли появится. Поэтому мы вместе сели в машину парня и приехали сюда, но, судя по всему, слишком рано.

— Ты поторопился, — говорю я, разблокировав экран сотового и проверив время. — Ещё рано.

Кузнецов фыркает и откидывается на спинку сидения — я кладу сотовый в бардачок и вздыхаю. Наверное, всё-таки зря мы сюда приехали. Поддаваться на провокации незнакомца, который угрожает раскрыть мои тайны, не лучшая идея. С другой стороны, с полицией вообще нет никакого желания связываться, тем более, что этот «всевидящий» аноним быстро меня раскроет и напишет Соне о том, чего ей не нужно пока знать. И вообще не нужно. Так будет лучше и для неё и для меня.

— Да знаю, — вздыхает Миша. — Просто дома сидеть уже сил не было. Думаешь, он появится?

— Не знаю, — пожимаю плечом. — Он написал, что будет ждать, так что... Хотя... Я вот не понимаю, какой ему смысл приходить-то? Ну... — я вздыхаю, пытаюсь подобрать слова, но мысли путаются. — Он же прекрасно понимает, что я могу позвать кого-нибудь. Да и, если он знает, где я живу, то и про тебя тоже в курсе. Если бы я была на его месте, я бы не пришла. Ну, на крайний случай послала бы кого-нибудь левого. Или же сидела где-нибудь и выжидала, чтобы избежать опасности. Это как-то глупо всё.

— А присылать тебе подобные письма не глупо? — спрашивает Миша. — Смысла в них вообще нет. И для чего всё это? Ну, выйдет он сейчас к нам. И что скажет? Вот он я, смотри. Это я тот, кто отправлял тебе письма с угрозами?

Я ничего не отвечаю, смотря вдаль на равномерно мигающий светофор.

Машин вообще нет, где-то далеко компания каких-то ребят сворачивает на смежную улицу и исчезает из виду, круглосуточный магазин манит нас своими огнями, и у меня возникает жгучее желание пойти туда и что-нибудь прикупить.

— Выдвинет условия, — предполагаю я. — С какой-то целью же он всё это делает...

— Ну, я даже не знаю...

Я поворачиваю голову к Мише и смотрю на его профиль. Улыбка трогает мои губы, и я

хитро прищуриваюсь.

— Миш, — тяну я.

— М?

— Ну... Может... быстренько... пока ещё время есть...

Парень смотрит на меня так, словно совершенно не понимает, о чём я сейчас говорю. Я дёргаю бровью и иронично улыбаюсь.

— Вот что ты наделала? — вздыхает Кузнецов. — У меня встал...

Я фыркаю и проворно перелезаю к нему на колени.

— Уже? Ты заводишься с пол-оборота, — мурлычу я, когда его руки скользят по моей талии и заползают под одежду.

— Разве это плохо?

— Нет, — я целую Мишу, запуская пальцы в его волосы.

Он шумно выдыхает, когда я провожу рукой по его волосам, словно против шерсти кота, и углубляет поцелуй. Его рука скользит по моей талии к груди, пальцы проворно сжимаю её, заставляя меня немного выгнуться. Миша настойчиво скользит языком по моему нёбу, наше дыхание переплетается, сковывая все мысли, и голова начинает идти кругом от настойчивых прикосновений Кузнецова.

Он скользит руками по моей талии вверх, поднимает лифчик и сжимает грудь — я тихо стону, накрывая рукой его член и сжимая через штаны. Тело пробирает дрожь, и я нетерпеливо вожусь на его коленях, совершенно забывая про встречу и про анонима, который может появиться здесь в любую минуту.

— Развернись, — судорожно шепчет парень, и я неохотно отстраняюсь, собираясь повернуться к нему спиной, но неожиданный звук приближающегося мотоцикла отвлекает меня, заставляя обернуться в сторону дороги.

— Вот чёрт... — бормочу я, забывая про Мишу. Байк останавливается неподалёку от нас, девушка глушит мотор, но не слезает со своего железного коня. Она снимает шлем и встряхивает волосами. — Это Соня.

Миша смотрит в ту же сторону, недовольно поджимая губы. Я шумно вздыхаю и утыкаюсь лбом в его плечо, чтобы перевести дыхание. Кажется, наши развлечения придётся отложить.

— С тебя минет, — бурчит парень.

— Ага, — я перебираюсь на своё сидение, но не спешу выходить из машины.

Кузнец откидывается на спинку сидения и прикрывает глаза, пару раз стукаясь о него затылком. Он мне это потом ещё припомнит...

— Вряд ли это она тот самый аноним, — тянет Миша.

Я прикусываю губу и несколько секунд всматриваюсь в свою сестру, которая ещё не замечает нашу машину.

— Сиди здесь, — прошу, точнее приказываю, я.

Кузнецов ничего не отвечает, да и сомневаюсь, что ему вообще сейчас хочется двигаться со стояком. Я ещё мгновение медлю, а затем решительно открываю дверь и выхожу из авто. Соня замечает меня и замирает, начиная непонимающе всматриваться в каждое моё движение, пока я медленно подхожу к ней. Остановившись в паре метров от сестры, я прячу руки в карманах штанов.

— Так... Это ты мне шлешь письма? — скептически тянет Соня, слезая с байка.

Я опускаю взгляд, медленно качая головой.

— Очевидно, что и не ты мне тоже, — замечаю я, затем достаю из кармана карточку с адресом и показываю сестре.

Девушка переступает с ноги на ногу, прокашливаясь. Я прячу обратно послание и вздыхаю, пытаюсь сообразить, что же всё это значит. Зачем аноним заставил меня встретиться с Соней? И, судя по словам сестры, ей тоже приходят письма. Почему? Что же, чёрт возьми, задумал этот аноним? Не нравится мне всё это...

— Если я права, то здесь должны быть ещё двое, — вкрадчиво говорит Соня.

Я чувствую нарастающее напряжение между нами, и мне становится неуютно. Хочется как-то пошутить или сказать что-нибудь, чтобы разрядить обстановку, но голова идёт кругом от происходящего.

— Почему ты так думаешь? — интересуюсь я.

Она пожимает плечом и достаёт из кармана сигарету — та слегка мятая и без пачки. Девушка прикуривает, щёлкая зажигалкой.

— Видела на днях Егора, — словно просто так бросает Соня. — Ему тоже приходят письма.

Я замираю. Она виделась со Штормом? Надеюсь, он ничего ей не рассказал... Хотя... Парень не такой глупый, чтобы болтать об этом направо и налево.

— И как... Ну...

— Нормально с ним всё, — огрызается сестра, и я понимаю, что встреча с Егором прошла не особо удачно. — Чё за парень? — девушка кивает на машину.

Я пожимаю плечом и оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Кузнецова, но отсюда его плохо видно. Тень скрывает его лицо, не позволяя лишним взглядам добраться до него.

— Миша, — тяну я, отворачиваясь. — Который слил меня три года назад ради другой.

— М, — Соня осматривается по сторонам, пытаюсь увидеть кого-то, но поблизости никого нет. — И вы типа снова вместе? Забавно.

Я ничего не отвечаю, смотрю под ноги на свои берцы и думаю о том, что слишком туго зашнуровала их. Ногам тесно и неприятно. А ещё дико жарко. Надо было надеть либо кеды, либо обычные балетки, но теперь уже поздно об этом думать.

— Ты... — я осекаюсь, неуверенно смотря на сестру. — Извини. За то, что сказала у отделения. Я так на самом деле не думаю.

— Ты тоже, — коротко бросает Соня, затягиваясь с такой силой, что значительная часть сигареты сгорает прямо на глазах.

Девушка выглядит напряжённой и немного нервной, но пытается держаться спокойно. Я вглядываюсь в её профиль и пытаюсь отыскать в нейту девчонку, которую я когда-то знала, но у меня это не получается. Теперь на месте моей младшей сестры кто-то другой.

Мы молчим до тех пор, пока окурки не летит на асфальт, а проворная нога не наступает на него, словно на жука. В это же мгновение из-за угла со свистом выезжает машина и на всей скорости несётся прямо к нам. Водитель резко тормозит и разворачивается, из-за чего авто останавливается посреди дороги в пол оборота.

Двигатель не стихает — двери открываются, выпуская на свободу двух парней. Я узнаю Егора Штормова: с последней нашей встречи он почти не изменился, а вот имя его спутника я вспоминаю с трудом, и то только придя к этому выводу логическим путём. Матвей, а, судя по всему, это именно он, чертовски не похож на того мальчишку, которому я помогала три года назад отомстить за травму головы. После суда я его больше не встречала, а если и пересекалась где-то, то вряд ли бы узнала.

Он вырос, осунулся и теперь выглядит так, словно не спит уже неделю. У него синяки под глазами, кожа бледная, губы потрескавшиеся. Он либо в запое, либо просто болен.

— А вот и они, — иронично тянет сестра.

Парни смотрят на нас и перекидываются парочкой фраз, прежде чем отойти от машины и остановиться в центре дороги. Мы с Соней медленно подходим к ним и останавливаемся напротив, образуя некое подобие круга. Долго молчим, вглядываясь в лица.

— Я так понимаю, аноним сегодня не появится, — говорит Егор, встречаясь со мной взглядом.

Я замираю, невольно вспоминая то, что когда-то было между нами, и мысли о том, что Соня не знает об этом, пугают и радуют одновременно. Я сглатываю и смотрю на Матвея — парень выглядит потерянным и удручённым, его взгляд затуманен дымкой, и брюнет вряд ли чётко видит нас.

— Либо он один из нас, — голос Сони наполнен скрытой злостью и ядом. Что же произошло между ней и Штормовым во время той встречи? — Аноним хотел, чтобы мы все встретились, — Соня раздражена. — И сам, видимо, приходит не собирается. Значит, и смысла здесь быть тоже нет. Что ж... мы посмотрели друг на друга... Теперь пора попрощаться... Но для начала покажите карточки, чтобы доказать, что никто из вас не связан с этим придурком.

Я поджимаю губы и вынимаю из кармана карточку, показывая всем, чтобы убедить их, что я не на стороне преследователя. Все остальные повторяют то же самое. У каждого из них послание с местом встречи на обратной стороне.

Мы не двигаемся несколько секунд, затем практически одновременно делаем шаг назад и разворачиваемся. Я решительно направляюсь к машине, слышу позади хлопки закрывающихся дверей автомобиля Егора и забираюсь на переднее сидение.

— Поехали, — бросаю я, наблюдая за тем, как Соня надевает шлем и седлает свой мотоцикл.

— Уверена? — спрашивает Миша.

Я медлю, зло сжимая пальцами карточку, и отворачиваюсь от окна.

— Да.

Парень поворачивает ключ, заставляя двигатель очнуться, меняет передачу и рывком разворачивает машину. Бросив последний взгляд на мотоциклистку, я открываю форточку и выбрасываю скомканную бумажку с адресом, которую тут же подхватывает порыв ветра и уносит куда-то в сторону. В тайне надеюсь, что вместе с этим мусором я избавлюсь от всех своих проблем, я откидываюсь на сидение и прикрываю глаза.

В итоге я так и не узнала, кто этот аноним и что ему от меня надо. И не только от меня, а ещё и от Сони, Матвея и Егора. Нас четверо. Было тогда и остаётся сейчас. Неужели это всё-таки Малийский? Но ведь он в тюрьме... А кроме него я понятия не имею, кому нужно снова собирать нас вместе и при этом угрожать раскрыть наши тайны.

Не нравится мне всё это. У меня плохое предчувствие...

Chinawoman — Good Times Don't Carry Over

Егор.

Я стою в квартире Матвея возле окна и смотрю на то, как шумные капли дождя барабанят по стеклу, словно изнывая желанием разбить вдребезги преграду и ворваться в помещение. Серые непроницаемые тучи заволакивают небо, нависая над городом, и ощущение давящей тяжести сковывает все мои внутренности.

Настроение хуже некуда.

— Да забей ты, — лениво тянет Матвей, сидя на полу и прислоняясь спиной к кровати.

Его ноги вытянуты, торс обнажён, и выпирающие рёбра двигаются в такт неровному дыханию. Парень похудел, и теперь кожа так сильно обтягивает его кости, что смотреть противно. Друг никогда не страдал избыточным весом, но сейчас он выглядит так, словно герой из фильма «Машинист». Ну, может быть, чуточку получше, но всё же.

— Забей? — я небрежно тушу окурок о пепельницу, стоящую на подоконнике. — Ты вообще понимаешь, что происходит?

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Матвея, но взгляд цепляется за прикреплённые к стене карточки, которые раздражают меня ещё сильнее. Я не могу выбросить из головы ту встречу, на которой сраный аноним, перевернувший мою квартиру вверх дном, заставил встретиться меня с сёстрами Розиными.

Значит, не только я и Матвей получаем эти письма, но ещё и они. Про Соню я знал, так как она сама мне сказала об этом во время нашей недавней встречи, но Маша. Её-то с какой целью сюда привлекли?

Нас четверо. Было тогда, осталось и теперь. Вот чувствует моя задница, что это всё Малийский подстроил. Вот только зачем? Хочет отомстить за то, что мы его упекли за решётку? О нём не было слышно последние три года, я уже вообще забыл о его существовании. Держу пари, он всё ещё за решёткой. Даже если его и выпустили раньше срока за хорошее поведение, то вряд ли он решится снова ввязываться в криминальные дела. Хотя... Он тот ещё отморозок.

Но если это не он, то кто тогда?

— Не знаю, чего ты паришься, — тянет парень. — Мне вообще плевать на этого анонима. Что он мне сделает? Снова в квартире приберётся? — он коротко смеётся, а я лишь поджимаю губы.

— Ну, да. Мне он разгромил весь дом, — бурчу я. — А у тебя устроил генеральную уборку. По-моему, у него что-то не так с головой, не находишь?

Матвей не отвечает.

Я отворачиваюсь от неистового дождя за окном и осматриваюсь, останавливая взгляд на засыхающих цветах, медленно умирающих в вазе на столе. Красные лепестки поблекли и

скукожились, некоторые из них лежат рядом на столешнице, словно были не в силах больше цепляться за своё существование и предпочли мучениям смерть.

— Это Хиганбаны, — говорит Матвей, замечая мой взгляд. — Красная паучья Лилия. В Японии их никто не сажает и не срывает, — его голос медленный и томный, немного с хрипотцой. — Они считаются несчастливым знаком. Этот цветок символизирует мёртвых. Его обычно сажают на кладбищах. Считается, что принесённый в дом, он может навлечь пожар, — парень замолкает, и неприятное чувство сковывает мои внутренности. — Вообще, у него много значений. Он так же символизирует мужественность и храбрость воинов, воинской чести и смерти в бою. А ещё есть история о двух природных духах, которые покровительствовали разным частям растения. Тот, кто заботился о цветках, и тот, кто хранил листья. Однажды они решили встретиться и пренебрегли своим обязанностям. Они полюбили друг друга с первого взгляда, но за то, что они нарушили правила, Боги прокляли их и разделили цветы и листья: когда распускаются цветы, листья опадают, а к тому времени, как вырастают листья, цветы вянут. Хиганбаны ещё называют «Небесными цветками», в память о двух влюблённых, которые никогда больше не увидят друг друга. Из-за этой трагичной истории эти цветы в Японии используются на похоронах.

Парень замолкает, и я поворачиваюсь к нему, чтобы взглянуть на друга. Я помню, как в школе он увлекался восточными культурами, но я не думал, что он до сих пор всё это помнит. Да ещё и в таких подробностях. Я особо не отличался умом и сообразительностью, но Матвей, в отличие от меня, был чертовски умным. У него всегда была хорошая память.

— Знаешь, — я задумчиво смотрю на цветы, и мне теперь кажется, словно вокруг них скапливается тёмная неприятная аура. — Аноним ведь прислал тебе эти цветы не просто так. Он знал, что ты сразу поймёшь их значение. Я лично понятия не имел, что японцы их на кладбищах сажают. Для меня это обычная трава.

Парень откидывает назад голову и немного сползает на пол, чтобы было удобнее. Он внимательно смотрит на меня, словно надеясь прочесть мысли, но, очевидно, у него ничего не получается.

— Хочешь сказать, что этот аноним знает всё про нас? — вкрадчиво тянет он.

Яжимаю плечом, прислоняясь поясницей к подоконнику, и скрещиваю руки на груди. В голове вертится туча предположений о том, кто такой аноним и что ему от нас нужно, но ни одно из них не сходится логически со всеми событиями, которые происходят. Какое же из них самое верное? И чему можно верить? А можно ли вообще?

— Я в школе увлекался японской культурой, — Матвей с трудом поднимается на ноги. Его шатает в сторону, и я дёргаюсь, боясь, что парень завалится на пол и сломает себе что-нибудь, но друг замирает, поймав в свои сети равновесие, и несколько секунд стоит неподвижно, словно у него кружится голова. Наконец, он приходит в себя, поджимает губы и направляется в сторону холодильника. — Но после выпускного, на котором мне пробили голову, я перестал фанатеть по этому.

Друг останавливается возле стола и оборачивается ко мне, так и не дойдя до холодильника.

— Чувствуешь, к чему я клоню? Этот аноним сильно покопался в моём прошлом, раз узнал о моём старом увлечении, — Матвей всё-таки открывает дверцу и достаёт оттуда бутылку с холодной водой. — О нём могли знать только мои родители и знакомые, с которыми я уже не общаюсь. Вряд ли на слуху были подробности моей жизни. Да и я особо не распространялся об этом.

— Это всё дико странно, — бурчу я, качая головой. — Если это цветы — намёк того, что тебя ждут неприятности, то можно уже считать, что это угроза.

Парень открывает бутылку и делает несколько жадных глотков. Его кадык шевелится от каждого из них, и я внимательно наблюдаю за ним.

— А эти карточки, что, по-твоему, не угрозы? — иронично спрашивает Матвей. — Всё это уже, как минимум, на статью тянет. Но знаешь, в чём проблема? — парень смотрит на меня с таким взглядом, словно это я тот таинственный аноним, присылающий ему письма и цветы. — Мне глубоко насрать. Хуже он всё равно не сделает. А если он продолжит прибираться у меня, так пусть. Я не против.

Парень подбрасывает бутылку в воздух — я слежу за её полётом — но не успеваю поймать, потому что его пальцы промахиваются и цепляют только воздух, словно у Матвея проблемы с координацией и восприятием реальности. Бутылка падает на пол и катится в сторону.

— У тебя точно всё нормально? — спрашиваю я. — Выглядишь отстойно. Что врач говорит?

Матвей нагибается и поднимает бутылку, словно изображая дряхлого старика. Неприятное чувство беспокойства проникает внутрь меня и заставляет забыть про анонима.

— Ничего, — парень пересекает комнату и заваливается на кровать. — Я у него не был и не собираюсь туда идти.

Я закатываю глаза.

— Ну, я так и думал. А если что-то серьёзное? Сходил бы просто проверился. Может, у тебя какие проблемы из-за травмы, нужно хотя бы проконсультироваться.

— Ой, не гунди, — скулит парень, утыкаясь носом в подушку. — Будет время — схожу.

— Да знаю я тебя! Никуда ты не пойдёшь.

Он ничего не отвечает. Я несколько секунд вглядываюсь в его бесполезное тело, развалившееся на матрасе, затем вздыхаю и качаю головой.

— Я пошёл. У меня ещё дела есть. Звони, если что, — бросаю я, направляясь в сторону двери.

— Ага, — невнятно бурчит Матвей, когда я уже надеваю ботинки и берусь за ручку двери.

Я оборачиваюсь, бросив хмурый взгляд на друга, затем смотрю на увядающие цветы, и только после этого выхожу из квартиры и хлопаю дверь. Чёрт, своих проблем навалом, а тут ещё с письмами разбираться. Я замираю на лестничной площадке и достаю из кармана очередную карточку. Быстро скольжу по ней взглядом.

«Теперь, когда все фигуры находятся на шахматной доске, можно начинать нашу игру. Первое задание я даю тебе, Егор, но ты не должен рассказывать о нём никому, включая остальных из четвёрки. Иначе, будет очень-очень плохо. Ты — пешка. Твой следующий противник — Антон. Я думаю, что тебе не стоит его тренировать. Выведи его из игры, или же кто-нибудь случайно позвонит в полицию и сообщит о том, что в «Конечном пункте» продаётся нечто похуже обычной травки».

И что мне делать дальше, чёрт подери? Я должен Арчи кучу денег, если откажусь тренировать Антона, то мне конец. А если не сделаю этого, то конец бару, моей работе и мне в придачу. Меня загребут вместе со всеми, а если нет, то где мне потом драться? Я жить без ринга не могу, и ничего больше не умею...

Чёртов аноним. Когда я доберусь до него, я его уничтожу...

**что-то комментариев давно не было))) Нравится хоть или опять где-то что-то не так пишу (а я могу):DD
буду рада хоть парочке слов)**

Bring Me The Horizon — True Friends

Матвей.

Как только дверь за Егором закрывается, я сажусь на кровати и ещё несколько минут прислушиваюсь к посторонним звукам, словно боясь, что Шторм вернётся и застанет меня за непристойным занятием, хотя ничего такого я совершенно не собирался делать. Если только...

Я свешиваю ноги с кровати и зажмуриваюсь, чтобы избавиться от неприятной головной боли, затем небрежно отодвигаю ящик тумбочки и достаю оттуда баночку с таблетками. Открываю крышку и высыпаю на ладонь горсть белых колёс, стукающихся о пластмассовые стены своей тюрьмы, словно норовя вырваться из неё и избежать мучительной смерти в моём желудке.

Парочка падает на пол и закатывается под кровать, но я не обращаю на это внимания. Выбираю из горсти три жертвы и закидываю в рот, а остальные высыпаю обратно в банку. Хватаю бутылку воды, открываю её и делаю несколько глотков. Ледяная жидкость сковывает мою гортань, и я буквально чувствую, как вода проникает в мой желудок. Мурашки скользят по коже, и я вздрагиваю. Открытую бутылку ставлю на тумбочку, а рядом с ней и банку с таблетками. Сползаю на пол и залезаю под кровать, чтобы достать сбежавших «заключённых», но в темноте у меня ничего не получается, да ещё и кровь ударяет в голову, заставляя мир вокруг меня пошатнуться, поэтому я бросаю поиски и с трудом забираюсь на кровать.

Не знаю, сколько времени мне требуется, чтобы прийти в себя и снова вернуться в реальность. Я смотрю на отодвинутый ящик тумбочки и пытаюсь собраться с мыслями. Затем тянусь к содержимому, достаю из-под старой тетради карточку и подношу к глазам.

Всё расплывается, и мне с трудом удаётся сосредоточиться на словах.

«Давай сыграем в шахматы. Нарекаю тебя слоном. Ходить крест на крест — это точно для тебя. Уходить в сторону, когда перед тобой опасность. Всего один шаг, и на твоём пути уже нет ничего. Это как избегать ответственности. Как ты, таблетки и врач, у которого ты не был уже... сколько? Полгода? Год? Это будет твой первый ход. Сходи для начала в больницу, иначе я натравлю на тебя копов. Им будет интересно, откуда ты берёшь травку и колёса. И даю тебе совет: не стоит рассказывать о письмах Егору. Особенно ему. Да и Розиным тоже. Иначе в следующий раз я не буду таким добреньким».

Я бросаю карточку на тумбочку, но письмо не долетает до нужного места и меняет траекторию, падая куда-то на пол. В больницу мне идти? Да чёрта с два. Пусть хоть президента на меня натравливает, я всё равно к этим упырям в халатах не пойду. Нашёлся тут благодетель. Ему надо, пусть сам в больницу и идёт...

Я поднимаюсь на ноги и трясу головой, чтобы избавиться от кругов перед глазами. Надо

что-нибудь поесть. У меня с прошлого вечера не было ни крошки во рту, и что самое удивительное, меня даже голод не мучает. Может, это из-за таблеток?

Заглядываю в холодильник, но нахожу там только наполовину пустую бутылку с молоком и кусок колбасы, которую притащил мне сегодня Шторм.

В хлебнице нахожу засохший кусок батона. Делаю себе корявый бутерброд и наливаю в кружку молоко. Есть совершенно не хочется, но даже я уже чувствую, что от голода начинает кружиться голова. Или это не от голода?

Маша.

«Надеюсь, ты не обижаешься за моё прошлое письмо? Я подобрал подарок под твоим окном, так что скажи своему парню, что некрасиво выбрасывать чужие вещи. Как на счёт шахмат? Будешь конём. Он такой хитрый, может перепрыгивать через другие фигуры. А ты ведь так любишь действовать исподтишка. Пока что я оставляю тебя в покое. Время твоего хода ещё не пришло. Но советую тебе болтать остальным о моих письмах, иначе Соня узнает, как ты развлекалась с Егором. Думаю, ей это не особо понравится».

Я вздыхаю и бросаю карточку рядом на кровать, устремляя взгляд в тихо работающий телевизор. Голова идёт кругом, и я до сих пор не могу переварить всё то, что случилось на встрече с анонимом, куда он даже не соизволил прийти.

— А вдруг он нас подслушивает? — вдруг говорю я.

Миша сидит рядом за ноутбуком и играет в очередной онлайн шутер.

— Что? — он освобождает одно ухо от наушника, но не отвлекается от катки.

— Вдруг у нас дома жучки разные, вдруг он подслушивает нас, — спокойно повторяю я. — Он знает всё обо мне, такое чувство, что он каждую секунду следит за мной. Или даже камеры...

— Чушь, — отмахивается Кузнецов. — Он никак не мог попасть в квартиру. Да и камеры у нас на площадке перед дверью. А в квартире сигнализация. Сразу бы тревогу врубил. Дом дорогой и новый, за ним круглосуточно должны следить.

Я недолго молчу, переваривая слова парня.

— Но ведь есть вероятность, что где-то что-то не уследили... — тяну я. — Да и дома у нас гости бывают. Вдруг кто-то из них шпионит за нами?

— У нас обычно либо Наталья Геннадьевна сидит, либо бабуля. И то они редко заглядывают, — я думаю о его маме и прикусываю губу. Ну, ей точно это всё не надо. — Остальные только ребята из команды. Всё. Думаешь, кто-то из них следит? Глупо же. Мы с ними давно знакомы...

— Ну, да...

— Слушай, этот аноним специально делает так, чтобы ты начала подозревать всех подряд. Он просто ошивается поблизости и детей присылает, — говорит Миша.

Я ничего не отвечаю. Смотрю на экран ноутбука, на несколько минут зависая, затем вздыхаю и прикрываю глаза. Я, действительно, стала какая-то подозрительная. Но мне не даёт покоя тот факт, что под окнами шатается придурок и следит за каждым моим действием. Это жутко...

Соня.

— Так, и что у тебя за странные письма такие? — спрашивает Андрей, сидя на кухне на том месте, которое обычно занимает моя соседка.

Парень вертит в руках карточку, которую прислали мне после встречи с анонимом, куда тот даже не соизволил прийти, а я стою возле окна, в тайне надеясь, что пока Истоминой нет в общаге, мне удастся выветрить затхлый запах дыма.

— Ну. Есть один идиот, которые присылает мне непонятную ерунду, — бросаю я. — И ещё троим моим знакомым. Понятия не имею, что он хочет от нас.

Андрей вертит послание в руках, словно пытаюсь отыскать ещё несколько слов, но, так ничего и не найдя, откладывает карточку в сторону.

«Ты — самая любимая моя фигура. Королева. Как на счёт поиграть? Скушаешь пешку противника? Завтра в час дня на месте, где ты впервые познакомилась с Егором Штормовым, тебе предстоит встретиться с одним человеком. Ты сразу его узнаешь. Передай ему «небо падает». Справишься? Только это будет наш секрет. Если расскажешь кому-то из четвёрки, то пожалеешь. Думаю, второе твоё отчисление не будет таким безболезненным».

Вот, что было написано в моей следующем письме, которое сегодня с утра я обнаружила у себя на коврике. Кто-то подсунул его под входную дверь. Вот только, как он прошёл мимо вахтёрши, я понятия не имею.

— Знаешь. Это всё выглядит так, словно какие-то квесты, — Андрей откидывается на диванчик и смотрит на меня. — Мы такой делали другу на день рождения. Выкинули его в незнакомом городе и всучили задания. А сами со стороны следили. Он ходил выполнял всё, лишь бы домой вернуться. У него ж ни денег, ни документов не было. А в конце он должен был подарок найти.

Я смотрю на парня, пытаюсь переварить его слова.

— Вряд ли меня будет ждать подарок, — бурчу я. — Просто этому придурку нечем заняться. Вот он и преследует нас.

Я думаю о Маше и о парнях, а когда перед глазами всплывает образ Штормова, меня неожиданно пронзает волна злости.

— Давай вместе сходим? — предлагает Андрей. — Мне всё равно заняться нечем. Да и интересно стало.

— Как хочешь, — пожимаю плечом.

Рыжий снова берёт карточку и бегло скользит по строчкам взглядом.

— Так и кто же такой Егор Штормов и где это место, в котором вы познакомились?

Я вздыхаю и скрещиваю руки на груди, всем своим видом показывая, что у меня нет никакого желания отвечать на этот вопрос и вообще разговаривать на эту тему.

— Это мой бывший, — скрипя сердцем, бормочу я. — И познакомились мы в школе.

— Значит, завтра двинемся в школу, — улыбается Андрей. — Иначе, ты пожалеешь о своём отказе, — зловеще тянет он, а затем смеётся.

Я неохотно улыбаюсь, думая о письме. Второе отчисление? Так звучит, словно этот аноним был причастен к тому, что меня выгнали из универа в первый раз. А потом и тётка выперла из дома. Слишком много совпадений. Не нравится мне это.

Papa Roach (Best-Muzon.ru) — Love Me Till It Hurts

Соня.

— И кого мы тут ждём? — интересуется Андрей.

Мы стоим у ворот школы, где я когда-то давно познакомилась с Егором Штормовым, и разглядываем детей, которых родители посадили в клетки летнего лагеря, чтобы избавиться от них хотя бы ещё на пару недель. Я узнаю некоторых учителей, которые иногда выходят на улицу, чтобы позвать ребят в здание или же сказать им, чтобы они не баловались, но я очень сомневаюсь, что аноним имел ввиду именно их. В записке было написано «Встретишься с одним человеком. Ты сразу его узнаешь». Учителей в школе, которых я знаю, слишком много, чтобы выбирать из них нужного.

— Не знаю, — я стою возле своего байка, облокотившись локтями на сидение, и смотрю на школьный двор.

В мыслях тут же всплывают воспоминания, когда я училась в этой школе. Как мы гуляли с Яной и с Юлей, как обнимались с Егором возле школы, как держались с ним за руки и разговаривали на школьном стадионе. Как на выпускной встретили Малийского... Вон там. Прямо за школой. Кажется, всё это был просто давно забытый сон.

— Может, это кто-то из учителей? — предлагает рыжий.

— Слишком просто, — качаю головой, шумно вздыхая. — Он бы не стал мне писать подобное, если бы не был уверен, что я не узнаю этого человека. А учителей в школе полным полно. Всё должно быть куда проще...

Я выпрямляюсь и хлопаю себя по карманам, чтобы достать пачку сигарет и прикурить, но, когда жертвы оказываются в моих руках, я передумываю, потому что взгляд цепляется за оду из девушек, которая в этот момент вышла из здания школы и подошла к группе маленьких девчонок. Она нагнулась к ним и начала что-то говорить, словно ругая за поведение.

— Это она, — вырывается у меня.

Я прячу пачку в карман куртки, но не двигаюсь с места, продолжая прожигать взглядом черноволосую девушку в бежевой тонкой кофточке и в светлых джинсах. Её волосы всё такие же короткие — каре опасно покачивается из-за движений головы, и девушка убирает за ухо прядь непослушных волос. Она улыбается, когда обращается к маленькой девочке, которая послушно кивает в ответ.

Не сомневаюсь, это Яна Куркина. Вот только что она делает в школе?

Я забываю про Андрея и решительно направляюсь в сторону школьной подружки, полностью уверенная в том, что это именно её имел в виду аноним, когда сказал мне прийти в школу и встретиться с кем-то. Она совершенно не вписывается в школьную обстановку. Ни за что бы не поверила, что девушка решится связать свою жизнь с малышнёй.

Я огибаю кучку парней, гоняющих потрёпанный мяч, и подхожу к Яне. Она не замечает меня, и я вдруг думаю о том, что неужели она связана с анонимом? Неужели, она заодно с

ним? Или, может быть, она и есть тот человек, отправляющий нам письма? Но зачем? С какой целью?

— Привет, — я останавливаюсь рядом с девушкой, привлекая к себе внимание.

Яна отвлекается от разговора с учениками и вскидывает голову. На мгновение мне кажется, что я обозналась и что это вовсе не Куркина, потому что в её взгляде я вижу замешательство. Она меня не узнаёт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но потом улыбка трогает её губы, и девушка выпрямляется.

— Ого, — она уже не обращает внимания на девочек, которые, почувствовав свободу, разбегаются в разные стороны. — Розина, ты ли это? Тебя не узнать!

— Да тебя тоже, — я осматриваю её с ног до головы. — С каких пор ты работаешь в школе? Ты же терпеть не могла детей.

Она смеётся, и я вздыхаю с облегчением. Даже если Куркина как-то и связана с анонимом, она совершенно не ожидала встретить меня. Или она просто так хорошо играет.

— Я здесь практику прохожу для универа, — отмахивается Яна, осматривая школьников. — Решила, что проще будет в нашей школе, чем искать разные организации. Да и здесь я договорилась всего на неделю. Проведу исследование и привет, свобода. А ты давно в городе? Ты как свалила в Питер, так от тебя ни весточки не было.

Я пожимаю плечом. Приятные воспоминания о школьных деньках накрывают меня, но всё это медленно тонет в мыслях о карточках и безумном анониме. Я вдруг думаю, что это всё чертовски глупо: следовать каким-то указаниям незнакомца, совершенно не зная правил игры. Может, я вообще не хочу в этом участвовать... Почему нельзя просто собраться нас вчетвером, высказать свои претензии и недовольство и мирно разойтись? И почему я думаю об этом прямо сейчас?

— Недавно совсем, — признаюсь я, опуская голову. Жуткое желание покурить сводит мои пальцы, и я сжимаю руки в кулак, пряча их за спину. — Перевелась в местный университет, живу в общежитии. Вот, случайно мимо проходила, увидела тебя и решила заскочить.

Яна улыбается, затем смотрит мне за спину, где остался Андрей и мой мотоцикл, и её глаза хитро прищуриваются.

— Мимо проходила, значит, — иронично тянет девушка. — А что за парень? Встречаетесь?

— Нет! — фыркаю я, почему-то смущаясь. — Просто знакомый. С общежития.

— М, — Яна опускает голову, и её взгляд на мгновение меркнет. — А как там... Как Егор? Давно не слышала о нём.

Я пожимаю плечом, неохотно вспоминая Штормова и его нахальный издевательский взгляд.

— Да живой, — бурчу я. — Видела его недавно. Ходит, дерётся, всё как обычно. Я с ним после переезда особо не общалась...

Я вздыхаю и смотрю на небо, вдруг вспоминая, что аноним сказал мне передать кое-что человеку, которого я здесь встречу. Но, как я это сделаю? Тебе просили передать «небо падает»? Глупо же прозвучит. И что, если Яна — это не тот, кто мне нужен? Что, если она не поймёт? Хотя, может, так оно и задумано? Да и плевать. Аноним слишком обнаглел, чтобы я ещё грузилась из-за такого. Само моё присутствие здесь говорит о том, что я совсем спятила, раз согласилась на уговоры Андрея поиграть в эту игру.

— Понятно.

Разговор заходит в тупик.

Я смотрю на облака, лениво плывущие по небу, и немного шурюсь из-за солнца. Затем прикусываю губу и смотрю на Яну.

— Такое чувство, что небо падает, — бурчу я.

Девушка поднимает голову и прищуривается. Её эмоции практически не меняются, но мне удаётся уловить тень, упавшую на её лицо. Это длится всего лишь мгновение, и я решаю, что это просто моё воображение. Наверное, мне показалось.

— Ага, — Куркина улыбается. — Погода хорошая. Слушай, дай телефон.

Она протягивает руку ладонью вверх, и я непонимающе вскидываю брови.

— Ну, давай-давай, — она дёргает пальцами, поторапливая меня.

Я достаю сотовый из кармана и протягиваю ей, перед этим разблокировав экран. Девушка недолго возится в нём, затем возвращает обратно.

— Я записала свой новый номер, — улыбается Яна. — Если захочешь, можем потусить как-нибудь. Вспомним былые времена и всё такое. Ну, или «вконтакте» меня найди.

Я убираю телефон обратно в карман.

— Хорошо, — неуверенно улыбаюсь я. — Тогда оставляю тебя твоим детишкам.

Яна смеётся и корчит такое лицо, мол, упаси Боже.

— Ещё увидимся, — тяну я.

— Буду ждать звонка, — она подмигивает мне.

Я киваю и разворачиваюсь, направляясь в сторону Андрея. Непонятные эмоции обрушиваются на меня плотной массой и сковывают так сильно, что хочется скулить. С одной стороны я рада, что встретила школьную подругу, но с другой сам факт того, что она как-то связана с анонимом, разрушает всё на свете. Куски мозаики разбросаны вокруг меня, но их слишком мало, чтобы собрать всю картину целиком.

— Ну, как всё прошло? — интересуется Андрей, когда я останавливаюсь рядом с ним и, наконец, достаю пачку сигарет, прикуривая.

Только после того, как я убираю её обратно, я отвечаю на вопрос.

— Не знаю, — пожимаю плечом. — Вроде нормально. Но я без понятия, поняла ли она послание или же нет.

— А кто это вообще? — парень смотрит в сторону Яны, которая в это время начинает заводить всех школьников в здание.

— Одноклассница. Раньше дружили, — коротко бросаю я.

Я нервно смотрю в сторону исчезающих учеников, сжимая фильтр так сильно, что сигарета сминается пополам.

— А если это не она?

— Да пофиг, — отмахиваюсь, выбрасывая под ноги испорченную сигарету. — Я сделала всё, как было сказано в письме. Пусть аноним подавится своими возмущениями.

Бросив последний взгляд в сторону школы, я седлаю мотоцикл и надеваю шлем.

— Залезай, возвращаемся в общагу, — командую я.

Андрей медлит, затем послушно забирается на байк и обнимает меня за талию, чтобы не упасть во время езды. Всё-таки это была не лучшая идея: идти на поводу у карточек. О чём я вообще думала, когда согласилась приехать сюда?

John Murphy — In The House In A Heartbeat

Егор.

Я рывком открываю двери «Конечного пункта» и уверенно пересекаю зал. Коротко здороваюсь с барменом из дневной смены, замечаю взглядом Шершня и направляюсь прямо к ней.

— У меня проблемы, — говорю я, останавливаясь рядом с Аней, которая в этот момент стоит недалеко от барной стойки и командует официантами.

Девушка внимательно смотрит на меня, поджимает свои губы и кивает на дверь, ведущую к административным помещениям. С ней долго распинаться не надо, она всегда меня понимала с полуслова.

Мы покидаем главный зал, медленно преодолеваем парочку поворотов и заходим в небольшой кабинет Шершня. Как только дверь за мной закрывается, я прислоняюсь к ней спиной, чтобы избежать вторжение незваных гостей, и скрещиваю на груди руки.

— Ты хотел сказать: «у нас проблемы»? — переспрашивает она, внимательно прожигая меня своим взглядом.

Я немного прищуриваюсь, качаю головой, словно это совсем не так, но затем киваю.

— Да, — соглашаюсь я. — У нас проблемы. Скажем, есть один человек, который хочет, чтобы я отказался от работы у Арчи. Точнее, чтобы я не тренировал его племянника. Если я этого не сделаю, то он может сдать копам твоё заведение. Он знает, что ты торгуешь здесь не только травкой. Да и даже эта дрянь может нехило всё подпортить.

Аня задумчиво хмурится. Она берёт со стола ручку и начинает вертеть в своих пальцах, думая о моих словах.

— Но если ты подпортишь отношения с Арчи, то нам всё равно конец, — заявляет Шершень. — Точнее... тебе конец. Но это может затронуть и меня. Замкнутый круг.

Я ничего не отвечаю. Да, она права. В случае, если я соглашусь на условие анонима и откажусь тренировать Антона, то мне же от этого будет хуже. Но Аня здесь не при чём, она может выкрутиться. В противном случае, потонем мы все.

— Есть один выход, — предлагает Шершень, устремляя на меня прожигающий взгляд. — Расскажем Арчи, что кто-то хочет подпортить и ему и нам игру. Он его найдёт и устранил.

Я прикусываю губу, думая о том, что это чертовски заманчивая идея. У Арчи есть связи. Ему не составит труда отыскать анонима, который присылает мне письма. Но есть одна проблема: если мы попросим у этого парня помощи, то точно никогда не выкарабкаемся из должников.

— Я должен ему пятьсот штук с процентами, — серьёзно говорю я. — Просить у него помощи — это сродни самоубийству. Хочешь, чтобы мы до конца жизни прогибались под него? Точнее, это даже мне придётся прогибаться, ты здесь не при чём.

— Ты видишь другой выход? — не понимает Шершень. — Заведение прикроют. Ты лишишься работы, я сяду в тюрьму. А если подпортишь отношения с Арчибальдом, он тебя

может и убить. Он психованный человек, с ним ссориться опасно. Я сама могу попросить у него помощи. Он не откажет... Тебя не буду особо приплетать, скажу, что моё заведение на кону.

Я поджимаю губы, опуская голову и обдумывая слова Ани. Это может быть неплохим выходом, но всё внутри меня категорически против такого решения. Я не хочу ещё больше связываться с этим придурком. Хотя я и так уже по самую макушку увяз в этом дерьме. Мне нужно срочно достать кучу денег, чтобы откупиться. Без этого даже думать о свободе нельзя.

— С чего ты так уверена, что он тебе поможет? — не понимаю я. — Зачем ты вообще с ним дела ведёшь?

Шершень вздыхает и отводит взгляд в сторону, явно не горя желанием отвечать на этот вопрос, но я ведь всё равно не отстану. Раз предлагает такой рискованный вариант, пусть предоставит мне гарантии, что ничего ужасного не случится.

— Он... — она прокашливается и смотрит на меня. — Он мой бывший муж, — признаётся Шершень.

— Что? — я фыркаю, неожиданно для самого себя расплываясь в улыбке. — Ты серьёзно? Этот шизанутый и есть твой бывший? Да это же смешно...

Аня пожимает плечом. Она не улыбается, и на её лице нет ни намёка на веселье, поэтому я быстро угасаю. Становится неловко.

— Я была инициатором развода, — спокойно говорит Аня. — Он согласился при условии, что, когда я создам своё заведение, а он знал, что я планировала это сделать, то он будет продавать в нём всякую дрянь. Это совместный бизнес. Он дал мне стартовый капитал на организацию «Конечного пункта», плюс платил за то, что я привлекаю для него клиентов. А потом всё это переросло в обычные партнёрские отношения. Он не лезет ко мне, я не лезу к нему. Плюс он прикрывает моё заведение, чтобы в него копы не лезли. А наш небольшой бизнес живёт самостоятельно и приносит неплохие деньги. Если поступит прямая наводка на клуб, полиция не сможет этого игнорировать, а если клуб закроют, то сразу выяснится, кто поставлял нам всю эту дрянь, и тогда Арчи потонет вместе с нами. Это тоже в его интересах.

— Ну, я не знаю, — бурчу я.

— Да всё нормально будет, — Аня бросает ручку на стол и подходит ко мне. — Главное, не делай никаких поспешных решений. Я свяжусь с Арчи и поговорю с ним, а дальше решим.

Она кивает мне, чтобы я отошёл в сторону и дал ей пройти, но я не двигаюсь несколько секунд, не желая соглашаться с таким поворотом. Не нравится мне всё это, а я к своей интуиции всегда прислушиваюсь. Я отступаю в сторону — Аня берётся за ручку двери, но, прежде чем девушка уходит, я останавливаю её за плечо.

— Только... — я осекаюсь. — Сделай это всё по-тихому. За мной следят. Если аноним узнает, что я что-то задумал, то сразу сдаст копам.

Аня знает про мои письма, которые я никогда не открываю, и про странного анонима, хотя я никогда в подробности не вдавался. Упоминал парочку раз и жаловался на него. Но, я думаю, она не такая глупая, что не понять, о ком речь.

— Хорошо, — кивает Шершень. — Не переживай. Когда у тебя встреча с Арчи?

Я прикусываю губу, немного скорчившись.

— Послезавтра, — говорю я. — Тренировка с Антоном. У тебя есть чуть больше суток, чтобы всё уладить, иначе я сделаю так, как посчитаю нужным.

Аня пристально смотрит на меня своими большими карими глазами, обрамлёнными густыми ресницами, но ничего не говорит. Девушка сбрасывает мою руку со своего плеча и уходит, оставляя меня в одиночестве посреди своих мыслей.

Если она ничего не сможет сделать, придётся рискнуть мне. Я пойду против Арчи и откажусь тренировать Антона. Не хочу, чтобы единственное место, дарующее мне смысл жизни, исчезло из-за моей глупости. А когда я вычислю анонима, я уничтожу его. Собственными руками.

Маша.

— Чуть позже Таран зайдёт за снарягой, — бросает Миша, собираясь на работу, куда его вызвали пять минут назад. — Отдашь ему, ладно?

— Ага, — я лениво балдею в постели, потому мой рабочий день уже давно позади.

— Я ему звонил, сказал, что ты дома будешь, — Кузнец быстро натягивает джинсы.

— Ага...

— Всё, я пошёл.

Миша выходит в коридор, шумно возится, натягивая обувь, а потом хлопает дверью, оповещая, что покинул сей особняк. Я прислушиваюсь, несколько секунд пытаюсь унять жгучее биение сердца, а потом вскакиваю на ноги и бегу в коридор, закрываю дверь на замок и так же молниеносно возвращаюсь обратно в комнату. Я замираю на пороге, осматриваясь по сторонам.

— Я всё-таки найду эту дрянь... — бурчу я, полностью уверенная в том, что в нашем доме спрятаны жучки и камеры, ибо иначе аноним никак не мог бы следить за нами.

Я принимаюсь за поиски, начиная исследовать каждый угол помещения, где можно было бы спрятать шпионские принадлежности. Проверяю за телевизором, под кроватью, за комодом, тщательно просматриваю все полки, игрушки и прочую мелочь, куда можно запихнуть камеры. Исследую компьютер, ноутбук, сумки со снаряжением, хлам из разобранного оружия, даже под ковром смотрю. Кот спокойно сидит в углу и наблюдает за мной, словно говоря, мол, женщина, ты что с ума сошла? Он напоминает мне Мишу. Я специально ждала, пока парень уйдёт из дома, чтобы тщательно обыскать квартиру. Если Кузнец узнает о моих странных припадках, он решит, что я совсем сбрендила, а выслушивать его очередные лекции на счёт того, что у нас дома просто нереально было что-то оставить, у меня уже нет сил.

Я уверена на сто процентов, что где-то в квартире у нас стоят камеры или подслушивающие устройства. Иначе как бы аноним смогу узнать, что это именно Миша выбросил подвеску в окно? Это могла сделать и я. Или кто-то другой. Почему именно Миша? В тот день мы были на тренировке. Дом пустовал. Никого не было здесь с самого вечера, а когда я вернулась, на двери висела посылка. Вдруг аноним всё-таки смог пробраться в квартиру?

Или же он следил из соседнего дома? Чёрт... голова уже идёт кругом от паранойи.

Звонок в домофон заставляет меня замереть, и страх окутывает каждую клетку моего тела. Я с запозданием вспоминаю, что ко мне должен прийти Таран за снаряжением, поэтому не сразу срываюсь с места, выхожу в коридор и хватаю трубку. Даже не спросив, кто

там, я нажимаю на кнопку, чтобы открыть парню дверь. Вешаю трубку обратно, осматриваюсь и устремляю взгляд на кота. Он медленно появляется в коридоре и садится в дверях с таким видом, словно король вселенной. Глупая отчаянная мысль, что это именно кот следит за мной, поселяется у меня в голове.

А вздыхаю и прикрываю глаза. С тех пор, как аноним собрал нас всех вместе, я не перестаю думать об этом. Мысли сводят с ума, и порой они настолько бредовые, что даже смешно. Может, Миша прав? Я просто волнуюсь из-за пустяков? Нужно отвлечься... Сходить куда-нибудь, выпить... Но сама мысль о том, что, если я выйду из дома, то за мной будут наблюдать, вселяет ужас. Нет. Никаких сходить куда-нибудь. Буду сидеть дома, занавешу окна и запру все двери, чтобы никто не смог увидеть меня. Точно. Тогда и проверю свою теорию. Надо взять отгулы и запереться в квартире. Если же аноним всё-таки узнает, что я делаю, то у нас дома точно жучки.

Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть. Я смотрю на преграду, думая о том, что сглупила, раз не спросила, кто звонил в домофон. Вдруг, там кто-то опасный?

Я бесшумно подхожу к двери и смотрю в глазок, замечая Тарана. Облегчённо вздыхаю и отступаю назад. Это просто Андрей. Пришёл за снаряжением, меня же Мише предупреждал...

Я открываю дверь и натягиваю на себя улыбку.

— Привет, — мой взгляд падает за спину парня, и я замираю, потому что там стоит человек, которого я не ожидала увидеть вообще. Я была так взволнованна, что не заметила ещё одного гостя.

— Привет, — Таран проходит в квартиру. — Я не один... Это...

— Мы знакомы, — безразличный голос позади парня разрывает тишину.

Моя сестра, Соня Розина, неохотно заходит вслед за Тараном и прикрывает за собой дверь.

— Эм-м... — Андрей смотрит то на меня, то на свою спутницу. — Ладно.

— Забавно, — Соня осматривается. — Странное совпадение.

Блондинка смотрит на меня, и волна неприятного ужаса снова охватывает моё тело. Да, действительно, странное. Кто бы мог подумать, что она начнёт общаться с Тараном, а тот приведёт её ко мне домой. Кстати, о Таране... Он частенько у нас бывает... Что, если он тоже замешан во всём?

Я трясую головой, пытаюсь избавиться от глупых мыслей.

— Снаряга в комнате, — говорю я. — Забери сам, она тяжёлая.

— Ага.

Парень послушно снимает ботинки и направляется в спальню, а я остаюсь наедине с Соней. Мы молчим.

— Так, ты тут живёшь? — как бы просто так интересуется сестра. Она замечает кота и устремляет на него пристальный взгляд. Лорд прячется в гостиной за дверью, разглядывая гостей с расстояния. Он у нас пугливый.

— Да, — говорю я.

— С родителями как?

Пожимаю плечом.

— Видимся иногда, — бормочу я. — С отцом всё так же. Мама частенько приходит к нам.

— Ясно, — Соня скрещивает руки на груди. — А твой где?

— На работу вызвали.

— М...

Я немного медлю, думая о том, что Андрей слишком уж задерживается в комнате.

Очередные мысли про жучки сковывают меня.

— Не хочешь... — я прокашливаюсь. — Как-нибудь зайти. Поболтаем.

— Может быть, — она пожимает плечом.

Я опускаю голову и больше ничего не говорю. Как-то не складывается у нас общение, но это уже хоть что-то. Я думаю о Егоре, и тошнота скапливается у меня в груди. Вечно я так, сделаю что-нибудь, а потом жалею.

— Надеюсь, взял то, что нужно, — громко бросает Таран, появляясь в коридоре с рюкзаком.

— Ага.

Я отступаю в сторону. Андрей кладёт вещи на пол и начинает обуваться, после этого он выпрямляется и смотрит на меня.

— Ладно, у нас ещё дела, — бросает Таран. — Увидимся позже.

Он протягивает руку, и мы стучаемся кулаками. Соня бросает на меня последний взгляд и, не говоря ни слова, выходит из квартиры. Парень пожимает плечом, забирает рюкзак и уходит, а я остаюсь в одиночестве.

Андрей общается с моей сестрой, и при этом он связан со мной тоже. Странное совпадение...

Я трясую головой и закрываю дверь на замок. Мне нужно успокоиться, а то я уже и своих друзей подозревать начинаю. Так и сойти с ума недолго...

The Sonics — Have Love Will Travel

Соня.

Я стою в кабинете управляющего кафетерием и внимательно вглядываюсь в пухлого мужчину с залысинами и противными усиками над неприлично большой верхней губой. Он сидит за столом и смотрит на меня своими серыми туманными глазами, спрятанными под опухшими веками. Выглядит он отвратно. На его толстой руке часы, сдавливающие опухшее запястье и, держу пари, каждый раз оставляющие смачный след на коже, на среднем пальце левой руки перстень, а на безымянном правой — обручальное кольцо. Это отвратительное существо ещё и женато.

Я стою в этом душном, пропитанном тошными духами, кабинете, потому что мне чертовски нужна работа, ибо мои сбережения уже почти закончились. Если буду тянуть, то останусь на мели, и мне придётся, скрипя своей гордостью, обратиться к сестре. Уж лучше к ней, чем к родителям...

— Ладно, — мужчина смотрит на меня с прищуром, скользя отвратительными маленькими глазками по моему телу. — Испытательный срок — месяц. Если пройдёшь, возьму тебя на постоянку.

— У меня занятия начнутся в сентябре, — говорю я, намекая, что не смогу работать полный день.

Мужчина снова оценивающе осматривает моё тело, и мерзкая дрожь пробирает меня до костей.

— Вот, когда начнутся, тогда и поговорим, — он, наконец, отрывает от меня взгляд и утыкается в планшет, лежащий перед ним на столе. Я пытаюсь рассмотреть, что же там изображено на экране, но картинка отсвечивает и не позволяет мне увидеть её. Держу пари, что там нечто извращённое, под стать владельцу кабинета. — Оформись до завтра документы, и можешь приступить к работе. Нам как раз не хватает официанток.

Я ничего не отвечаю, продолжая пристально разглядывать собеседника и пытаюсь скрыть гримасу отвращения, и мужчине приходится снова поднять голову.

— Можешь идти, — слишком елейно говорит он.

Я отступаю, резко разворачиваюсь и поспешно направляюсь к выходу. Лишь когда я оказываюсь за дверью, меня окутывает облегчение, и дрожь отвращения заставляет всё моё тело передёрнуться. Ну, бывают же такие ужасные люди! Чёрта с два я пойду сюда работать, ничто на свете не заставит меня вернуться в это место!

Я трясую головой, встречаясь с любопытным взглядом какой-то официантки, и поджимаю губы. Нет, нет и нет!

Последний раз посмотрев на дверь кабинета, я разворачиваюсь и направляюсь прочь. На улице меня уже дожидается мой байк, который я оставила возле кафе и который, очевидно, уже успела пометить какая-то шавка, потому что мокрое пятно на колесе хоть и трудно разглядеть, но всё равно возможно.

Осмотревшись по сторонам, но так и не найдя того, на ком можно было бы выместить злость, я чертыхаюсь, седлаю своего железного коня, надеваю шлем и выезжаю на главную дорогу.

День сегодня раздражающе жаркий, солнце припекает, а от дождя, который властвовал пару дней назад, не остаётся даже намёка. Я люблю дождь, если, конечно, он не длится неделями. И жару тоже люблю, но не тогда, когда я дико злюсь на весь мир, а каждая его составляющая только и делает, что раздражает меня ещё сильнее.

Я возвращаюсь в общежитие, перед этим сделав большой крюк по городу, чтобы проветриться, паркую свой мотоцикл на стоянке и решительно иду в сторону дверей. На крыльце уже вижу знакомую фигуру, которая стоит с сигаретой в руках прямо рядом со знаком, запрещающим курить.

Андрей, или, как его ещё называют друзья по страйкболу, Таран, стоит в своих фирменных военных штанах, в белой футболке, в кепке и с очками, скрывающими глаза, и, очевидно, дожидается мою персону. После того, как я с ним познакомилась, парень неестественно навязчиво пытается выловить меня при каждом удобном случае, а с тех пор, как я рассказала ему про карточки и втянула в историю с анонимом, рыжий вообще от меня не отходит. Это иногда бесит.

Вообще, если посудить, Андрей весьма симпатичный мальчик, да и помогает мне с письмами. Вот и работу даже подогнал, только забыл предупредить, что меня на собеседовании будет ждать развратный тошный мужик.

У нас с ним могло бы даже что-нибудь получиться, если бы я не была загружена проблемами и прочей чепухой. Сейчас я даже думать не могу об отношениях, а каждый раз, когда между мной и Тараном возникает некая искра, я вспоминаю Егора и начинаю злиться ещё больше. Я готова убивать каждого, кто притронется ко мне, даже таких милашек, как Андрей.

А ещё меня немного напрягает то, что он в одной команде с моей сестрой, о чём я узнала совершенно случайно. Кстати, когда за Тараном приезжали его друзья, я не просто так подумала, что где-то видела одного из них. Это, скорее всего, был Миша. Просто видела я его только на фотографиях, да и то три года назад. Вот и сразу не признала.

Но всё равно это чертовски странное совпадение! А учитывая ситуацию с анонимом, так вообще до безрассудства ненормальное и подозрительное. Вряд ли я сейчас вообще могу кому-то доверять на все сто процентов. Если аноним следит за мной, то, большая вероятность, что он послал ко мне, да и не только ко мне, подставных пешек. Он же не в силах одновременно следить и за мной, и за Машей и за парнями. Я просто на все сто уверена, что где-то рядом со мной есть кто-то, кто шпионит за моими действиями, а так как с Андреем я общаюсь на данный момент больше всех, то, держу пари, что это именно он.

Хотя, может быть, я ошибаюсь.

Но всё равно нужно быть начеку, а самое главное, не подавать виду, что я в чём-то его подозреваю.

— Ну, как прошло собеседование? — интересуется Таран, когда я подхожу ближе к нему.

— Ну, так себе, — бурчу я. — Меня вроде как взяли, но у меня нет никакого желания там работать.

Я собираюсь попросить у парня сигарету, но передумываю.

— Почему? — он затягивается, смотря на меня сверху вниз.

Я взбегаю по ступеням и останавливаюсь рядом с ним.

— Там управляющий слишком отвратительный, — морщусь я. — Иу-у-у... У него такие стрёмные усики и пот на лице... ему вредно работать в заведениях, где продают еду.

Андрей смеётся.

— И что делать будешь?

Я пожимаю плечом.

— Поищу что-нибудь ещё, — заверяю я.

Парень внимательно смотрит на меня, затем снова затягивается, и едкий дым разлетается по пространству. Я облизываю губы, осматриваясь, словно ожидая, что сейчас из кустов выпрыгнет вахтёрша и начнёт орать, чтобы мы не курили на крыльце.

— Хотя это был бы неплохой вариант, — задумчиво тяну я. — Там кормят бесплатно. Отстойно, наверное, но всё равно. Ладно, я пошла. Увидимся.

— Ага.

Я коротко улыбаюсь, направляясь к зданию, где противная вахтёрша сидит в своей кабинке и смотрит очередной сериал. Не обращая на неё никакого внимания, я проскальзываю к лестнице и поднимаюсь на нужный этаж. Бабка ко мне уже привыкла и даже перестала требовать пропуск. Хотя я всё равно его не показываю, потому что у меня его нет. Задерживают выдачу и всё такое. Чёрт их разберёт.

В квартире снова стоит тяжёлый запах дыма, хотя утром я тщательно выветрила кухню, чтобы было проще дышать. Очевидно, Лена уже вернулась из своего путешествия домой за припасами и деньгами и снова принялась за старое. Когда-нибудь я выкину её в окно, чтобы больше не курила так много дома. Как у неё ещё рак лёгких не развился?

Я прохожу в свою комнату, плотно закрываю за собой дверь и заваливаюсь на свою кровать, даже не сняв обувь. Подложив под голову руки, я устремляю взгляд в потолок и начинаю задумчиво хмуриться, обдумывая все произошедшие недавно событий. После того, как я встретила Яну Куркину, писем от анонима не было. Либо я сделала всё правильно, ибо никаких заявлений, что я ошиблась и облажалась не было, либо аноним просто ещё не знает об этом, поэтому и не пишет. В любом случае, расслабляться нельзя.

Держу пари, что после нашего воссоединения, каждый из четвёрки получил подобное задание от анонима. А, так как мне он написал, что говорить им об этом нельзя, то вряд ли кто-нибудь проболтается. Но вся фишка в том, что если мы будем знать общую картину, то и вычислить преследователя будет проще. Нужно как-нибудь связаться с Машей и поговорить на эту тему, потому что с парнями я не хочу иметь никаких дел, особенно со Штормовым. Сестра — лучший вариант.

Чёрт... я прикрываю глаза, сильно прикусывая губу. Как же всё сложно!

John Murphy — 28 Weeks Later

Егор.

Всё должно было пройти гладко. Шершень поговорила с Арчи и обсудила с ним дальнейшие планы. Она была права — этот странный тип согласился помочь мне с анонимом, потому что это было в его интересах. Если потонет «Конечный пункт», то лишь дело времени, когда и Арчи тоже разоблачат.

У нас был план: пока я играю по правилам анонима, люди бывшего мужа Шершня ищут его и пытаются обезвредить всех шестёрок, которые связаны с этими письмами. Я не знаю, можно ли рассчитывать на Арчи, потому что не доверяю ему. Меня гложет противное чувство беспокойства, что я что-то где-то упускаю, но понять, что же именно, у меня не получается.

Я нахожусь на самодельном ринге в гараже Арчи, стою напротив Антона, которого, по идее, должен тренировать, чтобы отработать долг в половину миллиона, и думаю обо всём, что творится в моей жизни. У нас спарринг, но мои мысли летают совершенно в другом месте, а тело действует настолько машинально и идеально, что даже я удивляюсь этому.

Аноним следит за мной, возможно, даже прямо сейчас. Если он узнает, что я подговорил Арчи найти его, то всему плану конец, но он не узнает. Не сможет, потому что меня не было на встрече, я вообще в этом не замешан. Если только кто-то из приближённых Арчибальда шпионит, или же, возможно, даже сама Шершень на стороне преследователя.

Но я знаком с Аней достаточно, чтобы не подозревать её. Хотя, с чем чёрт не шутит. В этой ситуации сложно сказать, кто на твоей стороне, а кто притворяется.

Я уклоняюсь от неумелого удара Антона и отступаю в сторону. В мыслях пронесётся образ Сони Розиной, и злость вспыхивает, словно кто-то умный додумался подлить в огонь бензин, и я сильным ударом сбиваю противника с ног, после чего отступаю и бросаю едкое:

— За ногами следи. У тебя колени, словно брёвна. Ты же не тёлка, чтобы быть поленом, — сплёвываю я.

Антон не отвечает. Он вообще ни разу при мне не разговаривал. То ли у него проблемы с головой, то ли он вообще не может говорить. Чёрт его разберёт, а спрашивать у меня совершенно нет желания, потому что, если я завяжу с ним хоть какой-то разговор, не касающийся тренировок, то всё, пиши пропало.

Парень поднимается на ноги и снова начинает нападать, как я его учил в прошлый раз, а я лишь защищаюсь и ставлю блоки, продолжая думать о своём.

О Матвее не было слышно уже два дня. Дома его нет, а на работе у Шершня он не появлялся со вчерашнего вечера. Последний раз Лёша его видел, когда тот пришёл за деньгами после очередного своего заказа, а после исчез. Телефон молчит, никаких вестей, ни звонков, ни сообщений. Надо будет поискать его сегодня после тренировки. У меня плохое предчувствие.

Ставлю блок и ухожу в сторону от замаха парня, кулак ударяет мне в плечо. В гараже нет никого, кроме нас двоих, никто не может нас увидеть или подслушать, и шпионить за нами тоже неоткуда. Интересно, как именно аноним собирается узнать о том, что я выполнил его условия? Либо он сам следит, либо...

Я снова отправляю Антона в нокаут — парень падает на спину и лежит, тяжело дыша и пытаюсь прийти в себя. Не смотря на то, что он довольно неплохого телосложения, да и во время нашего первого боя показал себя более-менее сносно, сейчас он выглядит таким жалким, что волна отвращения окутывает моё горло. Я фыркаю и снимаю перчатки, разочарованно смотря на противника.

— С меня хватит, — бросаю я. — Передай Арчи, что я больше не буду тренировать такого неудачника, как ты.

Вот и всё. Я сделал это. Я вступил в игру, и проворные пальцы кукловода задёрнули прочно прикрепленные к моему телу нити. Вот только этот аноним ещё не знает, с кем связался. Он понятия не имеет о последствиях. Как же сладка будет моя месть, когда я доберусь до него.

Антон удивлённо хлопает глазами, смотря на меня снизу вверх, но я не собираюсь объясняться. Я отворачиваюсь, даже не скрывая своего отвращения, спускаюсь с ринга и направляюсь к выходу. Хватаю свою куртку с коробки, стоящей возле дверей, и быстро натягиваю на себя. Чувство опустошённости прокрадывается в мои лёгкие и заполняет их, словно густой поток вязкой жижи. Я сплёвываю на асфальт и уверенно направляюсь к своей машине — малышка оживает от моих прикосновений и срывается с места.

Всё должно было пройти гладко. Аноним не мог знать, что я связан с Арчи и что тот задумал отыскать преследователя, чтобы не сесть за решётку за продажу наркотиков. Он никак не мог узнать о том, что Шершень разговаривала с бывшим мужем и подговорила его помочь нам. Об этом должны были знать только мы трое. Арчи сказал, что я должен продолжать играть по правилам отправителя, сказал, что пришло время выставить новую фигуру на шахматное поле, а именно себя. Он нарёк себя королём, вот только в шахматах он слишком незащищён, чтобы делать всё правильно.

Домой я приезжаю поздно, примерно за полночь, потому что всё время после тренировки с Антоном, я катаюсь по городу и ищу Матвея. Ни на работе, ни дома, ни даже в его излюбленных местах я так и не нахожу друга.

С ним, конечно, и раньше такое бывало. Он исчезал на несколько дней, потом как ни в чём не бывало, возвращался обратно. Наверное, не стоит так переживать за него.

Закрывая машину и направляясь к подъезду, я думаю о своей сбежавшей кошке, которая так и не вернулась. После вторжения анонима, который разгромил мою квартиру, дверь была открыта. Моника, скорее всего, сбежала и прячется где-нибудь в подворотнях.

Теперь её уже вряд ли можно найти...

Я захожу в подъезд и медленно поднимаюсь по лестнице, думая о том, что хуже в моей жизни быть уже ничего не может. Как оказалось, может.

На лестничной клетке стоит Кристина и курит прямо возле перил. Она внимательно наблюдает за мной, пока я поднимаюсь по ступеням, затягивается и шумно вздыхает. Не нравится мне то, с каким выражением она на меня смотрит...

— Егор, — Крис дожидается, пока я поднимусь на площадку и подойду к своей двери. Я уже вставляю ключ и собираюсь повернуть его, когда она меня зовёт. — Надо поговорить.

Я поджимаю губы. Ну, что ещё случилось? Не хочу вообще ничего знать и слышать,

просто оставьте меня в покое. У меня и так проблем навалом.

— Не сейчас, Крис, — говорю я, не оборачиваясь. Наверное, она опять хочет затащить меня к себе, раз я выгнал её мужика, но сегодня у меня нет никакого настроения заниматься ерундой. Я просто хочу лечь на кровати или, как вариант, рядом на полу, и умереть.

— Я беременна.

Ну, здрасте, приехали.

Я прикрываю глаза, глубоко вздыхая. Этого ещё не хватало. Что за напасть, не понимаю? И так жизнь рушится, так ещё и здесь сюрпризы.

Я оборачиваюсь и смотрю на Кристину, которая держит в руке сигарету, чей пепел падает прямо в пропасть между ступенями, и выглядит девушка уставшей и немного бледной.

— С чего взяла, что это мой ребёнок? — не понимаю я. — По любому от твоего предыдущего хахаля.

Она немного кривится, пожимая плечом, а я вспоминаю, как несколько дней назад я переспал со своей соседкой. Я тогда выиграл бой у Антона и облажался в сделке с Арчи. Теперь я должен денег, меня преследует аноним и грозитя лишить работы, Розина объявилась со своими замашками, а тут ещё и Кристина заявляет, что залетела от меня. Чудно! Что ещё ждать от жизни? Инопланетян, атакующих Землю? Я уже ничему не удивлюсь.

— Я не знаю, — признаётся Крис. — Может, твой, может, нет. Это я так, предупредила просто.

— Предупредила? — фыркаю я. — Серьёзно? Знаешь, что? Научись сначала мужиков нормальных выбирать, чтобы я их не выгонял отсюда, — злюсь я. — Это не мой ребёнок, ясно? За неделю он у тебя там образоваться не мог!

Я резко разворачиваюсь, не с первого раза открываю дверь, а затем скрываюсь в квартире. Ну, за что мне всё это? Час от часу не легче...

Noize MC — Чайлдфри

Егор.

Звонок в дверь разрывает моё брэнное существование на части и заставляет меня вырваться из нагнетающих мыслей и проблем, в которых я тону. На работу я не хожу, так как Шершень запретила мне там появляться в ближайшие дни, чтобы не привлекать внимания, а проводить целые дни дома оказалось куда труднее, чем я предполагал.

Направляясь к незваному гостю, я искренне надеюсь, что это не кто-то из прихвостней Арчи. Скорее всего, это Кристина, которая в последнее время постоянно ошивается возле моей квартиры и поджидает меня, словно собираясь в очередной раз обвинить в том, что я заделал ей ребёнка, потому что это совершенно не так. Ну, не может она залететь от меня. Никак. Вообще. Ни разу. Надеюсь, она не собирается повесить на меня всю ответственность, ведь, держу пари, её бывший вряд ли захочет сюда возвращаться.

Я бросаю взгляд на своё отражение в грязном зеркале, висевшем в коридоре на стене, замечая, что у меня бледный и осунувшийся вид, и думаю о том, что неплохо было бы отдохнуть и развеяться. И надо немного волосы отрезать, а то выгляжу лохматым оборванцем.

Дома прохладно, но я в одних спортивных штанах. Надо бы кофту для приличия накинуть, но мне так лень...

По привычке хочу обернуться, чтобы проверить, не собирается ли Моника воспользоваться моментом и сбежать, но потом вспоминаю, что она уже это сделала, и неприятная тоска обрушивается на меня, словно ледяная вода.

Я открываю дверь и уже собираюсь недовольно спросить, что именно гостям понадобилось от меня так срочно, раз они даже не предупредили о визите, но мой взгляд падает на двух полицейских, загораживающих выход, и я замираю. Два мужчины в форме с чёрными кожаными папками для документов в руках, которые они обычно носят с собой, чтобы записывать показания или ещё что-нибудь, стоят напротив меня и спокойно всматриваются в моё лицо, словно пытаюсь узнать, тот ли я человек, который им нужен. Левый из гостей выше правого, и у него на подбородке противная волосатая родинка. Зато у правого прикольный шрам зигзагом под правым глазом. Странный Гарри Поттер, блин.

Я сглатываю, думая о том, что аноним всё-таки сдал «Конечный пункт», рассказав полиции, что там продаются наркотики, значит, клуб закрыли, Шершня повязали, а следом и Арчи. А раз я числюсь как работник (хотя это трудно сказать) в «Конечном пункте», то они и ко мне решили наведаться. Но я ведь сделал всё, как сказал аноним. Неужели, его слова — просто брешь?

— Егор Штормов? — спрашивает высокий.

Я сильно сжимаю челюсть. Если они действительно пришли из-за клуба, то меня могут закрыть далеко и надолго, а у меня как-то нет желания отправляться за решётку из-за косяков других. Я вообще в торговле не принимал никакого участия и всегда был против

этого...

Я киваю, просчитывая все возможные варианты развития событий, вплоть до побега, но если я попытаюсь оказать сопротивление, то могу ещё больше навлечь проблем на свою голову. Чёрт, что же делать...

— Вы знаете этого человека? — низкий достаёт из своей папки фотографию и показывает мне, держа её передо мной двумя пальцами.

На снимке изображён Матвей.

— Эмм, — тяну я. — Да, — бормочу я, вдруг мысленно чертыхаясь, что надо было сказать «нет», тогда бы и у меня проблем не было, и у друга тоже, но возвращать слова обратно уже поздно. — А что он сделал?

— Нам поступило анонимное сообщение о том, что в квартире Матвея Иркутского находятся наркотические вещества, незаконно приобретённые у неизвестного лица, — спокойно говорит низкий.

Я хмурюсь. Анонимный звонок по поводу незаконных веществ в квартире? Держу пари, это наш преследователь постарался. Неужели, Матвей отказался играть по его правилам? Скорее всего, ему тоже пришла карточка с заданием, как и мне, а если это действительно так, то и Розины в таком же положении. Это и радует и расстраивает одновременно.

— У Матвея наркотики? Да нет, бред какой-то, — трясую головой. — Единственные таблетки, которые он пьёт, это от головной боли. У него травма была года три назад, — я поспешно замолкаю.

— Протий можно? — высокий кивает на мою квартиру.

— Документы покажите, — прошу я.

Полицейские неохотно достают из нагрудных карманов удостоверения и показывают мне, открывая. Я скольжу взглядом по именам и должностям, которые тут же вылетают у меня из головы из-за множества других мыслей. Вот проблем с полицией мне только для счастья не хватало, надеюсь, не заберут как соучастника.

— Ордер то у вас есть, чтобы обыскивать меня? — бурчу я, отходя в сторону на пару метров.

Полицейские заходят внутрь и прикрывают за собой дверь, но дальше не проходят. Они осматриваются, словно пытаюсь найти улики, и только после этого низкий говорит.

— Мы пришли не досматривать Вашу квартиру, — говорит высокий. — Но если понадобится, можем взять ордер.

Я скрещиваю руки на груди, мол, и что дальше?

— Когда Вы в последний раз видели Матвея Иркутского? — спрашивает низкий, открывая свою папку и доставая ручку, чтобы записать мои показания.

Я задумчиво прикусываю губу. Та-а-ак... Когда я видел этого идиота?

— Ну... Где-то неделю назад, может быть. Пять дней... я не помню, — пожимаю плечом.

Я наблюдаю за тем, как полицейский что-то записывает.

— В каких Вы с ним отношениях?

— Он мой друг, — спокойно говорю я. — И повторяю, я ни разу не видел у него запрещённые вещества. Только таблетки от головной боли, которые ему выписывает врач.

Высокий полицейский продолжает осматриваться, словно ища хотя бы одну улику, что Матвей находится у меня дома, но его здесь нет, и даже если они устроят тут обыск, всё равно ничего не найдут.

— Мы уже были у его врача, — говорит высокий. — Нам сказали, что подозреваемый уже больше полугода не был на приёме. И таблетки ему не выписывали.

Я пожимаю плечом.

— Он не маленький, чтобы следить за ним, а я не его нянька, — спокойно тяну я.

— Мы были у него дома вчера вечером, — низкий поднимает голову и смотрит на меня исподлобья своими карими глазами. — Матвея там, конечно, не нашли. Зато изъяли сильные транквилизаторы. Их обычно выписывают при тревожных расстройствах, но у вашего друга не был зафиксирован ни один поход к психиатру или вообще к какому-либо врачу, следовательно, таблетки были приобретены без рецепта. То есть незаконно.

Я опускаю взгляд и качаю головой.

— Понятия не имею. Я в этом не ничего не смыслю, — бросаю я. — Я знаю, что он пьёт таблетки из-за головной боли, но я не фармацевт, чтобы разбираться в колёсах.

— Хорошо, — низкий снова что-то записывает. — А что Вам известно на счёт записок, которые Матвей собирает на стене у себя дома? Они весьма... странные. Не замечали за другом никакого странного поведения? Может быть, какие-нибудь отклонения...

Я молчу, потому что прекрасно знаю, откуда у Матвея дома карточки с бредовыми посланиями, но если я расскажу об этом, то мне придётся признаться, что и мне тоже приходят письма от анонима, а если я это сделаю, то преследователю вряд ли понравится такая самодеятельность. Пострадаем мы все.

— Понятия не имею, — бросаю я. — Он любит детективы и подобную ересь. А, может быть, ему приходят письма с угрозами. Вот, найдёте его и спросите.

Полицейские смотрят на меня так, словно я совсем дурачок, но я делаю невозмутимый вид.

— Ладно, — низкий закрывает свою папку. — Спасибо за информацию. Если Матвей появится, сообщите нам.

Он протягивает мне визитку, и я неохотно забираю её.

— Всего доброго, — кивает второй полицейский и, последний раз подозрительно осмотрев коридор, открывает дверь и выходит.

Низкий кивает мне и следует за напарником.

— До свидания, — бурчу я, закрывая за ними дверь.

Я вздыхаю и смотрю на визитку. И где тебя черти носят, Иркутский? Во что ты снова вляпался?

Матвей.

За день до этого.

Я возвращаюсь домой из магазина, куда ходил за сигаретами, и на ходу прикуриваю, так и не сумев сдержать дикое желание наполнить лёгкие никотином. Неделя выдалась, скажу вам, так себе. Последние дни я пропадал у Нади, девушки, которая скупает травку у моего начальника. Никто о ней не знает, даже Егор, и мне это на руку. Я могу пропадать у неё и наслаждаться покоем: без анонима, наставлений Штормова по поводу врачей и работы и даже без головной боли. Плюс ко всему у Нади есть много чего интересного, да и она сама

не против, когда я прихожу.

Поворачивая за угол, я резко останавливаюсь и отступаю обратно, прячась за зданием. Возле моего подъезда стоит полицейская машина — меня охватывает ужас и неприятная скованность, сдерживающая мои движения. Сердце пропускает удар — я выплёвываю сигарету, внимательно вглядываясь в копа, который стоит рядом с авто и курит.

Неужели, они приехали ко мне? Я вспоминаю слова анонима, который грозился натравить на меня копов, если я не пойду в больницу. К врачу я, конечно же так и не пошёл, да и вообще не собираюсь этого делать. Если это действительно так, то они приехали из-за незаконных наркотиков, которые, якобы, находятся у меня в квартире, но кроме транквилизаторов там ничего нет. Надеюсь. Не подбросили же...

Я облизываю сухие колючие губы и с трудом сглатываю. Нельзя возвращаться домой, даже если копы приехали к соседям. Не хочу рисковать.

Я поспешно разворачиваюсь и направляюсь в противоположную сторону, собираясь вернуться в место, куда никто никогда не доберётся. К Наде. В квартиру мне в ближайшие дни нельзя приходить, меня там будут ждать. Егора тоже по любому привлекут. Хорошо, что никто не знает, где я неофициально подрабатываю, а то и «Конечный пункт» прикроют. Шторм меня тогда выпотрошит.

До девушки я добираюсь быстро — она открывает дверь и как обычно улыбается, когда видит меня.

— Не ждала тебя, — Надя отступает, пропуская меня внутрь, я и поспешно врываюсь в её квартиру.

— Решил заглянуть, — улыбаюсь я. — Ты же не против, если я потусуюсь у тебя пару дней?

Она пожимает плечом и разворачивается, направляясь на кухню.

— Хоть месяц, мне без разницы, — бросает Надя. — Кстати... Тебе минут двадцать назад какое-то письмо пришло. На тумбочке в коридоре лежит.

Я замираю, так и не сняв до конца кроссовки. Письмо? Мне? Нет. Не может быть. Аноним не может знать про это место. Никто не знает...

Я скольжу взглядом по тумбочке и замечаю белый конверт с моим именем. Матвей.

Медлю, сглатываю, а потом хватаю письмо и открываю, доставая карточку.

«Я же предупреждал, Матвей. Не будешь меня слушаться, пожалеешь. Полиция — это только начало. Почувствуй на своей шкуре, что значит постоянно оглядываться по сторонам. Не волнуйся, адрес твоей подружки я никому не скажу. Так что можешь спокойно прятаться у неё, сколько влезет. Но предупреждаю: в следующий раз всё будет куда хуже».

Noize MC — Марафон

Маша.

— А-а-а... Я заболела, — ною я, шмыгая носом, пока Миша собирается на работу.

Шторы плотно занавешены, и я уже несколько дней не позволяю солнечному свету проникнуть в квартиру. Мне так спокойнее, не приходится каждый раз, смотря в окно, думать о том, что за мной могут следить прямо в этот момент.

— Ну, молодец, — бурчит Кузнецов. — Нечего минеты на морозе делать...

— Сейчас лето, дурачок, — я зарываюсь в одеяло с головой.

Тело ломит, двигаться совершенно нет сил. Наверное, у меня температура. И где я только умудрилась подхватить заразу? Не представляю. Вроде из дома даже не выходила последние дни, взяла на работе парочку выходных, а теперь ещё и на больничный придётся уходить. Хотя, это мне только на руку.

— Таблетки в аптечке, — бросает парень. — Если хуже будет, позвони, я куплю на обратном пути что-нибудь.

— Ага...

Я высовываю из-под одеяла руку и нелепо машу ею, мол, приказ понят. Миша не отвечает. Он выходит из комнаты, затем через пару минут возвращается.

— Я пошёл, закрою тебя, — говорит парень. — Держи кота...

Кузнец бросает Лорда прямо на меня, и животное больно вонзается своими лапами мне в бок. Я тихо стону, пока кот нагло пробегает по всему моему телу и спрыгивает на пол. Слышу, как Миша выходит из комнаты и шумно возится в коридоре. Громко хлопает дверь, и плотная тишина наваливается на меня с пугающей силой. Тревожность сковывает мои лёгкие, и я вздыхаю. Настроения никакого нет, голова раскалывается, кости ломит, да ещё и насморк противный.

И всё-таки, где ж я так умудрилась заболеть?

Проходит много времени, прежде чем я выползаю из своего убежища и поднимаюсь с кровати. Голова начинает болеть из-за того, что кровь ударяет в голову, но я собираю все силы и плетусь на кухню, чтобы заварить себе чай, а следом выпить какого-нибудь колдрекса или фервекса. Надеюсь, что у меня нет температуры...

Соня.

«Слышал, что ты передумала идти работать в ресторан, который подогнал тебе твой друг? Ай-ай-ай. Я думаю, что тебе стоит вернуться туда и согласиться на работу, а то маленькой девочке будет очень плохо. И я говорю не про отсутствие денег».

Какая причина должна быть у человека, чтобы заставить его устроиться на работу к противному тошному мужику, который вызывает лишь одной мыслью о себе отвращение?

Думаю, что очередное чёртово письмо от неизвестного преследователя. И вот теперь я стою посередине кафешки с подносом в руках и в неудобной обтягивающей форме, ожидая, когда же нафуфыренная чикса выберет очередной малокалорийный десерт, чтобы потом всё равно жаловаться на крем или излишние ягоды. Парень, сидящий рядом с ней, пялится на свою спутницу так, словно это суперзвезда. Ещё бы рот от восхищения открыл... Но, судя по его внешнему виду, ему всё равно ничего не светит.

— Мне вот это, — девушка показывает наманекюрным красным ногтем на пирожное, а затем манерно поджимает губы. — И кофе. Без сахара.

— И мне то же самое, — поспешно говорит её спутник.

Я бросаю взгляд на заказ, затем смотрю на посетительницу и вскидываю бровь, мол, это всё? Но блондинка хлопает длинными накладными ресницами, совершенно не понимая моего немого вопроса.

— Что-нибудь ещё? — пытаюсь сделать голос как можно приветливее, но получается не особо хорошо.

— Нет, спасибо, — манерно говорит девушка.

Я ещё несколько секунд пялюсь на неё, пытаюсь понять, притворяется она или же у неё от природы такой маленький мозг, затем разворачиваюсь и направляюсь в сторону кухни, чтобы передать им заказ.

Работать официанткой, скажу я вам, не очень интересно. Целый день на ногах, постоянно принимаешь заказы и носишь туда-сюда посуду со столов. А ещё нужно выучить чёртову тучу блюд и напитков из меню, чтобы нормально ориентироваться в нём. Признаться, я к этому пункту даже ещё не приступала.

И откуда только аноним узнал, что я не собираюсь возвращаться в это кафе? И почему ему так приелось это место? Я могла бы запросто себя другое найти, что-нибудь получше. Неужели он хочет, чтобы я так помучилась?

— Сонь, третий столик, прими заказ, — бросает мне администратор зала, заметив, что я уже возвращаюсь с кухни.

Я поджимаю губы и покорно направляюсь в сторону нескольких парней, которые шумно болтают за столиком у окна. Когда же, наконец, этот день уже закончится? Это только мой второй выход, а я уже хочу уволиться... И почему я не родилась в семье миллионеров? Сейчас бы бед не знала...

Маша.

Весь день я провожу в постели с высокой температурой, наполовину смотря фильм по ТВ, наполовину засыпая. Сил вообще нет, так же как и аппетита, хорошо, что со вчерашнего вечера ещё осталось немного еды, так что можно не утруждать себя готовкой. Миша и это схомячит. На крайний случай можем заказать суши.

К приходу парня мне становится легче, и я даже умудряюсь добраться до кухни и поставить чайник. Кот вьётся вокруг моих ног, так и норовя напасть на меня, но я не обращаю на него внимания. Я подпираю голову рукой и терпеливо жду, когда же чайник, наконец, закипит. Не успевает он даже подать признаки жизни, как входная дверь начинает открываться. Я смотрю на время. Ах, да, уже Миша с работы пришёл...

Парень возится в коридоре — кот убегает встречать его и перестаёт караулить

подходящий момент, чтобы полакомиться моими ногами. Я смотрю на дверь и жду, когда Кузнецов появится в поле моего зрения.

Чайник слегка закипает, когда Миша возникает на виду. Он сначала собирается пойти в комнату, но потом замечает меня и сворачивает на кухню. Парень замирает в дверях, поджимает губы и показывает мне конверт. Я не сразу понимаю, что это очередное письмо от анонима.

Кузнец, кажется, так устал на работе, что даже не хочет никак комментировать происходящее. Он отдаёт мне конверт и уходит в комнату — я ещё несколько секунд смотрю ему в спину, а затем распечатываю конверт и достаю карточку.

«Выздоровливай скорее. У меня есть для тебя задание. Когда я пришлю тебе следующий конверт с указанным адресом, пожалуйста, не открывай его и просто отнеси в нужное место. Если не сделаешь это и если посмотришь, что внутри, я сразу же свяжусь с Соней и расскажу ей всё, что знаю о тебе. Больше не болей».

Я замираю. Как он узнал, что я болею? Я ведь только сегодня с утра слегла, да и из дома вообще не выходила за последние дни, даже не общалась ни с кем. Чёрт возьми.

— Я так и знала, что у нас дома камеры! — ору я, не обращая внимания на упадок сил.

Я вскакиваю на ноги — кровь ударяет мне в голову, и та начинает предательски кружиться, заставляя меня зажмуриться. Я упираюсь рукой в стену и трясу головой.

— Что случилось? — Миша выходит из комнаты в домашних шортах и в футболке.

Я показываю ему карточку, поджимая губы.

— На, почитай, — отдаю ему письмо. — Это же беспредел. Я заболела только с утра, откуда он мог узнать про это?

Я осматриваюсь, словно собираюсь прямо сейчас найти камеры, спрятанные на кухне.

— Я уверена, что он понатыкал тут жучков! — злюсь я, проходя в центр помещения.

— Опять ты про это, — корчится Миша.

— Ну, а что? Как, вот скажи мне, он узнал? Окна закрыты, я весь день в постели, никуда не ходила и ни с кем не общалась. Он в принципе не мог никак узнать, что я заболела. А угадать такое вообще нереально! — я прикусываю губу. Из-за нервов голова снова начинает раскалываться.

— Ну, я не знаю, — Кузнец устало вздыхает и бросает письмо на стол.

— Да никто не знал про то, что я заболела. Только ты! Ты говорил кому-нибудь? — поворачиваюсь к нему так резко, что всё снова начинает плыть передо мной.

Миша фыркает и подходит к холодильнику.

— Нет. У нас на работе снова авария, я из подвалов не вылезал весь день, даже на обед не ходил, — раздражается парень, заглядывая в морозилку. Книголюб . нет

Я скрещиваю руки на груди, продолжая упорно думать, как же аноним узнал про меня. Ничего на ум не приходит. Я уже начинаю чувствовать себя в какой-то передаче, где тебя разыгрывают и снимают на скрытые камеры. Словно бы я в шоу Трумана.

— Либо у нас дома жучки, — решительно заявляю я. — Либо... — я осекаюсь.

Либо это Миша следит за мной, ибо кроме него вообще никто не знал, что я заболела. Неужели, это действительно он? Нет ни камер, ни подслушки, а есть кое-что похуже. Подставной человек. Что, если он всегда притворялся? С самого начала? Был со мной только ради того, чтобы следить за моими действиями?

— Либо что? — бормочет Миша, захлопывая дверцу. — Может, суши закажем?

Я пытаюсь совладать со своими мыслями и вырваться из ступора, неожиданно

накрывшего меня. Нет, Миша не мог так поступить со мной. Это ведь всё было по-настоящему... Каждый наш день, каждое слово, каждое действие. Да и он всегда раздражался, когда мне приходили письма. Был на моей стороне. Неестественно... злился.

— Маш, — он смотрит на меня так, словно я тупица.

— А? — я вздрагиваю, вырываясь из залипания.

— Суши. Закажем? — повторяет Кузнецов.

— Ага. Я пойду прилягу, голова разболелась. Сделаешь мне чай?

Он кивает — я разворачиваюсь и возвращаюсь в комнату.

Миша действительно шпионит за мной? Просто играет? Чёрт... Что, если это действительно так? Что, если я последние годы только и делала, что катала вместе с ним в онлайн стратегию, не зная ни сюжета ни правил? Мне нужно срочно с кем-то обсудить это. Но с кем?

Something Clever — Best Laid Plans

Соня.

Я прикрываю дверь подсобки, перед этим осмотревшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто не видел нас, затем поворачиваю ключ, который стырила из административного помещения.

— Ты теперь здесь работаешь? — кривится Маша, когда я оборачиваюсь к ней.

Я скрещиваю руки на груди, мол, да и что дальше? На мне белая обтягивающая блузка и джинсы, волосы убраны в пышный хвост. На моей старшей сестре спортивки и кофта с накинутым на голову капюшоном. Она шмыгает покрасневшим носом и осматривается. Выглядит она совсем расклеившейся.

— Типа того, — бурчу я.

Я вспоминаю, как вчера она нашла мою новую страничку «вконтакте» и написала мне, попросив встретиться, чтобы поговорить по поводу нашего всеми любимого анонима. Сказала, что это очень важно и что чертовски секретно, так что никто не должен узнать или даже заподозрить об этом. Мне было слишком интересно, чтобы отказываться, но сам факт того, что я нахожусь в замкнутом пространстве с человеком, с которым у меня связаны неприятные воспоминания и не налажен контакт (хотя у меня мало с кем он налажен), лишь увеличивает дискомфорт.

— Так и? — я говорю тихо, чтобы меня не было слышно снаружи. Всё-таки аноним говорил, чтобы мы не рассказывали о письмах друг другу, а то будет очень плохо. Насколько плохо, я понятия не имею, но рисковать всё-таки не хочется.

Маша вздыхает и отходит к стене, как можно дальше от двери, и мне приходится подойти к ней, чтобы расслышать её тихий голос. Подсобка маленькая, захламленная коробками и слишком пыльная, но здесь нас вряд ли кто-нибудь потревожит.

— Мне кажется, — почти шепчет сестра, — что Миша следит за мной для анонима.

Я смотрю на неё несколько секунд, переваривая слова, затем моргаю и на мгновение прикрываю глаза.

— С чего ты взяла? — не понимаю я, поправляя бейджик на груди с моим именем.

Она смотрит на дверь, и в её взгляде я замечаю нотки беспокойства.

— Не волнуйся, никто нас не услышит, и камер здесь тоже нет, — успокаиваю её я.

Я смотрю на потолок, чтобы самой убедиться в этом, — сестра скользит взглядом по углам и вздыхает. Она явно нервничает, вот только из-за чего? Из-за моего присутствия или же из-за того, что хочет рассказать мне?

— Сначала я думала, что у нас дома камеры и жучки, потому что аноним знал слишком много подробностей из моей жизни, — на грани шёпота говорит Маша, смотря мне в плечо. — Но недавно... — она снова замолкает. — Я специально взяла отгулы на работе, закрыла шторы и вообще не выходила из дома. А потом я заболела. Утром. Сказал об этом Мише, перед тем, как он ушёл на работу, а сама осталась дома. Ни с кем не общалась,

никому ничего не говорила, даже шторы не открывала. А вечером мне пришло письмо... — она снова осекается, и я понимаю, что вот он, момент, о котором предупреждал аноним. Ни слова о карточках. — Там было написано, чтобы я выздоравливала, потому что мне нужно кое-что сделать.

Маша смотрит мне в глаза, снова замолкая. Я терпели жду продолжения рассказа, но она, кажется, не собирается больше ничего говорить. Подождав ещё несколько секунд, я спрашиваю:

— И?

Она поджимает губы.

— Я перерыла весь дом и ничего не нашла. Никаких камер, жучков или чего-то подобного. О том, что я заболела, знал только Миша. Придя с работы, он мне сказал, что никому не говорил про меня, — объясняет сестра. — Следовательно, либо я плохо искала, либо Миша шпионит. Что, если он притворялся всё это время? Докладывает этому придурку всё, что я делаю и говорю. Меня это пугает.

Я прикусываю губу, шумно вздыхая, затем прислушиваюсь, смотря на дверь, словно пытаюсь понять, стоит ли там кто-нибудь или же нет.

Молчание сковывает нас — я смотрю на время и думаю о том, что до конца обеда осталось чуть больше получаса.

— Может, он просто забыл, что говорил про тебя. Заработался, — пожимаю плечом. — Вы же столько знакомы. Встретились ещё когда я в школе училась, — я замолкаю, вспоминая Егора. — Не думаю, что он с анонимом. Ну, зачем ему это? — говорю я, думая совершенно об обратном. Доверять нельзя никому... Совершенно.

— А вдруг он просто притворяется? — не унимается Маша, скрещивая руки на груди. — Смотрела сериал «Побег»? Там Сара после смерти Майкла вышла замуж за чувака. Потом выяснилось, что Майкл жив и работал на «Посейдона», который заставил его бросить родных и подстроить свою смерть. А в конце оказалось, что «Посейдон» — это новый муж Сары, который все годы притворялся, что любит её и играл роль невинной овечки... Что если с Кузнецовым точно так же всё? Что, если это всё было с самого начала задумано? Ещё до того, как мы с ним познакомились?

Я стону, закрывая лицо ладонями.

— Спойлеры!!! — ною я. — Я ещё не смотрела пятый сезон...

Сестра с упрёком смотрит на меня, мол, при чём тут вообще сериал. Я поднимаю голову и смотрю на неё...

— Мы не в кино, — бросаю я. — Сомневаюсь я, что твой Миша шпион. Хотя... — я вспоминаю недавнее письмо, заставившее меня устроиться на эту работу. — На счёт Тарана я не уверена.

— О чём ты? — хмурится Маша.

Я прикусываю губу, снова смотря на дверь.

— Андрей подогнал мне эту работу, — говорю я. — После того, как я прошла собеседование, я не собиралась сюда возвращаться, потому что начальник здесь жутко отвратительный. Я вернулась в общагу, встретила на крыльце Тарана. Сказала ему, что вряд ли соглашусь на эту должность и что поищу что-нибудь сама. Буквально тем же вечером мне пришло письмо от анонима, мол, я слышал, что ты отказываешься от работы и всё такое. Он сказал мне вернуться в это место и согласиться на должность официантки. Я вообще ни с кем не разговаривала на эту тему, только с Тараном. Да и вообще я ни с кем не общаюсь, не

считая Андрея и соседки по общежитию, но та слишком прокурена и туповата, чтобы работать на анонима. И ещё... — я замолкаю, вспоминая, что преследователь запретил мне рассказывать об этом, но я буду не Соней Розиной, если не наплюю на тех, кто меня в чём-то ограничивает. — Аноним заставил меня встретиться с моей бывшей одноклассницей, которая была влюблена в Егора. И сказал, что я должна ей передать «Небо падает»... Хотя он не имел ввиду именно её, он просто сказал, чтобы я пришла туда, где познакомилась со Штурмовым, и поговорила с человеком, которого сразу узнаю. Вообще, я не должна тебе об этом говорить...

Маша задумчиво хмурится, обдумывая мои слова...

— Он сказал, что пришлёт мне письмо, и я должна буду отнести его на указанный адрес, но ни за что не должна открывать конверт, — тянет сестра. Она потирает свою переносицу и хмурится, словно у неё неожиданно разболелась голова. — Не спроста он тебя сюда засунул, — бормочет Маша. — По любому здесь тоже за тобой присматривают. Значит, они в курсе, что мы с тобой виделись. А это не к добру.

— Я об этом не подумала, — признаюсь я. — Надо было найти нейтральное место...

Я смотрю на часы на своей руке, проверяя время.

— Вообще никому нельзя доверять, — заявляю я. — Не парься на счёт Миши. Даже если он и шпионит, будешь вести себя подозрительно, он всё узнает. А если станешь обвинять его, что он с анонимом, а окажется, что всё это совершенно не так, испортишь отношения между вами...

— Да знаю я, — бурчит Маша. — Я просто боюсь уже что-то делать. Постоянно думаю, что за мной следят. Телефон прослушивают, читают сообщения в сети. Я уже не знаю, что и делать. Думаю, может всё-таки в полицию пойти...

— Чушь собачья, ни черта они не помогут, — я качаю головой. — Нам просто надо собраться вчетвером, принести все карточки и обсудить ситуацию. Кто кого подозревает и у кого какие проблемы. Нам нужно действовать вместе, а не поодиночке.

Сестра вздыхает и снова шмыгает носом. У неё покрасневшие глаза из-за аллергии и голос немного охрипший.

— Ладно, — бросаю я. — Мне пора, а то обед уже заканчивается. А ты иди домой и лечись. Как поправишься, обсудим, что делать дальше. Я пока поговорю с Егором и предложу ему идею работать сообща.

— Ага, — она кивает. — Спасибо, что выслушала.

Я пожимаю плечом и направляюсь к выходу, отпирая дверь и выглядывая в коридор. Никого нет, лишь отдалённый шум посетителей долетает до нас, словно из-под воды. Я выпускаю сестру и запираю подсобку.

Собраться вчетвером и обсудить ситуацию? Сказала та, кто бесится лишь от одной мысли о Егоре Штурмове. Действовать с ним совместно у меня вряд ли получится, особенно с его нынешними подколами и издевательствами. И как мне, скажите на милость, собрать всех разом? То же мне, гениальный план...

Arctic monkeys — Cigarette smoke

Егор.

Матвей пропадает с концами. После того, как ко мне в квартиру заявляются следователи, я теряю последнюю надежду на то, чтобы отыскать друга. Его телефон молчит, «вконтакт» парень не заходил уже больше недели, его квартира опечатана и вряд ли Иркутский вообще туда заявится, на работе о нём тоже ничего не слышно.

Кристина продолжает крутиться на лестничной площадке, пытаюсь выловить меня и снова поговорить о своей беременности, но я избегаю её всеми силами, потому что на со процентов уверен, что ребёнок не мой, а чужие проблемы разгрести у меня нет никакого желания, потому что у меня и своих навалом.

От анонима ни звука. После того, как я послал Антона, отказавшись тренировать его, письма больше не приходят, и меня это очень сильно настораживает. У Арчи тоже никаких новостей, по крайней мере, Шершень ничего мне говорит. Но, не смотря на подобное затишье, у меня всё равно остаётся огромная проблема: мне срочно нужно достать шестьсот штук, чтобы погасить долг.

И вот сейчас я сижу в «Конечном пункте» за барной стойкой и пытаюсь придумать, как быстро поднять целую тучу денег, но в голову не лезет ни одна идея. Шершень ставит передо мной очередную бутылку с пивом, но у меня настолько нет настроения, что лень даже шевелиться. Аня не обращает на меня внимания и уходит к другому посетителю, а я остаюсь наедине со своим телефоном, листать ленту социальной сети и надеяться, что на меня с неба упадёт мешок с деньгами.

Боже... Я ещё так молод, чтобы париться из-за таких глобальных проблем. Мне бы развлекаться на вечеринках, ходить в универ на пары (куда я даже не собирался поступать), и тратить деньги родителей, попутно зарабатывая на карманные расходы, но вместо этого я должен половину миллиона пугающему наркоторговцу, меня преследует помешанный аноним со своими глупыми письмами, да ещё и соседка по лестничной клетке утверждает, что залетела от меня.

Можно мне начать заново? Я понял, как именно нужно играть в жизнь.

Рядом со мной кто-то садится, но я не обращаю на это внимания. Мало ли, кому приспичит присесть на соседний стул, чтобы пропустить парочку стаканов виски. Я продолжаю листать ленту «вконтакте», а когда она мне надоедает, я выпрямляюсь и хватаю бутылку, которую услужливо поставила передо мной Шершень. Подношу горлышко к губам и делаю глоток, а после со стуком ставлю предмет обратно на столешницу.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, я поворачиваю голову в сторону посетителя, который присел рядом со мной пару минут назад, и замираю, потому что мой взгляд въедается в человека, которого я вообще не ожидал сегодня (да и вообще в дальнейшей жизни) увидеть.

— Привет.

Розина-младшая, наконец, подаёт голос, когда я замечаю её. Я отворачиваюсь, пытаюсь

сделать вид, что не узнал девушку, но потом снова возвращаюсь к ней.

— Что ты тут делаешь? — не понимаю я.

Она пожимает плечом и делает небольшой глоток виски с колой из стакана, стоявшего перед ней. Я вглядываюсь в её профиль, пытаюсь узнать знакомые черты, которые остались в моём прошлом, но ничего не выходит. Розина настолько изменилась, что в ней больше не осталось той девчонки, которая привлекла моё внимание в школьном коридоре.

— Хотела поговорить, — тянет девушка, снова смотря на меня. — По поводу нашего излюбленного анонима.

Я напрягаюсь, осматриваясь по сторонам, но в зале играет живая музыка, а гости слишком увлечены своими собственными делами, чтобы подслушивать нас. Соня пристально всматривается в мои глаза, затем поворачивается на стуле и тянется к моему лицу, словно собираясь поцеловать. Я смотрю на её влажные губы, и противная предательская мысль вонзается в самый дальний уголок моего сознания, говоря о том, что я всё-таки хочу поцеловать их, но в последний момент девушка меняет траекторию и приближается к моему уху.

— За мной могут следить, так что делай вид, что флиртуешь со мной, — Розина говорит это томно и слишком слащаво. Её рука упирается мне в бедро слишком близко к паху — я вдыхаю запах сладких духов, и стая мурашек пронзает мою спину своими тонкими иголками. — Мы решили, что стоит собраться вчетвером и обсудить всё, что мы знаем про анонима, не смотря на его угрозы, чтобы мы ничего не рассказывали друг другу. Так у нас будет больше шансов вычислить его.

Я думаю про Арчи, который как раз занимается этим, и сомнение проникает ко мне в душу. Что если этой попыткой мы сделаем только хуже? На кону не только «Конечный пункт», но и моя свобода. Хотя, учитывая ситуацию с Арчибальдом, я всё равно чувствую себя запертым в клетке.

— Скорее всего, я знаю того, кто следит за мной и за моей сестрой, — продолжает Розина, обжигая меня своим горячим дыханием. — Возможно, рядом с тобой тоже есть кто-то, кто постоянно наблюдает, а, следовательно, сдаёт твои действия анониму. И рядом с Матвеем, скорее всего, тоже.

Я бросаю взгляд на Шершня, которая вообще не обращает на меня никакого внимания, разговаривая с очередным посетителем, и думаю о том, а может ли она быть на месте шпиона? Тогда клуб и я обречены. Но ведь это заведение принадлежит Ане, и если его закроют, то проблемы будут как раз-таки у неё. Вряд ли она следит за мной для анонима...

— Никто не должен знать о том, что я тебе сказала, — говорит Розина. — Если ты согласен встретиться вчетвером и обсудить всё, положи мне руку на талию прямо сейчас.

Я замираю. Разум слегка затуманен алкоголем и посторонними мыслями, а такая близости с девушкой из прошлого только отвлекает от её слов. Кажется, я вообще прослушал всё то, что она только что мне рассказала. И что мне делать? Положиться на Арчи и ждать, пока он решит все мои проблемы, или же рискнуть и самому разобраться со всем? Чёрт... А будь, что будет.

— Матвей пропал, — говорю я, неуверенно положив руку на тонкую талию девчонки. Раньше прикосновения к ней были какими-то иными, словно рядом со мной вовсе не Розина, а какая-то другая девушка, которая решила притвориться мой старой любовью. — Аноним натравил на него копов, и парень где-то залёг на дно. Я не могу с ним связаться.

Соня накрывает мою руку своими тонкими пальцами и кокетливо убирает в сторону.

— Тогда тебе нужно поспешить и найти его, — голос девушки становится немного холодным. — В любом случае мы должны собраться все вместе и обсудить то, что будем делать.

Она отстраняется, улыбаясь так, словно только что сказала мне нечто пошлое и неприличное, а затем садится ровно и снова хватается пальцами стакан, делая небольшой глоток. Я внимательно наблюдаю за ней, пытаюсь понять, что творится на уме у этой девчонки и почему она вообще соизволила сама заявиться ко мне и предложить подобное. Могла бы послать свою сестру...

— Рада была повидаться, — бросает Соня, залпом допивая свою порцию. — Заплатишь за меня?

Она улыбается, поднимаясь с места, а я даже не успеваю ничего сказать в ответ. Мысли переполнены и спутаны, голова раскалывается от всего, что навалилось на меня за последние дни, и, когда Розина разворачивается и направляется к выходу, я даже не пытаюсь её остановить.

Как бы мне хотелось, чтобы всё это было просто сном. И аноним, и Арчи и сломанный позвоночник. Хочу проснуться у себя в комнате в квартире родителей, зайти в социальную сеть и прочитать любовное послание от Сони из прошлого. Было бы идеально. Если бы я мог всё изменить, я бы для начала рассказал бы про Малийского родителям, как моим, так и Розиной, пусть бы они разбирались с подобным. И я бы ни за что на свете не согласился на идею Матвея выловить Сашу самостоятельно. Возможно, тогда моя жизнь сложилась бы иначе...

Но сейчас я могу только сидеть за барной стойкой и махать Шершню, чтобы она принесла мне ещё парочку бутылок пива. И больше ничего...

deTach — Bluff

Маша.

«Ты где?», — пишет мне Миша, когда я покидаю квартиру, чтобы отнести таинственное письмо, которое мне прислал аноним, по указанному адресу. Открывать я его побоялась, особенно при Кузнецове, вдруг он действительно шпионит за мной, а потом расскажет всё преследователю. В принципе, было бы легко подделать конверт, адрес на нём напечатан и приклеен сверху, так что можно было бы легко купить обычный белый конверт, распечатать адрес на принтере, а затем аккуратно приклеить, но я не стала рисковать.

Я понятия не имею, что там внутри. По ощущениям, просто бумажка. Наверное, какое-то письмо, вот только кому и зачем? Надеюсь, что там нет ничего криминального, и у меня потом не будет проблем. А то с этой паранойей я скоро сойду с ума, мне даже в туалете кажется, что за мной следят. А открывать конверт, который запрещали трогать, у меня вообще нет никакого желания. Лучше не знать, что там внутри.

Нужный адрес находится в районе города, где я вообще практически никогда не бываю. Мне приходится, во-первых, воспользоваться навигатором, а, во-вторых, поспрашивать дорогу у местных жителей. В итоге я кое-как нахожу нужный дом, и мне даже чертовски везёт с домофоном, потому что дверь открыта, а грузчики таскают какие-то коробки.

Не обращая на мужчин внимания, я захожу в подъезд, оставляю в нужном почтовом ящичке письмо, а после убедившись, что меня никто не видел, покидаю «место преступления». Дело сделано. Надеюсь, что аноним оставит меня в покое и перестать преследовать, иначе такими темпами я точно попаду в дурку.

«Я вышла прогуляться. В магазине сейчас», — пишу ответ Мише, когда завершаю своё тайное задание.

«Дура? Ты же болееешь ещё».

«Я ненадолго. Надоело в духоте сидеть. Уже вернулся с работы? Ты рано».

Я листаю диалог «вконтакте» чуть ниже и нахожу сообщения от своей сестры, которая написала мне, что договорилась с Егором о встрече, вот только нужно сначала дождаться, пока он отыщет Матвея. Парень вроде как где-то прячется, потому что аноним натравил на него полицию. Его угрозы явно не пустые слова: если мы что-то сделаем не так, преследователь точно решит подпортить нам жизнь, и я уже начинаю сомневаться, что собраться вчетвером — это хорошая идея. Нужно всё сделать по-тихому, чтобы никто ничего не узнал, иначе всё будет напрасно, и мы потеряем преимущество.

«Я заскочил на обед, — пишет мне Миша. — А тебя нет дома».

«Маш».

«Маж».

«Ну, Маш».

«Машь».

«Шма».

«Шам».

«Мах».

«Э-э-э».

«Ма-а-а-а-а-аш».

«Машка».

«Мань».

«Маша, бля».

«Каза».

Я блокирую экран, пряча телефон в карман кофты, но сотовый продолжает вибрировать, оповещая меня о многочисленных входящих сообщениях, которые без конца присылает мне Кузнецов. Вздохнув, я выбираюсь на главную дорогу и направляюсь прямо к остановке, чтобы поймать маршрутку и вернуться домой. Возможно, стоит заскочить в магазин и прикупить себе что-нибудь вкусненькое, чтобы поднять настроение... Возвращаться домой и встречаться с Мишей у меня вообще нет никакого желания, так что лучше подожду, пока он снова уйдёт на работу.

«Что-о-о?» — пишу я.

«Домой пиздуй, болезнь».

«Ага».

«Не ага, а щас прямо. Я жду».

Я вздыхаю и вскидываю руку, замечая нужную маршрутку. Транспорт плавно тормозит рядом со мной, двери открываются, и я поспешно забираюсь внутрь, сразу отдавая водителю за проезд. После сажусь на свободное сидение.

«Жди», — пишу в ответ.

«Так, блять».

«Маш».

«Не еби мне голову».

«Я жду тебя через пятнадцать минут».

Ждёт меня через пятнадцать минут? Ему что, блин, срочно минет приспичил?

«Зачем? — спрашиваю я. — Я не успею, ты уже на работу свалишь».

«Не свалю».

«Маш, блин. Домой давай. Срочно!!!».

Я непонимающе перечитываю его последние сообщения. Обычно Кузнецов никогда за мной не следит и не приказывает мне срочно ехать домой, если ему что-то нужно. Станный он какой-то. Может, забеспокоился, что меня нет дома и что он следить за мной не может? Хотя, он и так на работе постоянно, ему вообще некогда контролировать мои действия и отчитываться перед анонимом. Блин, может быть, это правда не он? Может, я просто что-то где-то упускаю? Не хочу даже думать о том, что Миша заодно с анонимом, это разобьёт мне сердце. Хотя, если преследователь хочет мне напакостить, то это будет самый лучший вариант из всех возможных. Кузнецов — единственный в моей жизни, кто стоит у меня на первом месте. Даже не работа, даже не страйкбол.

«Океу, скоро буду. Я уже еду в маршрутке».

«Збс. Жду».

Я блокирую экран и вздыхаю, устремляя взгляд в окно, где проносятся дома города и чужие автомобили, за рулём которых сидят совершенно незнакомые мне люди. Здесь ведь столько человек, которых я не знаю, столько жизней, которые проходят параллельно моей и даже понятия не имеют, что творится в моей жизни и в моей голове. Они все выглядят

такими безмятежными и счастливыми, а внутри меня творится чёрт знает, что.

До дома я добираюсь быстрее, чем хотелось бы. Выбравшись из маршрутки, я специально иду медленно, чтобы растянуть время, но в конечном итоге всё равно мне приходится открыть двери подъезда, зайти в лифт и подняться на нужный этаж. Я ещё минуту стою возле двери, пытаюсь взять себя в руки и избавиться от неприятного жгучего чувства в груди, и только после того, как собираюсь с силами, захожу в квартиру.

Здесь тихо, и я думаю, что Миша, наверное, всё-таки ушёл на работу.

Сняв кеды, я заглядываю в гостиную, затем на кухню, а последвигаюсь в комнату, чтобы завалиться на кровать и пострадать ещё немного. Дверь приоткрыта — я толкаю её и замираю, когда мой взгляд падает на кровать. На ней среди красных лепестков лежит снайперская винтовка, и я сразу же узнаю в ней barrett m98a1.

— Бля, — вырывается у меня. — Бля-я-я...

Я подхожу к кровати, не в силах сообразить, что вообще происходит и что означает лежащая на кровати среди лепестков страйкбольная винтовка, которая стоит минимум тридцать касарей.

Я осторожно беру её в руки, словно это нечто драгоценное и очень хрупкое, и осматриваю. Я мечтала о ней уже больше года, но мне всё было жалко тратить столько денег на такую безделушку, тем более, что от снайперских винтовок особого толку в игре нет, так, чисто сидеть в обороне если, и то могут со спины обойти. Но сейчас, когда я держу её в руках, у меня даже подкашиваются колени. Я сразу забываю про анонима и все свои остальные проблемы, сейчас для меня существует только barrett m98a1.

Слышу, как дверь туалета открывается, и из своего излюбленного места выползает Миша. Значит, он всё-таки не ушёл на работу. Парень появляется в дверях комнаты, довольно улыбаясь.

— Чё, нравится, да? Нравится?

Я довольно улыбаюсь, бросая на него взгляд. Миша в домашних шортах и в дырявой футболке, которую ему испортили выстрелом из дробовика.

— Это же столько денег, с ума совсем сошёл! — почти вскрикиваю я, чуть ли не пища от восторга. Я вынимаю магазин, проверяя пули, затем вставляю обратно. Удобнее перехватываю оружие, чтобы проверить прицел.

— Не радуйся, я себе купил, — издевается Кузнецов, и я обиженно надуваюсь, словно маленький ребёнок, у которого собираются отобрать его любимую игрушку. — Шучу. Ты же давно хотела её. Решил сделать тебе подарок, а то ты со своим анонимом совсем с ума сходишь.

Я с благодарностью смотрю на парня, чувствуя, как горло сжимается в неприятных спазмах, а глаза начинают щипать. Сейчас разревусь от счастья! И как я вообще могла думать, что Миша работает на анонима?! Стал бы он тогда тратить на такую дорогую пушку?

Я отворачиваюсь, чтобы Кузнец не видел моего жалкого вида, но парень лишь смеётся.

— Опробуешь на следующей тренировке, — говорит Миша. — А пока можешь свои фоточки выставлять: «О боже, у меня есть пушка», «смотрите, пушка», «мне подарили пушку», «пушка, пушка, пушка». Гы-ы-ы-ы.

— Дурак! — капризно фыркаю я, положив винтовку на кровать, а потом поворачиваюсь к парню, который стоит в метре от меня возле компьютерного стола. — Спасибо...

— Не ной, — издевается Миша. — Ной не ныл, и ты не ной.

Я надуваюсь и подхожу к нему, обнимая за шею и утыкаясь носом в его грудь.

— Я говорила, что люблю тебя? — бормочу я, пытаюсь не разреветься, сама не зная из-за чего.

— Ну, пиздец, — бурчит Кузнец, обнимая меня за талию. — Начинается.

Я стукаю его ладошкой по груди и поднимаю голову, накуксившись.

— Я тоже тебя люблю, — спокойно говорит Миша, смотря мне в глаза, а потом нагибается и целует меня. Под ложечкой снова начинает сосать, и я стараюсь как можно дальше прогнать это противное чувство, но у меня ничего не получается. — Не ной, говорю.

Кузнец отстраняется.

— Я не ною, — бурчу я.

— Вот и не ной.

Я фыркаю и снова утыкаюсь носом в его грудь, чувствуя, как крепкая рука притягивает меня ближе к себе и немного заползает под кофту. Я мурлычу в объятиях Миши, и прячу все сомнения по поводу его связи с анонимом в самый дальний уголок. Даже если они как-то связаны, сейчас я не хочу об этом думать. Это мне всё равно ничем не поможет...

BARRETT M82A1*

The Roots — Here I Come

Егор.

Этот день явно не самый удачный в моей жизни, более того, он просто ужасающе дьявольски отвратительный, но почему-то когда я бегу по ночному городу, удирая от головорезов Арчи, мне дико смешно, и я никак не могу избавиться от этого чувства. Сердце разрывается от адреналина и долгого бега, лёгкие горят, ног я почти уже не чувствую, и вместо того, чтобы испытывать страх и отчаяние, на которое, скорее всего, и рассчитывает Арчибальд, в груди зарождается приятное щекочущее лёгкое ощущение, почти что заставляющее меня хохотать.

Я сворачиваю в тёмный проулок, перепрыгиваю через разбросанные коробки, а затем замираю, потому что натыкаюсь на сетчатый забор. Я отступаю, обернувшись и проверив, гонятся ли за мной преследователи. Их не видно, но я слышу, как один из бугаев кричит, мол, «он свернул туда, быстрее». Возвращаться некуда: я с разбегу ловко цепляюсь за сетку и, собрав в кулак остатки сил, перелезаю через забор, оказываясь на другой стороне.

Не дожидаясь, пока меня нагонят преследователи, я срываюсь с места и бегу дальше, скрываясь в полумраке переулков, куда даже не добирается свет фонарей. У меня отличная выносливость, но и она уже начинает меня подводить: не думал, что шестёрки Арчи настолько проворные, так что, если я не скроюсь где-нибудь в ближайшие несколько минут, то меня точно нагонят, а думать, что тогда со мной случится, мне как-то не особо хочется.

Домой мне возвращаться нельзя, за машиной, скорее всего, тоже. К Матвею не вариант, у него там пасутся копы, в общагу к Розиной мне уж точно нельзя совать свой нос, ибо, во-первых, там всё заперто в такое время, а, во-вторых, она меня сама с потрохами сожрёт после недавних событий, так что остаётся только один разумный вариант. И я как раз направляюсь именно туда, в тайне надеясь, что смогу найти там укрытие, хотя бы на парочку дней, чтобы придумать план своих дальнейших действий. Это не лучший вариант, но других у меня нет.

Я пытаюсь затеряться среди старых тёмных проулков города, чтобы сбить их со следу, прекрасно зная, что подобная уловка сработает лишь на некоторое время. Обычно подобные люди не отличаются умом и сообразительностью (по закону фильмов), но в моём случае мне попались профессиональные преследователи. Везучий я человек!

Я, наконец, добираюсь до нужного места и торможу возле подъезда, по памяти набирая номер квартиры в домофоне. Пожалуйста, пусть она будет дома. Пусть откроет именно она. Я буду послушным мальчиком и больше никогда не влечу в подобные неприятности, только пусть она откроет эту чёртову дверь, прежде чем меня нагонят эти бугаи. Нельзя, чтобы они узнали об этом месте.

Звук домофона разлетается по ночному безмолвному пространству слишком громко — я опасно оглядываюсь по сторонам, готовый сорваться с места и рвануть куда-нибудь при малейшей опасности, но вокруг тишина, дороги пустые и лишь некоторые окна в высотках горят, оповещая, что в квартирах никто не спит. Где-то далеко слышу смех парней, и сердце

пропускает удар. Я успокаиваюсь, потому что понимаю, что это просто какие-то подростки решили прогуляться на ночь глядя. Вейперы хреновы...

Звук резко обрывается, затем сонный голос разрывает пространство:

— Кто?

— Это Егор, — я приближаюсь к домофону почти вплотную. — Открывай, это срочно. За мной гонятся.

— Штормов? — хрипит девушка.

— Да, да! Ну, быстрее...

Она мгновение медлит, а затем открывает мне дверь — я резко дёргаю за ручку и проникаю в подъезд, специально убедившись, что дверь закроется и не сможет никого впустить не при каких условиях. Я облизываю губы и поспешно направляюсь к лифту. Кабина двигается медленно и изнурительно долго — я постукиваю пальцами по стене, прислушиваясь к посторонним звукам. Так, Егор, успокойся. Ты смог оторваться, и никто из них не видел, куда ты исчез. Даже если они и узнают о том, где я, то не смогут меня выловить, пока я сам не выйду.

Двери открываются — я проникаю внутрь и нажимаю на нужный этаж. Надеюсь, они меня не выгонят. На счёт девушки я не волнуюсь, потому что смогу надавить на совесть, а вот на счёт её парня... Блин. С ним будут проблемы...

Лифт останавливается, и я выхожу на площадку, решительно направляясь в сторону двери. Дёргаю за ручку: заперто. Нажимаю на звонок, наплевав, что кто-то внутри может спать. Сразу же с моим нажатием поворачивается замок, и преграда приоткрывается. Я нагло тяну её на себя и врываюсь в квартиру, закрывая за собой дверь на замок. Только после этого облегчённо вздыхаю и прислоняюсь к поверхности спиной.

— Фух, я спасён, — тяну я.

Я смотрю на девушку, которая в домашней длинной мужской футболке стоит в паре метров от меня со скрещенными на груди руками, растрёпанными волосами и сонными глазами. Она явно только что проснулась.

— Что ты тут делаешь? — хрипит девушка, прокашливаясь. — Сейчас почти три часа ночи.

Её голос тих и спокоен. Я смотрю на Машу Розину и виновато улыбаюсь, чувствуя, как прилив смеха, который я сдерживал всю дорогу до сюда, наконец, собирается вырваться наружу. Мне требуются невероятные усилия, чтобы не рассмеяться.

— Сорян, что разбудил, — вздыхаю я. — Мне нужна помощь.

— Помощь? — она сонно потирает глаза.

— Можно я потусуюсь у вас пару дней? За мной охотятся шестёрки Арчи, которого, по твоей милости, повязали копы, — с лёгким укором говорю я. — Домой я не могу вернуться, Матвея сразу вычислят, а «Конечный пункт» полетел к чертям. Мне нужно где-то залечь на дно.

— Но почему тут? — она переступает с ноги на ногу, немного оборачиваясь через плечо, словно прислушиваясь к посторонним звукам. Я сразу понимаю, что она беспокоится из-за своего парня.

— Мне больше некуда идти! — чуть громче, чем надо, говорю я, а затем замолкаю. — Даже если аноним узнает, что я у тебя, это не значит, что Арчи тоже. Да и не полезут они к вам, пока я сам не вылезу. Мне просто нужно где-то выждать пару дней и придумать план. Пожалуйста.

Девушка вздыхает и смотрит в пол, обдумывая мои слова. Я осматриваюсь — свет горит только в коридоре, освещая ближайшее пространство. Здесь уютно и мило, дом всё-таки новый, да и ремонт явно недавно был сделан. В дальней части гостиной, чья дверь распахнута, я замечаю светящиеся глаза кота.

— Мише это не понравится, — бурчит девушка.

Я складываю ладони вместе, умоляя Розину пустить меня к себе домой. В это же время кот, словно обезумевший, выбегает из гостиной и скрывается на кухне. Он скользит по паркету, задевает что-то, наверное, табурет, а следом какой-то предмет падет на пол с таким грохотом, что даже мёртвый после такого проснётся.

Слышу, как дверь, наверное, комнаты открывается, и вскоре к нам выходит недовольный сонный парень. На нём домашние шорты, футболки нет. Волосы у него тёмные, щетина, придающая ещё больше брутальности, глаза карие. У него татуировка на левой руке в виде каких-то символов, плечи широкие, тело подкаченное. Парень чуть ниже меня, но телосложение у него крепкое.

— Чё происходит? — сипло спрашивает Миша, смотря на меня. — Ты кто?

— Егор, — безмятежно отвечаю я. — Штормов.

Парень всматривается в меня, словно пытаюсь понять, видел ли он меня раньше или же нет. Ему явно с трудом удаётся отойти ото сна.

— А, — наконец тянет он, как-то очень уж брезгливо. — И чё надо?

Я смотрю на Машу, но та потирает ладонями лицо и трясёт головой.

— У него проблемы, — наконец, говорит она. — Типа там... — она неопределённо проводит рукой по пространству, и я сразу понимаю, что Розина до сих пор осторожничает со своим парнем, думая, что он следит за ней для анонима, хотя, как по мне, так это вряд ли. Но всё в жизни бывает, в их отношения я лезть не хочу. — Долгая история. Ему нужно отсидеться где-то пару дней.

— Опять что-то со сраным анонимом? — бурчит Миша, и его девушка кивает. — Ладно, хуй с ним. В гостиной ляжешь, — парень кивает на дверь справа от меня.

Миша хватая рукой Розину за футболку и тянет назад в комнату, явно не горя желанием, чтобы она оставалась со мной наедине. Девушка пытается возразить что-то по типу «надо достать постельное бельё» и всё такое, но парень в ответ лишь бурчит «сам разберётся».

— Спасибо! — бросаю я им вслед, стягивая ботинки и радуясь, что у Розиной нормальный и не слишком ревнивый мужик.

Никто мне не отвечает — я выключаю свет в коридоре и прохожу в гостиную. В темноте нахожу диван и заваливаюсь на него, даже не собираясь раздеваться. Я так устал от долгой беготни, что готов уснуть даже на полу...

За несколько дней до этого.

Я поднимаюсь по лестнице на нужный этаж, чтобы позвонить в квартиру, где, вероятно, прячется Матвей, и сказать ему, какой же он придурок. Этот адрес я вытянул из Лёши, который предположил, что, скорее всего, Иркутский может быть там, у одной заказчицы, которая любит баловаться травкой и хорошенькими парнями.

Я нахожу нужную квартиру и уверенно нажимаю на звонок. Мне не открывают долго, но я слышу возню внутри и тихие голоса. Кажется, на меня смотрят в глазок, и только после этого дверь немного приоткрывается. На меня смотрит невысокая девушка — её взгляд скользит по мне, а губы расплываются в усмешке. Она облизывает их и прикусывает, но продолжает загораживать проход, чтобы я не смог войти в квартиру или же увидеть, что там происходит за её спиной.

— Матвей здесь? — спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, толкаю дверь, заставляя девчонку попятиться и недовольно поджать губы.

— Как грубо, — упрекает меня девушка.

Я прикрываю за собой дверь и бросаю взгляд на дверь, из которой неспешно появляется мой друг. Выглядит он отвратно. Синяки под глазами увеличились ещё больше, лицо неестественно пожелтело и осунулось, на скулах вскочили какие-то покраснения, да и сами белки глаз как-то порозовели.

— Йоу, — хрипит Иркутский.

Я вскидываю бровь.

— Йоу? Ты чё тут, блять, делаешь? — злуюсь я. — Я тебя ищу по всему городу, а ты у какой-то тёлки завис? Ко мне копы приходили на счёт тебя, что за хрень ты натворить успел?

Матвей прикрывает глаза, потирая шею. Он сонный и заспанный, но я не уверен, что это из-за того, что парень только что проснулся.

— А, — бормочет друг. — Я просто не пошёл в больницу, как сказал мне аноним, так что он позвонил копам. Вот я тут и прячусь. И нечего шуметь, разорался тут.

Я фыркаю, возмущённо смотря на хозяйку квартиры, которая стоит в стороне и наблюдает за нами.

— Она в курсе, — Матвей понимает меня без слов. — Что случилось то?

Я отрываю взгляд от девчонки. Есть вероятность, что она заодно с анонимом, так что опасно при ней что-либо рассказывать по этому поводу.

— Поехали, — команду я. — По дороге расскажу. Проветримся.

Парень неохотно морщится, но, очевидно поняв, что меня не переубедить, кивает и выходит в коридор, начиная натягивать кроссовки.

— Скоро вернусь, — обещает он девушки, но та лишь пожимает плечом.

Мы выходим из квартиры и вместе направляемся к лифту. Когда кабина приходит в движение, я говорю:

— Мы решили собраться все вчетвером и обсудить анонима, — тихо говорю я. — Я, ты и сёстры Розины. Нужно сделать это так, чтобы никто ничего не заподозрил, так что не говори своей подружке, потому что она может быть шпионкой. Вообще ничего не рассказывай, понял?

Парень кивает.

— Выглядишь хреново, — недовольно бурчу я. — На счёт копов. Они сказали, что у тебя нашли транквилизаторы. Это правда? Ты покупаешь колёса без рецепта?

Иркутский поджимает губы, смотря куда-то в пол. Я терпели жду ответа, разглядывая его тело. Парень исхудал и превратился в чёрт знает что. У него явно большие проблемы, и если я что-нибудь с этим не сделаю, то он загнётся где-нибудь в канаве после очередной дозы транквилизаторов или травки, которую я учуял в квартире. Но проблема в том, что если я сдав его в больницу, то его тут же повяжут копы. Нужно что-нибудь придумать.

— Да, — наконец говорит Матвей. — Я глушу боль транквилизаторами. И они неплохо мне помогают, пусть и предназначены для другого. Так что не надо тут заливать, что я порчу себе жизнь и травлюсь всякой дрянью. У меня нет зависимости.

— Ну, конечно, — морщусь я. Двери открываются, и я первым выхожу из лифта. — Пошли, я тебя покормлю хоть. Посидим где-нибудь и обсудим всё.

Матвей ничего не отвечает, послушна следуя за мной по пятам, изредка оглядываясь по сторонам, словно высматривая кого-нибудь. Я вздыхаю и прикрываю глаза. Нужно откопать знакомого врача, чтобы он неофициально осмотрел Матвея и что-нибудь посоветовал ему. Вот только где мне его достать?

DETACH — Afterglow

Соня.

С момента моей встречи с Егором проходит чуть больше четырёх дней. За это время практически ничего в моей жизни не меняется: я продолжаю работать в сраной забегаловке под руководством отвратительного начальника, который потеет каждый раз, когда видит меня, и я даже не хочу думать, обычное ли это его состояние или же причиной являюсь именно я; в общаге всё стабильно, не считая того, что Лена Истомина, моя соседка по комнате, уехала к своим родителям на пару недель. Таран всё так же преследует меня, куда бы я не направилась, хотя, скорее всего, не из-за того, что следит за мной для анонима, а потому что я ему нравлюсь. Это заметно невооружённым глазом, хотя парень почему-то не пытается ко мне подкатить или хоть как-то показать, что я ему небезразлична.

Кстати, от анонима вообще ни звука. Он подозрительно притих, и это меня настораживает. Словно он специально позволяет нам провернуть нашу задумку встретиться вчетвером и обсудить подробности происходящего, чтобы потом обрушить на нас весь свой гнев. Как он сделал это с Матвеем.

Всё близится к нашей революционной встрече, и с каждым днём я всё больше и больше волнуюсь из-за того, что после неё может последовать.

— А салат с креветками у вас есть? — спрашивает один из гогочущих парней, у которых я уже минут пять пытаюсь принять заказ, но все они настолько заняты удовлетворением своего внутреннего эго, что только и могут выпендриваться перед друг другом, думая, что это настолько круто, что позволит им закадрить такую официантку, как я.

— Нет, — поджимаю губы. — Все блюда есть в меню.

Я упираюсь правой рукой в бок, сжимая пальцами левой свой блокнот, куда я постоянно записываю заказы, если их настолько много, что я просто не в силах их запомнить. Хотя, если честно, я вообще не люблю ничего лишнего держать в голове, так что всегда всё фиксирую на бумаге. Так мозги особо не загружаются, и мне спокойнее, не буду бояться, что что-нибудь забуду. Хотя, я и так не боюсь. Мне не особо нравится здесь работать, и я только и делаю, что жду, когда же меня уже уволят. Держусь я здесь только ради денег, так что особо не расстроюсь, если этот жирный идиот с перстнями на пальцах-сосисках вышвырнет меня с работы.

— Ну, как так-то? — говорит другой парень с тошными кривыми губами. — Мой друг хочет салат с креветками, а клиент всегда прав. Сделайте же что-нибудь.

Я пристально смотрю на него, словно на идиота.

— В меню нет салата с креветками, — вкрадчиво повторяю я, словно передо мной тупой ребёнок. — Если хотите креветки, идите в другое место.

— А мы не хотим в другое место, — снова повторяет первый парень, откидываясь на спинку стула.

— Тогда выберете что-нибудь из доступных блюд, — безразлично бросаю я, постукивая ногой по полу.

Моя смена должна закончиться через десять минут, и, скорее всего, этот столик будет последним, который я обслужу, но из-за этих противных парней, которые только и могут, что выпендриваться, я не могу сделать даже этого. После смены мне нужно будет пойти на место встречи и подождать, пока меня заберёт кто-нибудь из нашей четвёрки. Сегодня вечером мы соберёмся все вместе и обсудим всё, что происходит с нами и что нам следует сделать дальше.

— Ты что, не слышала его? — не понимает третий парнишка. — Он те только что сказал, что хочет сраные креветки. Так что метнулась быстро на кухню и сказала вашему коку, чтобы он приготовил нам то, что мы хотим.

— Сраных креветок у нас нет, — сквозь зубы говорю я. — Все вопросы к менеджеру и к тому, кто составляет меню. Либо заказываете что-нибудь из списка, либо ходите голодные. И у нас повар, а не кок. Коки на кораблях.

Парень фыркает и хлопает ладонью по коленке, словно я разочаровала его, а я же спокойно смотрю на каждого из них, ожидая, когда же они, наконец, перестанут валять дурака и сделают заказ. Я бросаю взгляд в сторону охранника, топчущегося у входа, и у меня возникает жуткое желание позвать его, но я этого не делаю.

— Умная шоль такая? — парень кривится. — Креветок нам неси!

Я замечаю краем глаза, как остальные посетители начинают коситься в нашу сторону и о чём-то переговариваться, осуждающе осматривая парней. Я облизываю губы и вздыхаю.

— Да ладно тебе, Паш, — второй парень с отвратительными губами усмехается. — Что ты пристал к девушке. Нет у них креветок.

Его рука свешивается со стула, как бы случайно задевая мой зад, и я внутренне передёргиваюсь. Так, спокойно. Устроишь скандал, тебя выпрут отсюда и даже не заплатят за отработанные дни. Стоп. А мне ли не плевать?

— Ещё раз так сделаешь, я тебе вилку воткну в руку, — тихо тяну я, стараясь не повышать голос и не привлекать к себе внимания.

— Воу, воу, — парень вскидывает руки. — Какие здесь агрессивные официантки.

Остальные начинают смеяться — я смотрю на наручные часы и с радостью понимаю, что моя смена уже закончилась. Наконец-то! Могу теперь избавиться от этих упырей и направиться по своим делам.

— Можешь написать на меня жалобу, — язвительно тяну я. — Кажется, сегодня вы все останетесь без еды, потому что моя смена уже закончилась.

Я качаю головой и, наплевав на все устои и законы этого кафе, разворачиваюсь, направляясь в сторону административных помещений, чтобы переодеться. Не обращая внимания на возмущённые выкрики, направленные мне вслед, я покидаю зал и облегчённо вздыхаю.

— Как они меня достали... — громко стону я. — Юль, обслужи третий столик, я уже всё. Креветки им преподнеси, чтобы не ныли, — обращаюсь к одной из официанток, которая в этот момент бездельничает.

— Креветки? — фыркает блондинка. — У нас же их нет.

— В том-то и дело!

Я прохожу мимо неё, не обращая больше ни на кого внимания, заканчиваю все дела, переодеваюсь, отчитываюсь перед начальством и только после этого покидаю душевное и отвратительное заведение, в тайне надеясь, что больше никогда в жизни не вернусь сюда.

Теперь осталось только добраться до места встречи, и молиться, чтобы аноним всё-таки не узнал об этом. Да помогут нам Боги в этом тёмном и беспросветном деле...

Сегодня я не беру свой любимый байк. Оставляю его на стоянке возле общежития. По данным Маши, Таран сейчас на тренировке на полигоне, так же как и Миша. Сестра же в этот раз решила остаться дома, чтобы до конца вылечиться и избавиться от последствия болезни, так что эти двое нам мешать точно не станут.

Егор не говорил мне подробностей, поэтому я понятия не имею, как именно они решили выловить каждого из нас и что за безопасное место нашли, чтобы обсудить детали. Штурм сказал мне лишь одно: жди в указанном месте в нужное время.

Вот я и жду. Стою на остановке, прикрываясь, что дожидаясь свою маршрутку, а сама опасливо осматриваюсь, надеясь, что за мной не следят. Никого подозрительного поблизости не видно, хотя кто их знает. Может быть, это бабулька, которая стоит рядом со мной, упорно пытаюсь посчитать мелочь на проезд.

Время тянется, и стоять на одном месте, пропуская все маршрутки, становится уже неловко. Так и кажется, что все пялятся на меня, думая, какого чёрта она стоит здесь и ждёт непонятно чего. Но, с другой стороны, люди приезжают, люди уезжают, так что вряд ли кто-нибудь вообще обращает на меня внимание.

Спустя минут двадцать моего бесполезного ожидания, возле меня плавно тормозит машина. Я не сразу замечаю, что за рулём сидит Егор и смотрит на меня так, словно пытается заглянуть в мои мысли и увидеть там мои самые сокровенные тайны. Я не мешкаю: забираюсь на переднее сидение и хлопаю дверью. Машина трогается с места и уезжает.

— Чего так долго? — бурчу я.

Парень кривится.

— Надо было убедиться, что за тобой не следят. Ждал подходящего момента, — говорит Штурм.

Я поджимаю губы и откидываюсь на спинку сидения.

— Вряд ли подобная осторожность сработает в людном месте, — бормочу я. — Наблюдать могли и с другой стороны улицы, как за тобой, так и за мной.

— Значит, придётся покататься немного, чтобы сбить их со следа, — усмехается парень.

Я смотрю на его профиль, с тоской замечая, что внутри меня начинают скрестись кошки. Отвернувшись, я вздыхаю и смотрю в окно.

— Что с остальными? — интересуюсь я.

— Их я уже доставил в нужное место.

— Ах, я, значит, самая последняя? — немного обижаюсь я.

Егор тормозит на светофоре.

— Ты работала, — парень смотрит на меня. — Поэтому я сначала разобрался с ними. И вообще, хватит ныть. Скажи спасибо, что я сам за тобой заехал.

— О, спасибо! Это так мило с твоей стороны! — язвлю я. — Как бы я жила без этого поступка. Даже не знаю.

Штурмов ничего не отвечает, и нас накрывает неловкая тишина. Я смотрю в окно, даже не собираясь снова заговаривать с водителем, и думаю о том, что сейчас, сидя рядом с человеком, которого я когда-то любила, затея работать вместе с ним кажется мне слишком

безумной и отвратительной. В груди нарастает тяжесть, и я никак не могу от неё избавиться. Если так пойдёт и дальше, то у нас вряд ли получится сотрудничать. Одно радует: вместе всё же лучше бороться против анонима, чем по одиночке. Вместе мы сможем справиться...

The Birthday Massacre — Goodnight

Егор.

Убедившись, что за нами нет слежки, я сворачиваю с главной дороги во двор и останавливаю машину под деревом, растущим недалеко от детской площадки, словно надеясь, что это может мне спрятать автомобиль. Глушу двигатель и решительно выбираюсь на улицу.

— Где мы? — интересуется Розина, вылезая из авто и хлопая дверью.

— Тебе лучше не знать, — хмурюсь я.

Закрыв машину, я осматриваюсь, чтобы ещё раз успокоиться и избавиться от мысли, что за нами наблюдают, а затем направляюсь в сторону крайнего подъезда. Пятиэтажные старые дома обступают дворик, нависая над нами, окна первых этажей прячутся за деревьями, где-то далеко смеются дети. На балконе на втором этаже стоит какой-то пропитый мужчина и курит, всматриваясь в проходящих внизу людей.

Соня следует за мной. Я подхожу к подъезду — здесь нет домофона, потому что здания старые и потрёпанные временем, — и я с лёгкостью проникаю внутрь, даже не соизволив придержать дверь для девушки. Она, кажется, не возражает, а если и возражает, то мне как-то всё равно. Я не из тех галантных ухажёров, которые пропускают даму вперёд, водят их по ресторанам и дарят дорогие подарки.

Мы поднимаемся на третий этаж и останавливаемся возле левой двери. Я смотрю вниз, свешиваясь с перил, чтобы убедиться, что за нами не идёт хвост, но в подъезде тишина и спокойствие. А ещё воняет каким-то дерьмом.

Убедившись в том, что всё в порядке, я нажимаю на звонок три раза. Открывают не сразу. Осторожничают. А когда, замок, наконец, щёлкает и дверь приоткрывается, я хватаю её рукой и резко тяну на себя, поспешно проникая в квартиру. Матвей шарахается в сторону, поджимая губы, словно я его напугал.

— Можешь не разуваться, — говорю я Розиной.

Подождав, пока девушка зайдёт внутрь, я закрываю за ней дверь и поворачиваю ключ. Ну, вот и всё. Дело сделано. Надеюсь, что аноним даже не заподозрил о том, что мы решили собраться вчетвером, или хотя бы не узнал, где именно.

— Что это за место? — снова спрашивает Розина, проходя вглубь квартиры.

— Да так, хата кореша, — бросаю я, не собираясь рассказывать подробности об этом месте и о том, как именно я заполучил его. Это, в принципе, не так интересно.

Протиснувшись мимо Матвея и Сони, я прохожу в глубь помещения. Квартира однокомнатная и чертовски ужасная. Здесь настоящий клоповник, хотя, если прибраться и привести всё в порядок, то жить можно. Света здесь нет, так как его отключили за неуплату, но он, в принципе, нам и не понадобится, ведь на улице ещё светло. Так же тут нет ни телевизора, ни вообще какой-либо техники. Лишь старая плита на кухне и раковина.

В комнате стоит одна кровать, на которой сидит Маша и роется в телефоне. Рядом старая тумбочка, в углу комод с зеркалом. Стул возле шкафа. Прогнившее окно скрывает

полупрозрачная грязная тюль. На стене рисунок девушки и ещё какие-то калякали.

Маша поднимает на меня взгляд, отрываясь от сотового, а потом переводит его на свою сестру, которая как раз заходит в комнату. Соня морщится, осматриваясь. Ей явно не по душе подобные условия.

— Ну, мы собрались, — говорит Матвей, прикрывая за собой дверь. — Что дальше?

Я отступаю в сторону, чтобы каждый из присутствующих попал в поле моего зрения. Маша ставит блокировку на телефон, но не убирает его, словно бы вместе с ним чувствует себя гораздо комфортнее. Все молчат, неловко смотря друг друга.

— Ну, — Соня первая подаёт голос. — Давайте расскажем, что нас связывает с анонимом. Для начала.

— Нужно будет принести карточки, — говорит Маша. — Может быть сможем как-то связать их. Все письма, каждое из них.

— У меня дома пасутся копы, — бросает Матвей, прислоняясь спиной к стене. — К тому же по любому все мои карточки забрали в полицию. Они висели у меня на стене.

Розина-старшая вздыхает и облокачивается предплечьями о свои колени. В своих военных штанах она смахивает на солдата, который отслужил уже как минимум лет пять.

— Ладно. Тогда давайте просто расскажем, что было в последних письмах. После того, как нас собрал этот петуш ночью, — предлагаю я, думая о том, что аноним запретил говорить об этом.

Все пожимают плечом, соглашаясь.

— Мне надо было пойти в больницу и провериться, — говорит Матвей. — Но, ясен хуй, я туда не пошёл. Поэтому аноним натравил на меня копов. Типа у меня дома запрещённые наркотики. Вот и всё.

Я поджимаю губы, думая о том, что парень умолчал о транквилизаторах и о своей зависимости.

Я смотрю на Машу, затем на Соню.

— Я должна была отнести конверт по указанному адресу, — признаётся Розина-старшая. — Недавно я отнесла его. Что было внутри, я не знаю.

— И ты даже не открыла? — возмущаюсь я. — А вдруг там что-то важное было!

Она пожимает плечом и недолго молчит.

— Он сказал, чтобы я не открывала... — я с упрёком смотрю на девушку. — Да что? — возмущается она. — Я настолько подозрительная в последнее время, что мне уже кажется, что жучки не только на мне, но и внутри меня тоже! Я побоялась открывать. Не знаю...

Я вздыхаю и качаю головой.

— Отстань от неё, — говорит Соня. — Если бы аноним узнал, всё могло быть и хуже. Видел, что он с Матвеем сделал? Нужно быть осторожными, — девушка замолкает, а я выжидающе смотрю на неё, дожидаясь, когда же Розина начнёт свой рассказ. Блондинка поджимает губы и отворачивается, строя гримасу. — Я должна была встретиться с человеком в месте, где познакомилась с Егором. И передать ему «небо падает». Это оказалась Яна Куркина.

— Куркина? — выпаливаю я. — Да ладно! Она же свалила в Москву. Или куда там. Куркина...

Я задумчиво хмурюсь, вспоминая, как после переезда Розиной в Питер, ещё до того, как я встал на ноги, Яна пыталась сблизиться со мной. Она постоянно названивала и приходила к нам домой, списывая всё на то, что ей меня жаль и что она хочет поддержать меня,

особенно после того, как я расстался с Соней. А потом вообще начала слишком упорные знаки внимания проявлять. Я тогда был не в состоянии вообще с кем-либо общаться или же сближаться, поэтому в конце концов просто послал её. Девушка обиделась и больше не приходила, а потом я узнал, что она свалила в Москву после окончания школы.

— Странно... Ладно. Мне аноним написал, чтобы я отказался тренировать одного парнишку. Пригрозил, что сдаст «Конечный пункт» копам. Там, вроде как, продаются запрещённые вещества. Я поговорил с Шершнем, — замечаю непонимающие взгляды девушек и поясняю. — Владелицей клуба... Чёрт... — мысли начинают путаться, и я трясую головой. — Короче. Есть чувак, Арчи, которому я должен кучу бабла. Я тренировал его племянника, чтобы отработать долг. Если бы я отказался работать с парнем, то у меня были бы большие проблемы. Но если бы я отказал анониму, то «Конечный пункт» прикрыли бы. Плюс и меня могли потянуть за собой. Поэтому мы с Шершнем договорились, что попросим Арчи о помощи, потому что, если потонет клуб, то и чувак тоже сольётся. Ибо он толкал наркотики нам. Арчи согласился и сказал, что найдёт анонима, но я должен продолжать играть по правилам преследователя. Вот я и играю.

Я замолкаю, и неловкая тишина обрушивается на нас всех. Присутствующие всматриваются в меня, словно я только что рассказал нечто страшное и неприятное. Я скидываю брови, мол, что?

— Да тебе, по ходу, фиговоее всего, — констатирует факт Соня. — С каких пор ты в криминал подался?

Я прищуриваюсь, поджимая губы.

— Ничего я не подался... Так получилось, — скрещиваю на груди руки. — Между прочим, я дерусь так-то тоже незаконно. Это всё считается подпольными боями, и не в почёте у копов.

Соня качает головой, и это меня злит ещё больше, но я сдерживаю свои порывы съязвить. В комнате прохладно, не смотря на духоту на улице, а ещё здесь пахнет плесенью и сыростью. В этой квартире уже давно никто не бывал.

— У кого-нибудь есть идеи, как всё это может быть связано? — спрашивает Маша, выжидающе смотря на всех нас по очереди, но в ответ ей только молчание.

Как может быть связан поход в больницу Матвея, Яна Куркина, странное письмо, адресованное непонятно кому, и мой отказ тренировать Антона? Это всё какая-то бессмыслица.

Допустим, Иркутского аноним хочет вылечить. Это логичнее всего, иначе зачем бы его посылать к врачу? Яна, скорее всего, из моего прошлого. Может быть аноним в курсе, что она пыталась подкатить ко мне после ухода Розиной. Письмо... Что было в конверте? Пока мы не знаем, кому оно и что внутри, мы не сможем никак связать это с остальными заданиями. И Антон. По любому, аноним просто хотел, чтобы у меня были проблемы с Арчи. Насолить мне решил. Вот только он не подумал, что я могу попросить помощи у кого-то.

— Нужны карточки, чтобы хоть что-то понять. Надо было захватить их... — Маша снова за своё. — Пока можно просто подумать, кто шпионит за нами. Кто постоянно крутится вокруг нас...

Соня пристально смотрит на сестру, и я вижу в её взгляде то ли упрёк, то ли досаду.

— Можно сделать проще, — я подхожу к тумбочке и отодвигаю ящик, собираясь найти там маркер. Вроде бы он должен быть именно здесь... Ага. В моих руках оказывается

чёрный предмет. Я медлю, осматриваясь и думая о том, что бумаги, конечно же, в этой квартире нет, а после подхожу к обоям и рисую прямо на них круг со знаком вопроса. От него в четыре стороны стрелки, а рядом с каждой наши имена. — Просто напишем, кто рядом с нами и кого мы подозреваем.

Я прикусываю губу, думая о том, кого же мне написать. С кем я общаюсь в последнее время? Хм... Делаю стрелку от своего имени и пишу: Шершень. Следующая стрелка уходит к Арчи и Антону. Дальше персонал клуба (лень их всех перечислять). Так... кто ещё. Чёрт... всё это не логично. Шершень и Арчи вряд ли вообще связаны с анонимом, они же ищут его... Кто-то из работников клуба? Вполне возможно...

Я отступаю, люблюсь своим творением. На ум больше никто не приходит...

Повернувшись к Соне, которая стоит ближе всех ко мне, я отдаю ей маркер. Девушка берёт её своими тонкими пальцами и прикусывает губу, смотря на своё имя. Затем она приближается к стене и пишет «Таран», а после «персонал кафе».

— Что за Таран? — кривлюсь я.

Маша поднимается с кровати и подходит к нам, чтобы увидеть написанное.

— Это Андрей, — говорит Розина-старшая, принимая от сестры маркер. — Из моей команды по страйкболу. Живёт в общежитии.

Я поджимаю губы и ехидно говорю, обращаясь к Соне.

— Новый хахаль?

Блондинка бросает на меня злой взгляд, но я лишь кривлюсь в улыбке. То же мне. Только вернулась, а уже мужика нашла себе. Посмотрел бы я на него...

Маша приближается к стене и пишет всего одно имя: «Миша», после чего оборачивается к Матвею, который неохотно подходит ближе и принимает «подарок». Он медлит, затем прикусывает губу и пишет сначала «Надя», а потом «Лёша».

Всё. Все предполагаемые имена на стене, возможные предатели и шпионы тоже. И что делать дальше?

— Есть предположения, кто аноним?

На несколько секунд нас окутывает молчание.

— Малийский, — выпаливает Маша, скрепя руки на груди. — Кто ещё мог додуматься до такого?

— Вряд ли, — Соня качает головой. — Он в тюрьме и он слишком туп, чтобы проверить подобное. Да, к тому же аноним явно действует не в одиночку. И каждый, кого мы подозреваем, должен быть знаком с ним и должен иметь претензии к нам, чтобы подписаться на подобное.

— Да больше никому, — бурчит её сестра. — Нас четверых связывает только Малийский. Уж не знаю, как он это провернул, но я уверена на сто процентов, что это он.

Они замолкают. Малийский... Возможно. Решил отомстить нам за то, что мы его отправили за решётку. Это самый оптимальный вариант. Но тогда кто его помощники? И зачем они это делают? А самое главное, как, если Саша сидит в тюрьме? По крайней мере, должен там сидеть.

— Если он узнает, что мы собрались вчетвером, то раскроет все наши секреты, — говорю я, прикусываю губу. — Нам нужно быть осторожнее.

— Тогда давайте прямо сейчас это сделаем, — выпаливает Соня. — Выложим всё, чтобы потом аноним не смог ничего нам сделать. В чём проблема? Если всё равно потом раскроется. Мы должны действовать заодно.

Я пожимаю плечом.

— Да, в принципе, я и так уже всё рассказал. У меня проблемы с Арчи. Я должен кучу денег, и если я их не верну, то мне конец, — невозмутимо говорю я, вспоминая про Кристину, которая утверждает, что залетела от меня. Вряд ли стоит об этом сейчас упоминать, и вряд ли это вообще имеет значение, потому что ребёнок всё равно не мой.

— Ладно, — Соня смотрит то на Машу, то на Матвея.

Но Розина-старшая упорно молчит — я пристально смотрю на неё, пытаюсь понять, о чём она сейчас думает. На её лице мелькает страх и даже какой-то ужас.

— Я подсел на транквилизаторы, травку и ещё кое-что, — безмятежно бросает Матвей. — И мне плевать, что вы скажете, так что не утруждайтесь.

Я продолжаю смотреть на Машу, потому что новость о колёсах друга мне уже не нова. Девушка косится в мою сторону, и мы встречаемся взглядами. Я прекрасно понимаю, что сейчас у неё в голове. День, когда мы с ней переспали. Я пытаюсь взглядом показать, чтобы она даже не думала рассказывать об этом. Если Соня узнает, она психанёт, и тогда пиши пропало. Она не поймёт, и тогда не видать нам совместной работы. Хотя, постойте. Это ведь именно она предложила собрать всех.

Соня смотрит на Машу, но та усердно прячет взгляд. Молчи. Придумай что-нибудь левое, только ни слова про тот вечер. Пожалуйста, не будь такой тряпкой. Молчи.

Девушка набирает в грудь воздух и выдыхает. Напряжение нарастает и с каждой секундой обрушивается на нас сверху, словно каменная плита. Маше тяжелее всего, и я буквально слышу, как яростно метаются её мысли в черепной коробке.

— Я переспала с Егором, — выпаливает девушка.

— Ну, заче-е-ем? — стону я, запуская руку в волосы. — Нахрена ты сказала?

— Что?! — почти одновременно со мной выпаливает Соня. — Что, блять?!

Маша виновато смотрит то на меня, то на сестру.

— Нихуя се, — присвистывает Матвей.

— Блять, вы серьёзно? — продолжает возмущаться Соня, прожигая меня взглядом. — Ты трахнул мою сестру?

Она скрещивает руки на груди, пытаюсь переварить только что услышанное.

— Мы были бухими, — пытаюсь оправдаться я. — Случайно встретились, вспомнили старые времена. Ей ночевать негде было, я и позвал к себе...

— Да плевать, — Розина-младшая зло толкает меня в плечо и направляется к выходу.

— Мы же расстались, чё сцены устраиваешь?! — злюсь я.

Девушка резко останавливается и поворачивается ко мне.

— Это не даёт тебе права трахать мою сестру! — почти орёт Соня.

— Трахаю кого хочу, законом не запрещено! — выпаливаю с горяча я.

Девушка качает головой, морщится, затем смотрит на Машу, а после поспешно выходит из комнаты. Я слышу, как хлопает дверь, оповещая, что истеричка покинула квартиру. Я поворачиваюсь к Розиной-старшей.

— Довольна? — с упрёком тяну я. Девушка обнимает себя руками, так и норвя разреветься. — Нахрена ты сказала?

— Она бы всё равно узнала, — прикусывает губу Маша. — И я устала уже скрывать всё это дерьмо. Это грузит слишком сильно. Тебе-то вообще без разницы. Переспали, ну и ладно!

— О, ну, конечно! — возмущаюсь я. — Я же такой пофигист и эгоист. Думаю только о

том, кому бы присунуть. Чё вы из меня делаете постоянно последнего уroda? Это, между прочим, не я себе спину сломал. Если бы не это, всё было бы по другому.

— Да, ты прав! — выпаливает Маша. — Уж извини, что я согласилась помочь двум подросткам, которые своими головами думать не могут. Вы могли чего похуже натворить.

— А, может, и нет.

— А, может, и нет, — соглашается девушка. — Я ухожу.

Она сжимает зубы так сильно, что я вижу жилки на её челюсти, а затем направляется вслед за сестрой. Я жду, пока входная дверь хлопнет, и только после этого заваливаюсь на кровать, шумно вздыхая.

— Ты серьёзно переспал с Машей? — кривится Матвей.

Я ничего не отвечаю. Говорить на эту тему больше не хочется: противный червяк начинает проедать в моей груди дорогу на свободу, но я не могу его вырвать и выбросить. Здорово собрались вчетвером вычислить анонима! Хороша затея.

Охххуmiron x ЛСП — Безумие

Соня.

Всё вокруг меня рушится, пока я сбегаю по старым ступеням, а потом вырываюсь на улицу, сильным толчком распахивая двери. Я замираю и осматриваюсь. Жарко. Духота проникает в меня и пытается разорвать на кусочки изнутри, но я собираю все свои силы и направляюсь в сторону главной дороги, невольно бросая взгляд на припаркованную под деревом машину Егора.

Тошное чувство въедается в мои лёгкие, и я стискиваю зубы. Поверить не могу, что Егор и Маша переспали. Как вообще они могли это сделать после всего, что между всеми нами было, и почему меня так сильно это задело? Да, мы расстались со Штормом и к тому же очень давно, меня вообще не должно волновать, с кем он был. Держу пари, в его постели была не одна девчонка, но мысли о том, что в этом списке есть моя сестра, которую я уже почти решила простить, выбивают меня из колеи.

Чёрт. Зачем я вообще предложила раскрыть все карты?

Злость и обида пробирает меня до костей, и я тону в ней, тая под жаркими солнечными лучами, словно липкое мороженое. Смотрю себе под ноги, прокручивая в голове недавний разговор. «Я переспала с Егором» эхом разлетается по моему сознанию, постепенно сводя с ума. Не заметив прохожего, я налетаю на него, на мгновение вырываясь обратно в реальность, но, даже не извинившись, продолжаю свой путь. Куда я иду? Без понятия. Этот район мне незнаком, а в таком состоянии я даже не могу сообразить, на какую маршрутку сесть, чтобы добраться хотя бы до центра. Хочется просто идти, плевать куда, лишь бы подальше от всего этого дерьма, которое творится в моей жизни.

«Я переспала с Егором».

Я чертыхаюсь, вовремя успеваю остановиться на светофоре, который загорается красным. Хочется плакать, но не получается. Тошное чувство впивается в лёгкие, но не позволяет даже парочке слезинок вырваться наружу. Желание скулить только увеличивается, и я прекрасно понимаю, что если поплачу, то мне станет легче, но я просто не могу. И не потому что вокруг меня люди, а физически не могу и всё. словно во мне больше нет слёз, будто я корка от выжатого лимона.

Единственное, что внутри меня остаётся, — это злость и беспомощность.

«Я переспала с Егором».

— Дерьмо... — вырывается у меня, и краем глаза я вижу, как стоящая рядом девушка смотрит в мою сторону.

Не обращаю на неё внимания, нетерпеливо смотря на дико медленные цифры, с каждой секундой томительно направляющиеся к нулю. Светофор загорается зелёным, и я, даже не смотря по сторонам, быстро пересекаю дорогу.

«Я переспала с Егором».

Чёрт бы их всех побрал...

Меня отвлекает телефонный звонок — я не сразу вытаскиваю сотовый из кармана,

потому что нет никакого настроения ни с кем разговаривать. Да и, скорее всего, это либо Егор, либо Маша. Наверное, хотят поговорить со мной и убедить, чтобы я вернулась обратно и продолжила гадать вместе с ними, кто такой этот сраный аноним. Будь он проклят. Если бы не он, я бы сейчас спокойно сидела в Питере и как обычно прожигала бы свою жизнь ничегонеделанием.

Мелодия раздражает, и я всё-таки вынимаю телефон. Это Таран. Поджав губы, я отвечаю на звонок.

— Да.

— Йоу. Куда пропала?

Я осматриваюсь, словно думая, что Андрей прямо сейчас следит за мной.

— Да, дела были, — уклончиво отвечаю я.

— Может пересечёмся сегодня? — спрашивает Таран.

Я облизываю губы, пытаюсь выбросить из головы навязчивый голос сестры.

«Я переспала с Егором».

— Забери меня, — неожиданно прошу я, понимая, что если ещё хотя бы секунду пробуду в центре своих собственных мыслей, то точно сойду с ума. Я ищу взглядом адрес на ближайшем доме и говорю парню. — Я не знаю, как отсюда доехать до общаги.

Андрей недолго молчит.

— Океу, сейчас подъеду. Жди там.

— Ага.

Парень отключается, и я шумно вздыхаю. Правильно ли я поступила, что позвала Тарана, ведь он запросто может оказаться шпионом. Если он узнает, что я встречалась с остальными ребятами и обсуждала проделки анонима, то точно догадается, что тайная квартира находится неподалёку. Ему нельзя ничего говорить. Но чёрт возьми, я так расстроена, что даже не знаю, что мне делать.

Ладно, просто вернусь в общагу, а Андрей мне в этом поможет. Я всё равно чёрт знает где нахожусь, а с прохожими у меня нет никакого желания разговаривать. Присев на ближайшую скамейку, я шумно вздыхаю и прикрываю глаза. Господи, что я творю? Почему в моей жизни вечно всё через пятую точку? Что ни день, то очередное расстройство...

Егор.

Я отвожу Матвея обратно к Наде, потому что Иркутский настойчиво заявляет, что там единственное место, где его не будет искать полиция. Ему там спокойнее и безопаснее, вот только я вообще так не считаю. Эта девчонка, балующаяся разными травками и таблетками, до добра не доведёт. Друг уже выглядит так, словно при смерти. И я вообще не знаю, как ему помочь. Силком тащить в больницу? Сплавить копам? Они запрут его далеко и надолго. Да и Матвей без боя не сдастся. Если я заявлю, что мы идём в больницу, или же как-то обманом заставлю его прийти к врачу, то парень тут же сбежит, и его хрен найдёшь. Чёрт... Нужно будет поднять связи и найти независимого доктора, чтобы проконсультироваться.

Избавившись от Матвея, я возвращаюсь к себе домой, загруженный мыслями, пытающийся выбросить из головы, что произошло на встрече. Соня узнала, что я переспал с её сестрой. Но это было всего один раз, да и то мы напились. Всё получилось само собой: мы разговаривали о прошлом, обсуждали всё, жаловались и плакались друг другу, а потом,

может быть, я спяну просто увидел в Маше Соню, поэтому и решил поддаться эмоциям. А на утро пожалел. Мы решили оставить всё, как есть, и забыли о существовании друг друга. К тому же Розина-старшая в последствии начала встречаться с другим, кого на самом деле любила.

Блин, ну, подумаешь, переспали когда-то, что психовать-то сразу? Трагедия блин... Ладно, если бы я влюбился в неё, но тут был просто пьяный секс, который я даже почти и не помню.

С такими мыслями я вхожу в подъезд своего дома и медленно поднимаюсь по лестнице, замечая привычную физиономию Кристины, которая курит возле окна. Я игнорирую девушку, даже не здороваясь с ней, ибо нет никакого настроения в очередной раз выслушивать рассказы про её беременность.

— Егор, — окрикивает меня Крис, когда я прохожу мимо и уже начинаю подниматься на этаж выше.

Приходится остановиться и обернуться.

— Я тебе уже говорил, что ребёнок не мой, — бурчу я.

Девушка пристально смотрит на меня, затем затягивается и выпускает на свободу густой дым. Она вскидывает руку, и в её зажатых пальцах я вижу белый конверт, очевидно, адресованный мне. Лёгкий укол страха пронзает меня. Неужели, аноним узнал о том, что мы сегодня встречались? От него уже давненько не было никаких вестей.

Я быстро спускаюсь обратно и подхожу к Крис, собираясь забрать конверт, но девушка ловко отстраняет руку и не позволяет мне добраться до желанного письма.

Крис вскидывает бровь, держа сигарету возле своего лица, словно ванильная кукла, сидящая на подоконнике.

— Ребёнок... — начинает она, но я её перебиваю.

— Не мой.

Не собираясь играть с соседкой, я ловко отбираю конверт из цепких пальцев и поспешно ухожу, на ходу распечатывая его. Внутри карточка. Я останавливаюсь возле двери, машинально доставая из кармана ключ и, не глядя, отпирая преграду.

«Ты думал, что сможешь обмануть меня? — сердце падает вниз. Я прохожу в квартиру и прикрываю за собой дверь. Он точно догадался о нашей встрече. — Сделал вид, что отказался тренировать Антона, а сам сговорился с Арчи? Он тебе не помощник. А за то, что ты нарушил мои правила, можешь попроситься с Конечным Пунктом. И с твоей подружкой. И с Арчи тоже. Вот только ему вряд ли понравится такой расклад. Удачи, Егор. Она тебе понадобится».

Я замираю, пытаюсь сообразить, что вообще происходит. Аноним узнал, что я сговорился с Арчибальдом? Но как? Об этом практически никто не знал. Только я, Шершень и Арчи. Всё... Чёрт... Неужели этот урод действительно сдал клуб копам?

Я достаю телефон и набираю Шершня, чтобы предупредить обо всём. Может быть, она успеет прибраться в заведении и замести все следы. Тогда у полиции не будет повода закрыть Конечный Пункт. Хотя...

Гудок идёт томительно долго. Трубку никто не берёт. Я звоню ещё раз, и ещё, но ответа так и не получаю. Обычно Аня сразу отвечает на звонки. И телефон всегда при ней, потому что ей частенько называют по работе. Точно что-то случилось... Неужели, я опоздал и клуб уже прикрыли? Если это так, то скоро они доберутся и до меня, так как я числюсь у них одним из бойцов, к тому же почти весь персонал знает, что я спал с Шершнем. Меня захотят

допросить, а, возможно, привлечь за соучастие. Это плохо. Это очень плохо!

Rae Sremmurd — No Type

Маша.

— Тебе письмо, — голос Миши разрывает меня на части, когда я возвращаюсь домой после неудавшейся встречи, на которой я с дуру рассказала сестре, что переспала с её бывшим парнем. — И оно не очень приятное.

Парень стоит в коридоре, прислонившись плечом к косяку, и держит в левой руке распечатанный конверт, пристально наблюдая за мной, пока я разубаиваюсь. Меня почему-то охватывает страх, а после злость на парня за то, что он без спроса прочитал письмо, но я прикусываю язык, чтобы по глупости не ляпнуть ничего лишнего. Кузнецов всегда читал карточки, каждую из них, словно пытаюсь убедиться, что там нет того, что сможет навредить мне. Это, с одной стороны, могло выглядеть как беспокойство, а с другой, как прикрытие, чтобы я не догадалась, будто парень работает на анонима. Но я, кажется, уже решила для себя, что это просто глупости... Что...

— Что там? — устало спрашиваю я, сдвигая ботинки в сторону и подходя к парню.

Он ничего не отвечает. Просто протягивает конверт, который я тут же забираю. Достая изнутри карточку и быстро скольжу по строчкам взглядом.

«Поздравляю. Ты только что уничтожила Конечный Пункт. В том письме, которое ты отнесла прямо в руки начальнику отделения полиции, была наводка на клуб, где работает твой друг Егор. Думаю, там всех запрут далеко и надолго за продажу запрещённых веществ. И это будет на твоей совести».

Я чувствую, как пол уходит из-под ног, и страх медленно и тягуче обвивает все мои внутренности. Так вот, что было в том письме. Информация по поводу клуба. Шторм что-то говорил на счёт этого... Но ведь Егор сделал всё, как сказал аноним, почему этот придурок заставил меня сдать Конечный Пункт?

— Ничего не хочешь мне рассказать? — медленно тянет Миша, и груз вины обрушивается на мои плечи, словно мешки с камнями. — Почему ничего не сказала про письмо?

Я перечитываю послание на карточке, упорно стараясь игнорировать выжидающий взгляд Кузнеца. Я не могу ему рассказать про то, что мы сегодня собирались в тайной квартире и пытались вычислить анонима. Хочу. Очень хочу поделиться с ним этим, чтобы как обычно выслушать его совет. Парень всегда умудрялся адекватно смотреть на вещи и оценивать их, видеть то, что не вижу я, но в этот раз я должна сама со всем справиться. Никто не должен знать о наших тайных встречах. Особенно тот, кто может оказаться предателем.

Я вздыхаю и прикрываю глаза, потирая переносицу.

— Я... — я прокашливаюсь. — Не хотела тебя напрягать.

Я поднимаю голову и смотрю на Мишу, который внимательно прожигает меня своими тёмными карими глазами.

— Мне пришло письмо от анонима, которое я должна была отнести по указанному

адресу. И я это сделала, — признаюсь я. — И я не открыла его, так что понятия не имела, что там.

Кузнец качает головой. Сегодня он какой-то молчаливый и спокойный, хотя, может быть, просто устал на работе. Я виновато кривлюсь, словно нашкодивший ребёнок. Миша поджимает губы, делает вид, что его эта ситуация вообще никак не касается, а после разворачивается и уходит в комнату. Я не спешу следовать за ним: достаю сотовый и отправляюсь на кухню, попутно набирая номер Егора Штормова и в тайне надеюсь, что парень, во-первых, не сменил симку, а, во-вторых, не попался в лапы копам. Надеюсь, я успею его предупредить раньше, чем он сунется в клуб.

Ставлю чайник, чтобы звук заглушил мой голос, а после захожу на балкон и прикрываю дверь, перед этим проверив, не наблюдает ли за мной Миша, но тот, наверное, валяется на кровати и смотрит телевизор. Или же сидит с ноутбуком... Отсюда я вижу только, как работает плазма. Присев на табуретку, я терпеливо жду, пока гудки, наконец, прекратят разрывать моё сознание. Нервно постукивая по бедру пальцами, я смотрю в окно на небо, где редкие облака медленно и тягуче заполняют всё пространство.

— Да, — голос вырывается из трубки неожиданно и даже как-то резко. Я не сразу собираюсь с мыслями, чтобы ответить.

— Алло, это Маша. Розина, — говорю я. — У нас проблемы.

Егор пару секунд молчит.

— На тему? — его голос холоден и напряжён. Наверное, он всё ещё злится из-за того, что я рассказала Соне о нашей с ним совместной ночи.

— На тему твоего клуба, — говорю я. — В общем... В том письме, которое мне нужно было отнести по адресу, была наводка. Я сейчас получила очередную карточку от анонима, он написал, что я сдала Конечный Пункт копам. Типа у вас там травка продаётся и всё такое. Но я... я не понимаю, зачем он это сделал. Ты же вроде как...

— Я знаю, — коротко бросает Шторм. — Я тоже получил письмо. Этот урод как-то узнал, что я сговорился с Арчи. По ходу, клуб уже накрыли. Не могу дозвониться до начальницы. Такими темпами они и до меня доберутся.

Я прикусываю губу.

— Прости... — виновато тяну я. — Надо было...

— Забей, — кажется, Шторм курит. — Это мои проблемы. Что сделано, то сделано.

— Это наши проблемы, — поправляю его я. — Если бы я посмотрела, что в письме, тогда ничего бы не случилось...

— Но ты не посмотрела, — его голос звучит так, словно парень винит меня в случившемся. — Да и какая разница, — слышу, как он затягивается и шумно выдыхает. — Даже если бы ты не отнесла письмо, аноним всё равно нашёл бы способ по-другому стереть клуб. Это всего лишь дело времени.

Я ничего не отвечаю. Чувство вины сдавливает меня, и тяжесть в груди увеличивается с каждой секундой. Становится тошно.

— И что думаешь делать? — интересуюсь я.

— Залягу на дно, — бросает Егор. — Подожду, пока всё не уляжется. Слушай, скинь мне свой адрес. Мало ли, пригодится. Я тебе свой скину и Матвея, где он тусит сейчас. На случай, если нужно будет найти друг друга.

— Да, конечно, — я разглядываю свои ногти, думая обо всём, что случилось за последнее время. — Ладно, давай. Если что, звони. Не нарывайся на неприятности...

— Ага. Пока.

Егор отключается. Я ещё недолго сижу молча, смотря в одну точку, а после пишу сообщение со своим адресом и отправляю парню. Поднявшись на ноги, я собираюсь вернуться на кухню, но неожиданно замираю, потому что прямо за дверью стоит Миша и пристально смотрит на меня, словно какой-то маньяк. Я вздрагиваю, пугаясь, и прикрываю глаза, хватаясь за сердце.

— Бля... — вырывается у меня. — Напугал...

Я открываю глаза, пытаюсь унять своё сердцебиение, а после открываю дверь и покидаю балкон.

— Кому звонила? — интересуется Кузнец.

Я прохожу мимо него, кладу сотовый на стол и направляюсь к вскипевшему чайнику.

— Егору, — признаюсь я. — Хотела убедиться, что он не нарвался на копов.

— И как? — Миша садится на диванчик.

Я пожимаю плечом.

— Пока всё нормально. Он в курсе, что клуб прикрыли. Тоже получил письмо.

Кузнецов не отвечает. Я беру кружку и наливаю в неё кипяток. Мои мысли всё ещё витают далеко отсюда в той странной старой квартире, где я совсем недавно рассказала Соне, что спала с Егором. Поверить не могу, что мне хватило на это смелости...

— Ты что будешь белый чай пить? — неожиданно спрашивает парень.

Я замираю, пристально смотря на свою кружку. Белый чай. Что?

— Без пакетика и без сахара? Ха-ха, — Миша смеётся, поднимаясь на ноги. — Аж задумалась.

— Бля... — тяну я, только сейчас понимая, что белый чай — это просто кипяток. — Ну, блин...

Миша проводит рукой по моей талии, и я прикрываю рукой лицо. Белый чай... Только Кузнецов мог такое сказать... Блин. Белый чай.

Напряжение тут же испаряется, и я тихо смеюсь. Миша коротко хохочет, направляясь в комнату, а я беру пакетик и завариваю его, пытаюсь прийти в себя после этого белого чая. Мои мозги сломались. Чёрт... Кажется, я постепенно схожу с ума... Мне нужно немного отдохнуть и забить на всех на свете, особенно на этого анонима. Господи, зачем мы вообще играем по его правилам... Не обращали бы на него внимания и всё. Но... Вряд ли он так просто оставит нас в покое. Пока мы с ним не разберёмся, ничего не будет как раньше. И одни мы явно не справляемся...

Figures — Alpha

Егор.

Итак. Конечный пункт прикрыт, Шершень в лапах полиции, а за мной охотятся прихвостни Арчи, потому что какой-то идиот, и я даже догадываюсь кто именно, слил информацию, будто это я натравил копов на клуб. И теперь я сижу на кухне в квартире Марии Розиной и пытаюсь игнорировать пристальный прожигающий взгляд Миши, пока девушка готовит нам завтрак. Противный кот то и дело крутится под ногами и периодически атакует как меня, так и остальных. В основном, конечно, меня.

Сегодня выходной, и никому из присутствующих не нужно отправляться на работу, особенно мне, потому что я теперь вообще бомжара. Без квартиры, заработка и с несколькими тысячами на карте. Что мне делать дальше, я понятия не имею.

Телевизор на стене слева от меня тихо показывает комеди клуб, но я не смотрю на экран, потому что с того места, где я сижу, это неудобно, поэтому единственное, что мне остаётся, — это разглядывать пол, либо спину Маши, либо хмурое лицо Михаила. Кажется, он не особо рад моему присутствию. Интересно, он в курсе, что я переспал с его девушкой? Надеюсь, что нет.

Я подпираю голову рукой, нервно постукивая пальцем по виску. Молчание сводит с ума, но начинать первым разговор у меня нет никакого желания.

Кот вальяжно заходит на кухню и подходит к своей миске. Хрустит кормом, а потом медленно исчезает под столом. Я опасливо наблюдаю за ним, ожидая в любую секунду очередного нападения, но ничего не происходит.

Вкусный запах яичницы заполняет пространство, и я сглатываю, всеми силами сдерживая непослушный желудок, который так и норовит подать признаки жизни. Последний раз я перекусывал вчера днём, ещё до встречи с бугаями Арчи. Признаться, я с ними особо и не разговаривал. Они поджидали меня возле моего дома и, когда увидели, тут же направились ко мне, ну а я сразу смекнул, что происходит, и побежал. Это как в анекдоте: полиция догнала преступника, а тот кричит «я не виноват», а они ему: «а чего убежал тогда?», а он им: «а зачем вы меня догоняли?». Чёрт... фиговый из меня рассказчик анекдотов... Да и как-то не смешно совсем.

— Скоро будет готово, — Маша нарушает молчание, и Кузнецов оживает.

Парень меняет положение на диване, будто просыпаясь, и вздыхает, а мне почему-то кажется, что сидит он здесь только из-за меня, будто не хочет, чтобы я оставался наедине с Розиной.

— Завтра на тренировку едем? — спрашивает Миша.

— Не знаю, — девушка выключает плиту. — Поставь чайник, пожалуйста. Кто вообще поедет-то?

Миша неохотно поднимается на ноги и подходит к Маше, чтобы выполнить её просьбу. Недолго он молчит.

— Даник, Панда, — бросает парень. — Сэм. Таран тоже, вроде, собирался... Я не знаю.

Я напрягаюсь, услышав знакомый позывной. Таран. Это тот, кто затусил с Соней? Она вроде его имя писала на стене среди тех, кого подозревала в шпионаже. Блин, и почему нельзя по именам всех называть? Это же запутаешься... Со стороны послушать, так у них сборище животных и американцев.

— У меня как-то настроения нет, — тянет Маша, накладывая по тарелкам завтрак. — Хотя я так и не опробовала твой подарок... — она улыбается, толкая парня бедром в бок. — Да и погоду плохую обещали, кстати. Может, дома посидим?

— Как хочешь, — зевает Кузнецов. — Можно дома потусить.

Парень ставит кипятиться чайник, а после забирает две тарелки с яичницей и сосисками. Одна из них оказывается передо мной, а вторая на другом конце стола.

— Спасибо, — тихо говорю я, но на меня никто не обращает внимания.

Маша садится между нами и принимается за свой завтрак. Мы все снова молчим, пока кот не нападает на Мишу, и тот не обзывает его пидором, пиная ногой. Животное пугается и убегает прочь.

— Так, что там с этим анонимом?

Я поднимаю взгляд, встречаясь с тёмными глазами Кузнецова, затем смотрю на девушку, словно спрашивая, стоит ли рассказывать её парню подробности, но та лишь пожимает плечом.

— Ничего, — бросаю я. — Мы все в полной жопе. И уже нет смысла что-либо скрывать и прятаться, ибо хуже уже и быть не может. Тем более, что все секреты друг другу раскрыты, этот урод больше не сможет нами манипулировать.

Миша смотрит на девушку, вскидывая бровь. Та неуверенно ковыряет вилкой свой завтрак.

— Я рассказала сестре, что переспала с Егором, — тянет Маша.

— М. Давно пора, — поджимает губы парень. — А она что?

Так, значит, он всё знает... Неловкая ситуация.

— Ну... разозлилась и сбежала...

Миша быстро доедает завтрак и поднимается на ноги, чтобы отнести тарелку в раковину. Попутно он заваривает себе чай и возвращается обратно на диванчик.

— А теперь вы оба расскажите мне всё, что происходит, — серьёзно говорит Кузнецов. — Потому что мне осточертели эти секреты. Игры с вашим анонимом уже слишком далеко зашли.

Я переглядываюсь с девушкой. Интересно, какова вероятность, что Миша работает на анонима? Стоит ли так рисковать? Он может передать все наши планы этому уроду... хотя... и планов то у нас нет. Если Кузнецов реально заодно с ним, то уже все давно знают о том, что я нахожусь здесь. Но один раз я уже доверился тому, кому нельзя было, и что в итоге?

— Не думаю, что это касается тебя, — спокойно говорю я.

— Всё, что касается её, — парень кивает на Машу, — затрагивает и меня. Так что выкладывай. Или пойдёшь на корм своим бугаям...

Он кривится в усмешке, но я понимаю, что парень просто шутит и не станет меня выгонять. Хотя... Кто его знает. Взглянув на Розину, я понимаю, что девушка вообще не собирается в этом участвовать, и теперь все мои решения будут на моей совести. В принципе, Миша вроде неплохой парень. Но, как говорится, внешность бывает обманчива. Но по сути нам терять то и нечего, и планов у нас никаких. В принципе, даже если он и шпионит за нами, то ничего нового он точно не узнает.

— Ну, короче, тема такая, — я отодвигаю в сторону пустую тарелку и облакачиваюсь локтём на стол, чтобы нагнуться чуть ближе к парню. — Клуб, в котором я работал, прикрыли, потому что там продавали травку и прочую гадость. Её туда сбывал местный барыга Арчи, которому я должен шестьсот штук за то, что выиграл в подставном спарринге, где должен был проиграть. Плюс ко всему, Арчи в курсе про анонима и про то, что тот грозился сдать нас. Арчибальд пообещал, что найдёт этого урода, но, очевидно, не успел. А так как Конечный Пункт прикрыли, то и Арчи потянули на дно, ибо он сбывал туда наркоту. К тому же кто-то стукнул ему, мол, это я слил инфу про наркотики, так что Арчи послал своих бугаев найти меня. Поэтому я здесь. В такой ситуации нахожусь я, — я перевожу дыхание, пристально наблюдая за Мишей, чтобы понять его реакцию и выявить, работает ли он на анонима. — Есть мой друг Матвей. После травмы у него частые головные боли, поэтому он пьёт таблетки, но те мало помогают, так что он перешёл на транквилизаторы и прочую дрянь. Аноним хотел отправить его в больницу, где чувак уже давно не был, но парень отказался. В итоге на него натравили копов, якобы у него куча наркоты, и Матвей теперь скрывается у одной девчонки, даже не собираясь вылезать оттуда. У Сони с Машей, в принципе, всё не так ужасно. Соня в общаге, плюс работает в какой-то забегаловке. А Маша только отнесла письмо с наводкой на клуб. Вот и всё. И недавно все мы раскрыли тайны друг другу, чтобы аноним не смог нами манипулировать, так что, по сути, проблемы только у меня и у Мити, — я замолкаю и задумчиво хмурюсь. — Но у меня всё равно такое чувство, что я что-то упускаю...

Миша молчит, обдумывая мои слова.

— Что на счёт Яны Куркиной? — интересуется Маша.

— Ах, да... Школьная подруга Сони, — вспоминаю я. — Тоже была втянута. Соне надо было передать ей: «небо падает». После того, как я расстался с твоей сестрой, Куркина пыталась подкатывать ко мне. Я тогда ещё на коляске ездил, и мне было не до флирта с кем-то, поэтому я послал её. Она обиделась, а после свалила в Москву. Каким боком она здесь, я понятия не имею. А, вот про что я забыл... — вспоминаю я. — Есть у меня соседка, которая утверждает, что залетела от меня. Но это полная чушь. Преследует меня постоянно и частенько ворует письма от анонима... Но, думаю, это вообще не в тему.

— Ты не рассказывал, — замечает Маша.

Я пожимаю плечом.

— Не хотел, — бросаю я. — Но высказаться мне надо было, так что даже полегчало...

— М-да, — тянет Кузнецов. — Санта-Барбара сраная. Вообще всё в кучу и никакой логики. Мотив нужен, а его вообще ни в одном поступке нет.

Я ничего не отвечаю. Ну, да. Никакого смысла и логики в действиях анонима, если только он просто хочет насолить нам. Меня в конец уничтожить, ибо я единственный в самой жопе. Матвею помочь, иначе зачем ему было отправлять его в больницу. А Розиных вообще просто использует, чтобы на меня повлиять. Может быть, реально я в центре всех этих событий и я всему виной?

Телефонный звонок разрывает молчание, и я даже вздрагиваю. Миша тянется к полке, на которой лежит сотовый, и смотрит на экран.

— Это Таран, — бросает парень. — Наверное, на счёт завтрашней трени... Алло.

Кузнецов хмурится, а потом смотрит на Машу.

— Ну... Ладно, сейчас... — Миша ставит на громкую связь. — Всё.

Мы все пристально смотрим на сотовый, словно из него вот-вот должно вырваться

нечто страшное и неприятное. Несколько секунд мы вслушиваемся в тишину, а после незнакомый мне голос, очевидно, принадлежащий Тарану, разрывает пространство.

— Соня Розина у меня, — коротко говорит парень. — Если не будете делать глупостей, то она не пострадает. А теперь слушайте меня внимательно. Всё, что имеет начало, имеет и конец.

Он на секунду замолкает, и Маша пользуется возможностью:

— Андрей, что происходит? — не понимает девушка. — Где моя сестра?

— Я же сказал, она у меня. Если хотите вернуть её, приходите в место, где всё закончилось... Сегодня в полночь. Лучше вам не опаздывать.

Парень отключается, и короткие гудки заполняют мою голову.

— Что это значит? — не понимает Миша. — Он тоже замешан во всём этом дерьме?

Маша шумно вздыхает, прикрывая лицо руками.

— Чёрт... Соня же подозревала его, — девушка смотрит на Кузнецова, подозрительно прищуриваясь. — Если ты тоже втянут в это, я тебе это никогда не прощу! — выпаливает она, поднимаясь на ноги и уходя в комнату.

— Что... Маш! Блять, — Кузнецов смотрит на меня, мол, объясняйся.

Я пожимаю плечом, думая совершенно о другом. Сегодня в полночь в месте, где всё закончилось. Опять загадки. Ну, почему просто нельзя назвать адрес, чёрт его дери!

Миша забивает на меня и уходит вслед за девушкой. Я слышу их приглушённый разговор и какие-то споры, кажется, Розина в конец психанула со своей паранойей. Если так и дальше пойдёт, то не только мне конец, но и всем нам. Чёрт...

Я хлопаю ладонью по столу, резко поднимаясь на ноги и направляясь к ссорящейся парочке.

— Таран следил за ней, он не просто так появился у нас в команде! И что теперь? Моя сестра чёрт знает где! За всеми нами кто-то следил, — она замолкает и смотрит на Мишу. — За мной мог только ты. Если это ты...

— Да не носи чепухи! — выпаливает Кузнецов. — Мы с тобой знакомы сто лет, мне заняться что ли больше нечем?! Я паху на работе сутками, мне вообще не до ваших анонимов. Успокойся уже! — он хватает её за локоть, пытаюсь развернуть к себе, но Розина отталкивает парня.

— Может, оба успокойтесь? — я осматриваю разбросанные по углам оружия и магазины, еле сдерживаясь от едкого комментария. — Нам надо придумать, что делать с Соней.

Маша зло смотрит в мою сторону, скрещивая на груди руки, а Миша отмахивается и садится на диван.

— Место, где всё закончилось, — настойчиво повторяю я. — Есть идеи? — обращаюсь к девушке.

Она качает головой, прикрывая глаза, и несколько секунд думает.

— Может... Ну. Может эта та стоянка? — предполагает Розина. — Где мы выловили Малийского. С того момента всё и понеслось... У меня больше нет вариантов...

Я скольжу рукой по волосам, облизывая губы. Да, скорее всего это именно там. На ум вообще ничего не идёт. Значит, нам остаётся только вернуться на место, где мне сломали спину, и выяснить, кто будет нас там поджидать. Дайте мне только повод, и я уничтожу этого анонима. Мне больше терять нечего...

Diplo — Revolution (male cover)

Соня.

Мне приходится преодолеть целую вечность, прежде чем наступает утро субботы. Выходной встречает меня унылой погодой и отвратительным настроением, так что весь день я собираюсь провести в своей постели с ноутбуком и каким-нибудь сериалом.

Неделька, скажу вам, выдалась отвратительная. Пришлось работать сверхурочно, лишь бы не возвращаться в общагу и не думать о том, что моя сестра переспала с Егором Штормовым. И я ещё не решила, на кого из них злюсь больше всего.

Но с каждым днём моя злость постепенно угасает, оставляя место лишь грусти и обиде. Я сбежала в Питер, оставив прошлое далеко позади и не собираясь возвращаться ни к своей семье, ни ко всему остальному, поэтому не удивительно, что брошенные мною люди делали всё, что взбредёт им в голову.

Интересно, если бы я не уехала, если бы не отреагировала на слова Шторма так категорично и осталась бы с ним, всё было бы по другому? Могли бы мы остаться с ним вместе или же всё-таки наше расставание было неизбежно?

От анонима больше ничего не слышно, и это единственная хорошая новость. Да и с моим настроением я вряд ли отреагирую на его очередное письмо. Ну, вот что он мне может сделать? Расскажет секрет Маши? Я и так уже его знаю. Натравит на меня копов? У меня и так уже права отобрали, и я катаюсь со временными, пока не придёт решение суда. Сделает так, что меня выгонят из общаги? За что? Я сижу тут тише воды, ниже травы. Или ниже воды, тише травы? Нет... Всё-таки первый вариант. Если только подкинет мне какую-нибудь дрянь... Ну, и что? У меня есть работа... Там тоже напакостит? Да пускай. Уже всё равно... Жизнь хуже не станет.

Ближе к девяти вечера мне пишет Таран и предлагает прошвырнуться по городу. Я в это время досматриваю очередную серию «Доктора Кто», и у меня, признаться, нет никакого желания видаться с парнем. Тем более, что скоро комендантша прикроет свою лавочку и в общагу будет не попасть. Студенческие, мать его, правила. В обычных общежитиях такого нет...

После продолжительных уговоров я всё-таки соглашаюсь ненадолго выбраться из своей комнаты и подышать свежим воздухом, и вот мы теперь сидим в странной машине, которая взялась у Андрея непонятно откуда, и катаемся по вечернему городу.

— Откуда у тебя тачка? — интересуюсь я.

Парень пожимает плечом.

— Взял погонять у друга.

— У тебя права-то хоть есть? — шучу я.

— Ага.

Я молча смотрю в окно, наблюдая за тем, как мимо проносятся автомобили, вглядываюсь в лица водителей и пассажиров, словно пытаюсь найти кого-то знакомого. Негромкая музыка нарушает тишину, а все мои мысли путаются и налетают друг на друга в невероятном хаосе. Странное предчувствие, сдавливающее меня изнутри, преследует меня с того момента, как я села в эту машину. Я смотрю на Тарана, но парень безмятежно следит за дорогой. На его лице лёгкая улыбка.

Наконец, мы сворачиваем с главной дороги и вскоре заезжаем на подземную парковку. Машин здесь мало, но зато освещение хорошее. Андрей останавливает авто, но не спешит выходить, а я нерешительно осматриваюсь по сторонам.

— Что это за место? — спрашиваю я.

Таран откидывается на спинку сидения и поворачивается ко мне корпусом. Он ловким движением закрывает все двери.

— Это стоянка, — спокойно говорит парень. — Здесь сломали спину Егору Штормову три года назад.

Я замираю, потому что сердце пропускает удар, а тело словно цепенеет. Прикрыв глаза, пытаюсь избавиться от лёгкого страха, сковывающего мои внутренности.

— И почему я не удивлена? — тяну я, шумно вздыхая и поворачиваясь к парню. — Ты работаешь на анонима, — не спрашиваю, а утверждаю я.

Андрей облизывает губы, начиная постукивать пальцами по рулю.

— Это не совсем так, — кривится Таран. Андрей несколько секунд молчит, словно решая, стоит ли мне рассказывать правду, но, видимо, решив, что скрывать информацию больше нет смысла, медленно и томно тянет: — Я и есть аноним.

Я непонимающе хмурюсь. Что? Он это серьёзно? Парень, который играет в одной команде с моей сестрой в страйкбол, который живёт со мной в общежитии и которого я вообще никогда в жизни раньше не видела, и есть тот самый аноним, присылающий нам письма? Но Андрей появился уже после того, как я начала получать карточки... Что-то здесь не сходится. Что-то здесь не так.

— Зачем? — только и могу выговорить я, совершенно сбита с толку.

— Зачем я привёз тебя сюда или зачем я всё это затеял? — уточняет Таран, но, видимо, не собирается дожидаться моего ответа. — Здесь мы только из-за того, что весь план полетел к чертям, и приходится импровизировать. Хотя он изначально был идиотским. Смысла в нём вообще никакого нет, — парень говорит так, словно не он был организатором плана, а кто-то другой.

Я пристально наблюдаю за ним, но Андрей выглядит чересчур спокойным и безмятежным, будто жалуется на своего начальника или на свою девушку, которая снова устроила скандал из-за пустяка.

— Так, что это за план? — спрашиваю я. — Что тебе от нас надо?

Парень смотрит на меня, прожигая взглядом, и мне становится не по себе. Желание выбраться из машины и убежать отсюда увеличивается с каждой секундой, но любопытство тянет меня обратно и заставляет сидеть на месте. Вся моя логическая цепочка, которую я выстраивала последние месяцы, рушится на моих глазах.

— На самом деле, я тебе соврал, — признаётся Таран. — Я не аноним. Точнее, я его часть. Аноним — это все мы. Все те, кому вы когда-то насолили.

Очередное звено в цепочке с треском лопается, и жуткое чувство, словно я вот-вот угадаю правильный ответ, накрывает меня полностью. Я пытаюсь поймать спасительную

ниточку, чтобы дотянуться до правды, но та проскальзывает между моими пальцами и не позволяет себя поймать. Губы сохнут от напряжения, и я с трудом сглатываю.

— Я не понимаю...

— Малийского помнишь? — неожиданно спрашивает Андрей. — Скажем, он стал отправной точкой. И он затеял весь этот балаган. План был его, но он настолько тупой и нелепый, что я даже не удивился, когда всё пошло не так, как мы хотели.

— Но он в тюрьме. Как он... — я качаю головой, пытаюсь собраться с мыслями.

— Да, он в тюрьме, — соглашается Таран. — Был.

— Что значит был? — невольно выпаливаю я. — Хочешь сказать, что его выпустили?

Андрей вздыхает и смотрит куда-то вдаль на машины, припаркованные в другой части стоянки. Недолго парень молчит.

— Всё немного сложнее, чем ты думаешь, — признаётся Андрей. — Изначально всё это должно было быть безобидной шуткой. Мы хотели свести вас вместе и заставить снова покопаться в прошлом. Но потом появились проблемы в виде Арчи, местного наркоторговца. У него в руках половина полиции и практически весь город. К тому же его племянник... Отморозок ещё тот. Его зовут Антон, и он, какая ирония, двоюродный брат Саши Малийского, а, следовательно, Саша — это ещё один племянник Арчи, смекнула, да?

Я потираю переносицу, пытаюсь собрать всю информацию в один пазл, но картинка слишком сложная для такой тупицы, как я.

Саша — племянник Арчи. Егор должен Арчи кучу денег, к тому же парень попросил у него помощи, чтобы тот поймал анонима, который хочет прикрыть клуб, но Арчи, получается, сам заодно с анонимом. Точнее, он и есть это сраный аноним... Ничего не понимаю.

— Тема такая, — вздыхает Андрей. — Антон планировал отомстить за то, что вы отправили его брата в тюрьму, а Арчи ему помогал. Матвея хотели запереть в лечебнице как наркомана. Машу развести на чистую воду, потому что она изменила своему парню с Егором. Тебя особо не трогали, ибо Саша до сих пор на тебя слюни пускает. А вот за Штормова они взялись конкретно. Как только до него доберутся, ему конец.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — не понимаю я.

Таран пожимает плечом.

— Чтобы время скоротать, — бросает Андрей. — Скоро сюда должны прийти твои друзья. И мои тоже, так что... Думаю, будет весело.

Чёрт. Да что вообще здесь происходит? Неужели, они хотят снова повторить ту трагедию? Егору ни в коем случае нельзя тут появляться, а я даже предупредить его не могу об этом.

— А ты? — решаю спросить я. — Ты почему с ними?

Андрей снова смотрит на меня, да ещё так, словно я маленький ребёнок, ничего не понимающий в жизни. Несколько секунд он молчит.

— Я встречаюсь с Яной Куркиной, — признаётся Таран. — И ещё мне нравится твоя сестра. Но она с этим придурком Кузнецовым, так что у меня даже нет шанса. А Куркина та ещё истеричка. Если я сольюсь, она мне глаза выцарапает.

— Ты... что... бля, — я потираю ладонью лицо, параллельно пытаюсь незаметно достать из кармана телефон.

Вспоминаю, как мы пришли в школу и встретили там Яну. Получается, Таран заранее знал, что мы пересечёмся с его девушкой, а ведь всё это выглядело так, словно случайная

встреча.

А я ещё думала, что Андрей влюблён в меня... Тоже мне, Шерлок.

Ну Санта-Барбара блин! И я до сих пор не понимаю, зачем вообще нужен весь этот цирк, который они устроили. Это же всё детский сад! Месть избалованных детей, у которых отобрали игрушки. А мы ещё играли по их правилам... Надо было сразу послать всё к чертям.

— И что вы собираетесь делать?

— Я лично — ничего, — бросает парень. — А остальные... чёрт их знает. И тебе лучше отдать мне свой сотовый прямо сейчас, не хочу силой отбирать его.

Я поджимаю губы, мысленно коря себя за попытку достать телефон. Оценив обстановку, я всё-таки решаю не рисковать.

— Тебе, кстати, не звонила сестра сегодня? — интересуется Андрей, забирая мой сотовый и пряча его в карман.

— Нет, — бурчу я.

— Пф-ф-ф, идио-о-оты, — тянет парень. — Я ведь специально с утра им позвонил, сказал, что ты у меня. Они, по ходу, так перепугались, что даже не додумались тебя набрать. А ведь, если бы позвонили, то смогли бы предупредить. И мы бы сейчас здесь с тобой не сидели...

— Издеваешься?

— Да. Нет. Ну, чуть-чуть, — фыркает Андрей.

Я скрещиваю на груди руки и больше ничего не говорю. Двери в машине заперты, я в ловушке с парнем, которого с самого начала подозревала в причастности к анониму, и единственное, что мне сейчас остаётся, это сидеть здесь и ждать, пока Егор, Маша и Матвей придут мне на помощь. А что будет дальше? Я даже думать не хочу об этом...

Placebo — Begin The End

Маша.

Я нервно осматриваюсь, когда Миша сворачивает с главной дороги и медленно заезжает за до боли знакомое здание, в котором три года назад мы столкнулись с Александром Малийским. На часах почти двенадцать, и темнота окутывает огромные окна торгового центра, лишь отблески редких фонарей отсвечивают в стёклах, словно холодный лунный свет.

Мы молчим. Я пытаюсь унять трепещущее сердце, но у меня ничего не получается. Егор на заднем сидении нервно постукивает костяшками пальцев по стеклу, а я так волнуюсь, что всё внутри меня разрывается на кусочки. С одной стороны я безумно хочу уехать отсюда куда подальше и больше никогда не возвращаться, но с другой нам нужно вытащить Соню из лап Тарана. И я уверена, что он будет на встрече не один. Он лишь пешка, лишь часть головоломки. Кто же на самом деле стоит за письмами и угрозами, которые мы получаем последние несколько месяцев?

Авто плавно сворачивает, проезжает мимо распахнутых ворот и медленно заезжаем в объятия здания. В этот раз на подземной стоянке светло. Здесь всего несколько припаркованных машин, но каждая из них безжизненная и опустошённая.

— Здесь вообще можно находиться? — неуверенно спрашиваю я, не понимая, как вообще мы смогли заехать на подземную парковку торгового центра, ведь здесь должны быть камеры наблюдения и охрана. Вряд ли каждого прохожего пустят на частную территорию.

— Камеры закрыты пакетами, — тихо говорит Миша, нагибаясь к рулю и смотря вверх. Я следую его примеру и понимаю, что да, действительно, все камеры на парковке кто-то специально закрыл пакетами, чтобы нельзя было увидеть наши лица. Но вопрос в другом, что делает охрана?

— Дичь, — Егор, наконец, перестаёт стучать о стекло и шумно вздыхает. — У меня плохое предчувствие.

— Навевает воспоминания, — бурчу я, поджимая губы.

Я прикрываю глаза, чтобы перестать так сильно волноваться, но ничего не помогает, затем медленно открываю их. Кузнецов проезжает в дальнюю часть парковки, но ему приходится остановиться, потому что свет неожиданно выключается и темнота обрушивается на нас, словно плотное зимнее одеяло.

— Что за чёрт? — Егор нагибается к нам, хватаясь за края сидений.

Я пытаюсь разглядеть, что происходит впереди, но ничего не вижу из-за непроглядного мрака.

— Включи фары, — осторожно тяну я, нервно сжимая в руке сотовый.

Но Миша не успевает выполнить мою просьбу: я слышу рёв чужих двигателей, а затем ослепляющий свет заставляет меня зажмуриться.

С трудом я могу разглядеть, что дорога перекрыта двумя машинами, их фары ярко горят,

почти ослепляя, а в неприятных огнях тонут несколько тёмных фигур. Я пытаюсь разобрать, есть ли среди них моя сестра, но это всё равно, что пробовать увидеть птицу, парящую прямо на фоне солнца. Единственное, что я вижу, у одного из присутствующих в руках бейсбольная бита, на которую он облокотился, словно на трость.

— У них бита... — я не узнаю свой голос, переполненный ужасом и страхом.

— Ты останешься в машине, — спокойно говорит Миша. — Если что, звони Данику. Я их предупредил, что мы здесь. Они прикроют, если что-то пойдёт не так. Поняла?

Я не отвечаю, пристально вглядываясь в незнакомца с битой. Кто это? Таран? Или нет? Насколько агрессивно они настроены и что я смогу сделать в этой ситуации, если вдруг что-то пойдёт не так? Справлюсь ли я? Или как в прошлый раз не смогу ничего сделать? Три года назад я была такой беспомощной, такой уязвимой и путающейся под ногами... Сейчас я чувствую себя точно так же. Ничего не изменилось. Ничего...

— Мащ, — Кузнецов поворачивается ко мне, привлекая моё внимание, и я сглатываю, с трудом отрывая взгляд от людей, всё ещё неподвижно стоящих в свете фар. Я смотрю на парня, но не вижу его, потому что перед глазами мелькают воспоминания о том, что произошло здесь три года назад. — Ты поняла меня?

Он кладёт руку мне на бедро, чтобы показать, что он рядом со мной. Я киваю, с трудом соображая, что от меня хотят. Никогда я ещё не видела Мишу таким серьёзным, и мне вдруг становится не по себе. Я не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось. Не хочу, чтобы они забрали его.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, мол, давай лучше позвоним в полицию и уедем отсюда подальше, но парень уже выбирается из машины, и я упускаю свой шанс.

Егор следует его примеру. Я вижу, как ребята решительно направляются в сторону незнакомцев, а потом останавливаются где-то на середине пути, так и не дойдя до нужного места. Я вижу их спины. Слева стоит Миша, а справа Егор. В ярком свете они кажутся мне тенями, падшими душами, стоящими перед воротами рая. Я не вижу и не слышу, что происходит снаружи, и меня раздрает дикое желание выбраться из машины и оказать там, рядом с Кузнецовым. Взять его за руку и показать, что я с ним, но я понимаю, что буду только мешаться. Как в прошлый раз, когда меня схватили дружки Малийского. Может быть, это стало причиной дальнейших событий? Я бы смогла... Я бы...

Егор делает выпад вперёд, словно собираясь наброситься на противников, но Миша останавливает его, схватив за плечо.

Кузнецов неожиданно оборачивается, и моё сердце замирает. Он недолго смотрит на меня, а потом машет рукой, чтобы я вышла из авто и подошла к ним. Я медлю, потому что тело не слушается, а разум вообще находится непонятно где. Мне страшно. И я не могу справиться со своими эмоциями. Фиговый из меня психолог...

Я не знаю, сколько времени моё тело пытается изобразить дерево, но, думаю, достаточно долго, потому что теперь уже оборачивается Егор. Парни смотрят на меня, и я понимаю, что изображать невидимку больше нет смысла. Я сжимаю пальцами телефон, на экране которого в этот момент затухает контакт «Даник», которого я собиралась набрать в случае худшего развития событий, затем вздыхаю, блокирую экран и прячу сотовый в задний карман джинс, прикрывая его кофтой, и только после этого, собрав все силы, выбираюсь из автомобиля.

Мне сразу становится зябко, и я скрещиваю руки на груди, медленно направляясь в сторону парней. Я останавливаюсь слева от Миши, поборов едкое желание взять его за руку.

Прищурившись, я смотрю на незнакомцев, но даже отсюда трудно разобрать, кто из них кто. Единственное: я могу предположить, что парень с битой, — это Таран. Слева от него стоит девушка, рядом ещё одна.

Я украдкой осматриваюсь, пытаюсь узнать, есть ли поблизости ещё люди, но в полумраке трудно что-то различить.

— Одного забыли, ну, это, в принципе, не важно, — раздаётся голос Андрея, и череда мурашек скользит по моему телу.

Я думаю о парнишке, который пришёл к нам в команду чуть больше года назад, о рыжем вечно улыбающемся чудаке, который отлично играет в страйкбол и может выручить тебя в любую минуту. Мы столько тренировок провели вместе, столько игр у нас за плечами, не считая обычных моментов из повседневной жизни.

А теперь передо мной стоит совершенно незнакомый парень с битой в руках, и его голос кажется мне чужим и пугающим. Могла ли я даже подумать о том, что этот человек шпионит за мной всё это время? Так искусно притворяется моим другом...

Свет фар неожиданного переключается с дальних на ближние, и теперь мне не приходится щуриться, чтобы увидеть собеседников.

Я смотрю на девушку слева с тёмными волосами в кожаной куртке и в джинсах, но не узнаю её. Рядом стоит Таран с битой в руках, а чуть правее за его спиной Соня. Она облокачивается на капот авто, скрестив руки на груди и, кажется, пытается сделать вид, что не участвует во всей этой заварушке.

Двери машин открываются, и из них вылезают ещё двое. Из правой — девушка, а из левой — парень. Никого из них я тоже не узнаю. Очевидно, единственный, с кем я знакома, — это Таран.

— Кристина? — выпаливает Егор, когда девушка вальяжно подходит ближе, останавливаясь рядом с Андреем. Она щёлкает зажигалкой и прикуривает.

— Удивлён? — она вскидывает бровь. — А ты думал, я за тобой бегала, потому что втюрилась в тебя? — она фыркает, иронично качая головой. — Уволь. И, кстати, можешь успокоиться, я не беременна.

— Вот ты шлюха... — бурчит Егор.

Я вспоминаю признание Штормова, рассказавшего нам, что у него есть соседка, которая преследует его и пытается навязать свою беременность. Кто бы мог подумать, что это именно она будет следить за ним.

— Ты полегче, — Кристина коротко смеётся. — Преимущество не на твоей стороне.

Я смотрю на Тарана, затем снова на Крис, потом на сестру. У меня возникает желание спросить у неё, всё ли с ней в порядке, но страх и напряжение сковывает всё моё тело. У меня такое чувство, словно мне в рот залили клей. Будто я Нео из первой части Матрицы, когда у него исчез рот.

Итак, что мы имеем? Андрей следил за моей сестрой. Кристина за Егором. Незнакомая девчонка, наверное, за Матвеем, потому что я её точно не знаю. И парня, стоящего слева, тоже. Он высокий и коренастый, у него светлые волосы, джинсовая куртка и белые выделяющиеся кроссовки.

— Оставим удивление на потом, — говорит Таран.

— Что ты хочешь от нас? — перебивает его Егор. — Отпусти Розину, и мы спокойно разойдёмся. Можно обойтись без травм.

— Это ты про свою спину? — насмешливо тянет незнакомая девчонка. — Будешь

хорошо себя вести, она останется в порядке. Как и твои ноги.

— Заткнись, Куркина. Шкура, — ядовито тянет Штурм. — Ты вообще должна помалкивать в тряпочку, после всего, что сделала.

Яна Куркина? Так, вот кто это такая. Школьная подруга Сони. Я видела её пару раз три года назад, но тогда она была с короткими волосами и совсем мелкая. Её не узнать. Девушка возмущённо открывает рот, словно рыба, выброшенная на сушу. Яна смотрит на Андрея, затем снова на Егора.

Таран тяжело вздыхает, немного покрутив битую в руке.

— Заткнитесь оба! — просит он, но Яна лишь сильнее вспыхивает. Девушка собирается что-то сказать, но Андрей поворачивается к ней и впивается в неё предостерегающим взглядом, заставляющим Куркину смириться и успокоиться. — Она, на самом деле, права. Можем разойтись мирно, если выслушаете нас. Миш... Дело за тобой, — парень смотрит на Кузнецова и пару раз стучит битой по бетонному полу.

Мой парень прячет руки в карманы армейских штанов. Его оливковые берцы неестественно выделяются на фоне остальной одежды. Несколько секунд он молчит, а потом делает шаг вперёд, затем ещё один и ещё. Я непонимающе смотрю в спину Мише, пытаюсь понять, что вообще происходит. В смысле «дело за тобой»? Только не говорите мне...

— Ты серьёзно, блять?! — выпаливает Егор. Он шумно выдыхает, стирая со лба пот и убирая назад взмокшие волосы.

— Миш, — тихо зову его я, и парень резко останавливается, но вовсе не из-за моего голоса.

Таран делает пару шагов вперёд и вытягивает руку с битой, которая упирается в грудь Кузнецову, словно непреодолимая преграда.

— Я же тебе говорил, — спокойно тянет Миша. — Я не собираюсь в этом участвовать.

Его голос приглушённый, но я всё-таки умудряюсь разобрать слова.

— Планы поменялись, — Андрей хмурится. — Я предлагаю вам перемирие.

— Перемирие?

Миша медлит, а потом происходит то, чего я вообще не ожидаю. Кузнецов перехватывает битую, тянет её на себя вместе с Тараном, а затем ловким движением хватая Андрея за локоть, заламывает ему руку за спину, ударяет по голени ногой и заставляет противника упасть на колени. Бита падает на бетонный пол и катится по нему, разрывая тишину, словно гром среди ясного неба. Яна взвизгивает, и её крик эхом отскакивает от стен.

— А вот это ты зря, — я слышу щелчок пистолета и резко смотрю в сторону незнакомого мне парня, до этого молча стоявшего в стороне.

Он направляет оружие в сторону Миши. Егор, который за секунду до этого бросается на подмогу Кузнецову, замирает на половине пути.

— Отпусти его, — приказывает незнакомец.

— Ром, остынь, — морщится Андрей, очевидно, не собираясь сопротивляться. — Всё нормально.

Но Рома не слушается, продолжая целиться в моего парня, и неожиданный ужас непонимания и страха охватывает меня. Голова идёт кругом от происходящего, и моя беспомощность сводит с ума весь мой внутренний мир.

— Ты хоть стрелять-то умеешь? — усмехается Миша.

Кузнецов неплохо разбирается в оружии, он отличный страйкболист и, наверное, знает

наизусть каждую существующую в мире пушку. И не только страйкбольную, но и настоящую. Парень жуткий фанатик, но какой в этом толк, если пистолет не в его руках?

— Умею, не переживай, — спокойно тянет Рома. — А теперь отпусти его, если не хочешь, чтобы твоя подружка пострадала.

Блондин резко переводит пистолет на меня, и я вздрагиваю. Ноги не слушаются, будто приросшие к полу, а тело словно каменеет. Я уже представляю, как грохот выстрела разлетается по парковке, пуля вырывается из оружия и пронзает мою голову.

— Мы просто хотим поговорить, — подаёт голос Кристина, делая несколько шагов вперёд, чтобы не прятаться за машинами. — Да, мы изначально преследовали вас, но сейчас всё изменилось. Тот, на кого мы работаем, хочет уничтожить всех нас, чтобы не оставлять свидетелей. Егор, — девушка смотрит на Штормова. — Арчи стоит за всем этим. И ты знаешь, на что он способен. Если вы выслушаете нас, то мы всё расскажем.

Я смотрю на Егора, затем на Кристину, а после на Мишу с Андреем. Рома немного опускает пистолет, но всё равно продолжает держать меня на прицеле.

— Она права, — Таран морщится из-за сильного захвата Кузнецца. — Миш. То, что я тебе рассказывал в тот раз, это просто глупая шутка по сравнению с тем, что с нами будет, если мы не разберёмся с Арчи. Я сам лично слышал, что он собирается избавиться от каждого, кто причастен к этой истории. Всё зашло слишком далеко. Вы не понимаете, что вообще происходит. Дело уже куда серьёзней, чем просто детские разборки из-за прошлого. Отпусти меня, и я всё расскажу.

Миша медлит. Я качаю головой, мысленно умоляя его не делать этого. Они же врут, чёрт их дери! Это просто очередная уловка, чтобы сломить нас.

Но Миша не слышит моих мыслей и, помедлив, всё-таки отпускает Тарана. В этот же момент Рома опускает пистолет, прекращая целиться в меня.

Андрей поднимается на ноги и отступает, словно опасаясь, что на него снова могут напасть.

— Ладно, — Таран поднимает битую и смотрит на Соню, затем устремляет взгляд прямо на меня. — Давайте просто мирно поговорим...

Никто ничего не отвечает. Миша отступает от них в сторону и оборачивается ко мне, без слов показывая, чтобы я подошла к нему поближе. Помедлив, я осторожно пересекаю расстояние между нами и останавливаюсь возле парня. Мне хочется прикоснуться к нему или обнять, чтобы успокоиться, но вместо этого я тихо и холодно спрашиваю:

— Ты был заодно с ними? Отвечай.

— Мы поговорим об этом позже, — спокойно говорит парень.

Его рука опускается на мою спину и немного поглаживает её, показывая, что мне нечего волноваться, но я всё равно ёжусь от неожиданных мурашек, пронзивших мою кожу, и скрещиваю на груди руки.

Мне не по себе, и я жутко хочу вернуться домой.

— Это всё бред, — раздражается Егор, подходя ближе к нам. — Они следили за нами последний год, если не больше, а теперь предлагают перемирие. По любому какой-нибудь подвох есть.

— Я тоже так думаю, — тихо соглашаюсь я. — Им нельзя доверять. Они притворялись нашими друзьями, а сами работали чёрт знает на кого.

Я смотрю на Мишу, встречаясь с ним взглядом, но парень поджимает губы и отворачивается.

— Просто выслушаем их, — предлагает Миша. — Может быть, у нас действительно есть проблемы похуже, чем просто анонимные карточки. Я знаю, о чём говорю, — парень смотрит на меня. — Доверься мне. Позже я тебе всё объясню.

Я ничего не отвечаю, потому что уже не знаю, чему можно верить, а чему нельзя.

— Закончили? — Андрей подходит к нам, другие останавливаются чуть в стороне. — У нас мало времени. Расскажу основную суть. Итак, всё началось с Малийского...

— Я так и знала, — бурчу я, но Таран не обращает на меня внимания.

— ...изначально это была просто шутка с карточками и прочей ерундой. Он отсылал их Соне по приколу, потому что никак не мог забыть её. У него в тюрьме там совсем кукушка двинулась, — Андрей крутит у виска. — После в игру вступил двоюродный брат Саши, Антон. Он предложил Малийскому подключить к игре и остальных, а потом свести всех вместе, чтобы вы покопались в прошлом. Саше вообще было всё равно и на Егора, и на Матвея. Ему нужна была только Соня, а вот Антона переклинило совсем. Парень тот ещё отморозок. Он решил вывернуть безобидную шутку в мсть за то, что Штормов подставил его брата и усадил за решётку. Антон начал копать в вашем прошлом. Втянул Яну, меня, Кристину и Ромыча. Мы следили за вами, как удавалась возможность, и периодически подкидывали письма, но Антону было всё мало. Он решил подключить своего дядю. Арчибальда. Сечёте фишку? Антон племянник Арчи и двоюродный брат Саши. Следовательно, Малийский тоже племянник Арчи, — Андрей на несколько секунд замолкает.

— Чёрт, — тянет Егор, потирая переносицу. — Как же всё очевидно... Попался на их удочку, как дебил...

— Не ты один, — бросает Андрей. — Арчибальд совсем больной, у него куча связей как в полиции, так и в криминальной сфере. Он решил поддержать Антона, подключил бывшую жену, а после подставил Егора с деньгами и с клубом. Он хотел, чтобы выглядело всё так, словно ты сам облажался, — парень смотрит на Егора. — Недавно я случайно подслушал разговор, что Арчи собирается всех слить из игры. Устранить вас четверых, а потом и нас тоже, потому что свидетели ему не нужны. У него там какие-то проблемы с полицией, вроде как новый начальник, которого подкупить не получится. Держу пари, Арчи просто испугался, что мы можем его сдать, и тогда он сядет далеко и надолго. Поэтому мы всё обсудили и решили, что будет лучше, если мы объединимся с вами и избавимся от этого барыги, пока он не добрался до нас. Поэтому я и предлагаю вам перемирие. Устраним Арчибальда и разбежимся, словно ничего этого не было.

Парень замолкает, внимательно смотря на всех нас по очереди. Я молчу, бросаю взгляд на Мишу, затем на Егора.

— Ну, не знаю, — бурчит Шторм. — Где-то есть подвох, ты точно что-то не договариваешь. С чего нам тебе верить? Мы объединимся с вами, а потом вы приведёте нас прямо в лапы этому уроду, чтобы спасти свои задницы. Или, может быть, это всё вообще враньё.

— Ты что, серьёзно думаешь, что Арчи согласится оставить нас в покое? — не понимает Яна. — С ним бесполезно договариваться. Да и если он захочет, он найдёт вас и без нашей помощи. Он знает, где вы живёте, с кем общаетесь и что собираетесь делать. Вы просто ещё не поняли, в каком дерьме мы все находимся.

— Так, спокойно, — Таран поднимает руку. — Дело за вами, — говорит он. — Либо мы объединяемся, либо разбегаемся. Каждый будет сам за себя. Миш, — Андрей смотрит на

моего парня. — Ты знаешь ситуацию. И знаешь меня. Поодиночке никто из нас не справится, нас отловят, словно крыс.

Кузнец задумчиво смотрит в сторону, пытаюсь обдумать слова товарища по команде и сделать правильный выбор. Секунды тянутся, словно часы. Я смотрю на Соню и встречаюсь с ней взглядом. Девушка прикусывает губу и отворачивается.

— Мы уже и так кучу времени потратили, — раздражается Яна. — Если будем долго торчать тут, нас спалят. И вообще... — Куркина осекается, потому что до нас долетают неожиданные звуки приближающейся машины, которая умудрилась незаметно подъехать к нам на приличное расстояние.

Миша машинально хватается за кофту и оттаскивает в сторону, и я оказываюсь у него за спиной. В этот же момент неизвестный автомобиль вырывается из темноты левого пролёта и останавливается в свете фар наших машин. Это длится всего секунду, а после оглушающая автоматная очередь эхом разлетается по парковке, словно сошедшая лавина камней. Миша толкает меня на пол, и я падаю, больно ударяясь головой о бетонный пол. Всё начинает плыть, в ушах звенит, и я выпадаю из реальности, шумно хватая ртом воздух и пытаюсь не провалиться в темноту, всеми силами удержавшись в реальности.

Не могу понять, попали ли в меня или же нет, потому что кроме шока я ничего не испытываю. Слышу выстрелы пистолета и звуки удаляющейся машины. Я пытаюсь позвать Мишу, но голос не слышится. Я словно забыла, как нужно говорить.

Крики и голоса перемешиваются, превращаясь в сплошной водоворот: меня кто-то переворачивает на спину и пытается привести в чувство.

— Эй, ты жива? Тебя ранили?

Я с трудом фокусирую взгляд и замечаю Егора. Парень помогает мне подняться — я облокачиваюсь рукой о машину, чтобы ноги не подкосились, и пытаюсь осмотреться.

— Я в порядке, — пытаюсь отмахнуться от моего спасителя.

Парень отступает на шаг назад — в его глазах читается ужас, лицо измазано в крови, и Шторму явно требуется много усилий, чтобы держать себя в руках. Я скольжу по нему взглядом, но не вижу никаких ранений, и это меня успокаивает. С трудом смотрю в сторону остальных. Соня тоже, кажется, в порядке. Она стоит у второй машины, прикрывая рот руками, и испуганно смотрит куда-то вниз. Сделав пару шагов вперёд, я вижу сидящего на коленях Андрея, перед которым вся в крови лежит Яна Куркина и, кажется, не дышит. На капоте другой машины сидит Крис, придерживая левое плечо рукой: сквозь её пальцы просачивается густой поток крови. В это время Рома пытается перебинтовать обрывком своей футболки рану на её бедре. Крис стонет, даже не пытаюсь смахнуть скатывающиеся слёзы, и каждый раз, когда Рома делает ей больно, морщится, изредка вскрикивая. Я осматриваюсь, пытаюсь отыскать Мишу, но его нигде нет.

Голова болит, и я провожу рукой по виску и лбу. Пальцы пачкаются в крови, но я даже не обращаю на это внимания. Делаю ещё один шаг вперёд, продолжая облокачиваться о машину, но замираю, наткнувшись на что-то. Я опускаю взгляд, и ужас охватывает все мои внутренности, потому что прямо у моих ног лежит Кузнецов.

— Миш... — хриплю я, но мой голос дрожит, и я осекаюсь. — Миша...

Я с трудом опускаюсь перед ним на колени.

— Миш, — я прикасаюсь к его груди, пачкаюсь в крови, которая пропитала кофту, пытаюсь ухватиться за его щёки и привести в чувство. — Миша... очнись, пожалуйста.

Я нагибаюсь к его лицу, пытаюсь нащупать пульс на шее, но мои пальцы так сильно

дрожат, что я не могу сосредоточиться и выяснить, жив ли парень или...

Невидимые тиски сдавливают моё горло с такой силой, что я не могу дышать. Хватаю ртом воздух — слёзы застилают глаза, но я не сдаюсь. Я нагибаюсь ещё ниже и пытаюсь почувствовать дыхание Миши. Возможно, он просто без сознания. Его можно спасти. Просто вызвать скорую и отправить его в реанимацию... Тогда...

Всё вокруг кружится, и я зажмуриваюсь, чувствуя подступающую тошноту.

— Маш, — Егор оказывается рядом со мной и пытается поднять меня на ноги, но я отталкиваю его.

— Вызови скорую! — почти кричу я. — Ему нужна помощь! Позвони...

Я осекаюсь, потому что Штормов отступает, с ужасом смотря на меня, но почему-то даже не собирается доставать сотовый, чтобы позвонить в больницу. Я не понимаю, почему он просто стоит и смотрит на меня, ничего не делая. Не хочу это понимать...

— Надо уезжать отсюда, — слышу голос Андрея. — Они вернутся. Их спугнул пистолет Ромы, так бы никто не выжил. Крис, ты как?

— Жить будет, — вместо неё отвечает Рома. — Остальные не ранены?

Я собираюсь сказать, что Миша ранен и что они должны срочно позвать кого-нибудь на помощь, но мой голос пропадает, и я не могу его контролировать. Всё внутри меня разрывается на кусочки, и я тону в круговороте мрака, не понимая, что со мной происходит.

— Действуем, как планировали, — продолжает Таран. — Будем медлить, нас найдут. Егор, ты с нами? Мы уезжаем из города. Есть место и деньги, сможем залечь на дно и перегруппироваться, пока всё не утихнет.

Я смотрю на Мишу: его глаза закрыты, рот немного приоткрыт, и я вижу его белые зубы.

— Нужно вызвать скорую, — шепчу я, потому что на большее мои голосовые связки не способны. Лёгкие горят, меня словно выворачивает наизнанку. — Нужно вызвать скорую...

— Маш, — Егор зовёт меня, но я не отвечаю.

— Нужно вызвать...

— Маш! — меня хватают за плечи и поднимают на ноги, встряхивая. — Он мёртв! — Шторм осекается, встречаясь со мной взглядом. — Он мёртв... — на грани шёпота повторяет парень.

Я трясусь головой, не собираясь верить в подобный бред. Нет, он не мог умереть. Он же несколько минут назад стоял передо мной, прикрывая меня от пуль... Он...

Меня ведут к машине, открывают дверь и почти силком заталкивают на заднее сидение. Я не понимаю, что происходит, а когда сознание возвращается ко мне, мы уже выезжаем из подземной парковки и оказываемся в городе.

— Я позвонил в полицию, — говорит Егор, сидящий на переднем пассажирском сидении. — Сказал, что была перестрелка и двое убиты.

— Хорошо, — Таран за рулём.

Рядом со мной Соня. Она обнимает себя руками и смотрит в одну точку. Рома и Кристина, скорее всего, в другой машине. И, наверное, вместе с ними Миша...

Но потом я вспоминаю, что Кузнецов лежал на полу в крови, и понимаю, что нет. Он остался там, на парковке, где три года назад Малийский сломал спину Штормову. А теперь этот ублюдок отнял у меня Мишу...

Боль с новой силой охватывает меня, я дрожу то ли от холода, то ли от эмоций. Мне хочется кричать, стонать и рыдать в голос, но вместо этого я задыхаюсь, молча смотря на

свои колени.

Я не знаю, куда мы едем.

Не знаю, что ждёт нас впереди.

Но одно я знаю точно: моя жизнь без Миши превратится в настоящий ад.

И в этот ад я затащу каждого, кто виноват в его смерти.

Я затащу в свою агонию их всех...

Больше книг на сайте - Knigolub.net